

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

FEDERAL AGENCY OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

E. F. Fursova

TRADITIONAL CLOTHES OF RUSSIANS
AND OTHER EASTERN SLAVS
IN THE SOUTHERN REGIONS OF WESTERN SIBERIA
(end of the 19th – first third of the 20th century)

Editor-in-Chief
academician *A. P. Derevianko*

Novosibirsk
Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
2015

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. Ф. Фурсова

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА РУССКОГО
И ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(*конец XIX – первая треть XX века*)

Ответственный редактор
академик *А. П. Деревянко*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2015

УДК 391:63(571.1)(-161)
ББК Т52(251.3-Р)-426
Ф954

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты
доктор исторических наук *В. А. Липинская*
доктор исторических наук *А. Ю. Майничева*

*Издание осуществлено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-28-00045)*

Фурсова, Е. Ф.

Ф954 Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века) / Е. Ф. Фурсова ; Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии СО РАН; М-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-7803-0252-0

Монография посвящена исследованию традиционной одежды представителей восточнославянских народов, проживавших на юге Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. В основу работы легли материалы, собранные автором в экспедициях, организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН в период 1970–2010-х гг. Для полноты картины привлечены также предметы из собраний краеведческих музеев и частных коллекций. Книга богато иллюстрирована фотографиями традиционной одежды и обуви русских старожилов и переселенцев, в том числе выходцев из западных губерний Российской империи (украинцев и белорусов).

Книга адресована этнографам, культурологам, работникам культуры, студентам и всем, кто интересуется традициями культуры восточнославянских народов.

**УДК 391:63(571.1)(-161)
ББК Т52(251.3-Р)-426**

Fursova, E. F.

Traditional clothes of Russians and other Eastern Slavs in the southern regions of Western Siberia (end of the 19th – first third of the 20th century). – Novosibirsk: Publishing Department of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2015. – 296 p.

ISBN 978-5-7803-0252-0

The monograph represents the study of tradition clothes of various groups of Eastern Slavs in the southern regions of Western Siberia in the end of the 19th – first third of the 20th century. The work is based on the materials collected by the author in expeditions organized by the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS during the 1970s – 2010s. Additional materials were borrowed from collections of Local History Museums and private collections. The book is richly illustrated with photographs of traditional clothes and shoes of the Russian old residents and immigrants from the western provinces of the Russian Empire (Ukrainians and Belarusians).

The book is addressed to ethnographers, cultural scientists, cultural workers, students and all interested in the Russian culture and traditions of Eastern Slavs.

ISBN 978-5-7803-0252-0

© Фурсова Е. Ф., 2015
© ИАЭТ СО РАН, 2015

Введение

Традиционная народная одежда, обувь, головные уборы и украшения отражают происхождение и историю существования этносов, включая их внутренние подразделения, обладающие культурной спецификой (этнокультурные группы). В многообразии вариантов русской сибирской одежды конца XIX – начала XX в. были закодированы история контактов и взаимовлияний с другими переселенцами Сибири, процессы адаптации к местным условиям жизни. Народная одежда – включая головные уборы, обувь, украшения – составляла комплексы, которые, во-первых, были характерны для конкретной этнокультурной группы, а во-вторых, оказывались тесно связаны с традиционными религиозными воззрениями, этическими нормами, эстетическими идеалами носителей, их социальным и имущественным положением, торгово-экономическими связями.

Истоки самобытности России лежат в народной культуре, творческом наследии наших предков. Сегодня во многих местах России, включая Сибирь, на фоне борьбы за отеческие, базовые ценности возрождается традиционная народная культура. Активно развивается интерес к изучению народной одежды, головных уборов, орнаментации, украшений, обуви, что в единстве компонентов составляло характерный для той или иной этнокультурной группы традиционный костюм.

Своеобразие бытования русской народной одежды заключается в распространении ее форм с конца XVI – начала XVII в. на обширных территориях не только Европейского, но и Азиатского континентов – в Сибири и на Дальнем Востоке. Под воздействием новых природно-экологических, этнографических, социально-экономических факторов складывались специфические черты

одежды русских сибиряков-старожилов как Сибири в целом, так отдельных ее западносибирских областей (Верхнее Приобье, Барабинская степь, Васюганская равнина, Алтай, Присалаирье, Кулундинская степь и пр.). Эта огромная по протяженности площадь в XIX – начале XX в. входила в состав Томского, Каинского и Барнаульского уездов Томской губ.

В научной литературе не раз поднимался вопрос о том, что необходимо сопоставление сибирского материала с европейским – в целях выявления общерусских традиционных черт культуры и закономерностей их развития [Александров, 1974, с. 17]. Это обусловлено прежде всего тем, что «этнодифференцирующую роль могут играть не только те компоненты культуры, которые едины для всего этноса, но и ее локальные варианты» [Бромлей, 1983, с. 126]. Ареальное сравнительно-историческое исследование традиционной одежды русских и других восточнославянских народов юга Западной Сибири позволяет полнее рассмотреть этнографический состав населения этого крупного региона, а следовательно, внести определенный вклад в изучение мест выхода, путей передвижения, внутренних миграций поселенцев края. Решение этих проблем по материалам конца XIX – начала XX в. непосредственно связано с рассмотрением процессов культурной интерференции между проживавшими здесь этносами (русские, белорусы, украинцы, мордва, татары и пр.), а также культурного взаимодействия различных групп русских.

Сведения, содержащиеся в описаниях, дневниках путешествий, свидетельствуют об известном своеобразии старожильской одежды, что выражалось, с одной стороны, в сохранении здесь элементов старинной русской одежды [Крашенинников, 1966, с. 54; Радищев, 1907, с. 99] в среде старообрядчества, с другой – в ориентации на городские формы, модные тенденции в костюмах православных сибиряков и некоторых переселенцев (не старообрядцев) [Школкин, 1863, с. 35–50; Филимонов, 1892, с. 85]. Традиционная одежда восточнославянских народов на территории юга Западной Сибири конца XIX – начала XX в. обладала самобытностью в различных культурных группах старожилов, известных как чалдоны (челдоны), сибиряки, старообрядцы-кержаки, являвшихся потомками первопоселенцев края. Локальными различиями характеризовались костюмы более поздних переселенцев начала XX в.: старообрядцев-двоеданов, старообрядцев-курганов, севернорусских «волговских», пермских, вятских переселенцев. Довольно резко в это время выделялись внешним видом «куряне», «тамбаши», «орлы» и прочие южнорусские выходцы, которых в Сибири нередко путали с украинскими и белорусскими крестьянами. Так, например, переселенка из Малороссии Марьяна Николаевна Тагильцева (1906 г. р.) вспоминала, как одевались в начале XX в. жители ее деревни. В своем рассказе она связывала обычай одеваться с конкретными носителями традиций д. Язово Тальменского р-на Алтайского края. На вопрос: «Кто выделялся своим внешним видом в деревне?» она ответила: «Кержаки носили сарафаны с рубашами. Кержаки были и мордва. Сибиряки тоже выделялись – с вятскими не роднились. Также сами себя любили.

Они в юбках и кофтах ходили... Вятских много было в сарафанах. Росейские тоже были...» (ПМА 1983. № 12. Л. 26).

Воспоминания людей, родившихся в первой четверти XX в., позволили автору сделать реконструкции не только комплексов одежды, способов ношения, покроев, но и восстановить связанную с одеждой терминологию, что важно для характеристики локальной специфики культуры и идентичности восточнославянских народов юга Западной Сибири*. Основным источником исследования, таким образом, послужили полевые материалы автора, позволившие не только выявить типы и варианты традиционных видов одежды, но и степень их распространенности в конкретных группах и регионах. Коллекции столичных и региональных музеев также стали важным подспорьем в работе, однако, как показывает опыт, без полевых исследований эти материалы могут давать ограниченное представление и, как следствие, есть риск сделать не соответствующие реальности выводы.

В настоящее время, благодаря усилиям деятелей науки и культуры, во многом преобразились сценические костюмы участников фольклорных коллективов – теперь их одежда стала в большей степени соответствовать традициям и исполняемому репертуару (рис. 1, 2). Практическую помощь приносят конференции,

Рис. 1. Выступление фольклорных коллективов в реконструируемых костюмах.

*Экспедиции 1978–2013 гг. были организованы Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Автор – участник и руководитель Восточнославянского этнографического отряда.

Рис. 2. Выступление фольклорных коллективов в реконструируемых костюмах.

Рис. 3. Фестиваль костюма «Славенка», организованный Новосибирским областным центром русского фольклора и этнографии, 2014 г.

Рис. 4. Фестиваль костюма «Славенка», 2014 г.

Рис. 5. Фестиваль костюма «Славенка», 2014 г.

круглые столы, фестивали, посвященные вопросам соотношения традиций и новаций, народного и авторского начала. Интересным и многообещающим начинанием можно считать проведение фестивалей костюма «Славенка», организуемых Новосибирским областным центром русского фольклора и этнографии и курируемых Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (рис. 3–5).

Никакие реформы в государстве не могут быть успешными, если власти не интересуются обычаями и традиционным укладом жизни народа. Россияне должны осознать, что нами «утрачено, что можно и нужно восстановить или сделать заново» [Брушлинская, 2013, с. 2], «не забывая о достоинстве и своих правах, собрать свои силы – духовные в первую очередь, и, не забывая своей истории, защищать свое Отечество...» [Архангельский, 1993, с. 45]. В меру своих возможностей автор предлагаемого научного исследования старается идти по этому пути, поскольку считает, что нельзя любить то, чего не знаешь. Низкий поклон землякам, поделившимся своими воспоминаниями с автором и таким образом внесшим свой вклад в создание данной книги.

Глава первая

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (сибиряки, чалдоны)

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

В ряде работ ученых-сибиреведов говорится о севернорусской основе старожильского, в том числе служилого, населения, либо об его достаточно сложном составе [Бояршинова, 1950; Колесников, 1973, с. 273; Люцидарская, 1992, с. 38, 54]. Историк Н. И. Никитин показал, что основателями первых западно-сибирских городов, наряду с «пермскими», «новоторжскими», «москвичами», были донские, терские казаки (Никитин, 1988, с. 26–27, 31). На протяжении XVII и первой половины XVIII вв., после ликвидации угрозы набегов южных кочевников, население Среднего Приобья переместилось в более южные районы, благодаря переводению крестьян из Томского уезда в Барабу [Емельянов, 1981, с. 111, 120]. В. А. Липинская, а также Т. С. Мамсик, используя метод сопоставления фамилий первопоселенцев, проследили продвижение сибиряков из северных районов Западной Сибири в Горный Алтай [Липинская, 1996, с. 7; Мамсик, 1989, с. 156–157]. Согласно архивным документам XVIII в., Кузнецкий и Барнаульский уезды Томской губ. заселялись преимущественно выходцами из более северных мест Западной Сибири: Тобольского, Верхотурского, Тюменского, Тарского уездов [Беликов, 1898, с. 27–30; Булыгин, 1974, с. 32; Липинская, 1996, с. 16]. Если до 1760 г. делались попытки заселить Барабу крестьянами Тарского, Томского ведомств, Тобольского, Самарского «ямов», то начиная со второй половины XVIII в. здесь стали почти ежегодно появляться партии крестьян из Центральной России. Двадцать пять деревень Западной Барабы сформировались за счет сосланных по-

мещиками или беглых крестьян; одна из деревень состояла целиком из орловских помещичьих крестьян [История Сибири, 1968, с. 164]. В дальнейшем приток населения продолжался: в Барабу переселяли выходцев из Воронежской, Смоленской, Курской, Тамбовской, Калужской, Орловской и других губерний [Миненко, 1986, с. 87]. Постепенно разные группы сибирского населения, в той или иной степени занимавшиеся земледелием – крестьяне, служилые и посадские люди, – сливались в единое крестьянское сословие.

Слово «сибиряк» означает «коренной житель Сибири», «человек, проживающий в Сибири». Естественно, при этом необходимо принимать во внимание многозначность самого топонима «Сибирь», встречающегося еще в древнерусских летописях (Сибирью называлась столица Сибирского ханства, Себуром – Уральские горы, «сыбырью» – древние местные племена) [Соколова, 1986, с. 14; Жигунова, Фурсова, 2010, с. 101–102].

Этнографические реалии первой трети XX в., обнаруженные в ходе полевых работ в сельских районах Западной Сибири, дают основание говорить об этнокультурной специфике части сибиряков-старожилов, не вписывавшихся в концепцию «выходцев из севернорусских городов». Проблемы культурного облика старожилов Западной Сибири, в их числе именующих себя чалдонами, рассматривались рядом сибирских этнографов, работающих на основе полевых материалов [Фурсова, 1992, 1994, 2006; Бардина, 1995, 2009; Кимеев, 1997; Жигунова, 1999, 2004; Золотова, 2002; Любимова, 2004; Бережнова, 2007; и др.].

Независимо от историков и этнографов к выводам о сложном составе первых насельников Приобского региона пришли диалектологи, которые произносительные варианты старожильческих говоров относят к «старомосковским нормам», а в составе первых жителей г. Томска и изолированных групп старожильского населения из местности вдоль течения р. Кеть выделяют значительное количество выходцев из центральных районов России («москвичей») [Блинова, 1971; Палагина, 1971; Захарова, 1979].

Старожилы, относившие себя к чалдонам, утверждали (а их потомки и сегодня так считают), что они жили в Сибири с незапамятных времен; поэтому среди них распространены такие категоричные высказывания о себе: «мы – закорененные сибиряки», «чистые сибиряки», «чалдоны – вековые сибиряки», «нация была – русские чалдоны» и т. д. Народные предания о происхождении этой группы населения так или иначе «привязаны» к реке Дон. Красной нитью в устных сообщениях проходят темы родственной связи с «покорителем Сибири Ермаком», а также «казацкого» прошлого прадедов. Более того, Ермак выступает родоначальником всего «рода», а главным актом его деятельности является поселение на сибирских землях чалдонов. Приведем на эту тему рассказ жительницы с. Баженово Саргатского р-на Омской обл.: «У меня вот дед, как раз чалдонами их звали, он, значит, с Дона, с Чалки. Река Чалка там есть, впадает в Дон, вот там где-то они жили. Оттуда приехали, его отец приехал сюда с семьей, тоже из-за земли. Так они рассказывают, конечно, их самих теперь

давно в живых нет. В каком году приехали, не говорили. Он приехал не сам, его привезли, конечно» (ПМА 2007)*. Однако, несмотря на «казачье» происхождение, полной идентификации с этой группой населения все же нет. «Нас звали чалдонами, а не казаками, – вспоминала А. Н. Короткова из с. Евгашино Большереченского р-на Омской обл. – А всё равно это означает, что с Чала, с Дона. Ну, Чал – как река, как начинается. Дон – основная река, а Чал – это приток» (ПМА 2007)**.

По вероисповеданию чалдоны Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской, Тюменской обл. и Алтайского, Красноярского краев являлись обычно православными или «мирскими», то есть не старообрядцами, чем отличались от старожилов-старообрядцев. Чалдоны имели ранее и имеют в настоящее время русское этническое самосознание, а на фоне переселенцев из Европейской России выделялись своими фамилиями.

Другая часть старожильского населения Южной Сибири, не называвшая себя чалдонами и не связывавшая происхождение с Доном, для изучаемого времени была известна как сибиряки. Таким образом, чалдоны могли одновременно обозначать себя топонимом сибиряки, а сибиряки лишь в конкретных районах называли себя чалдонами (правобережье р. Обь, Барабинская лесостепь, Прииртышье, Присалаирье и пр.). В начале XX в. и те, кто считал себя чалдонами, и те, кто называл себя сибиряками, по народным представлениям, являлись старожилами. О себе носители этого топонима обычно говорят, что они и их прадеды «коренные сибиряки», «вечные сибиряки», «настоящие русские сибиряки». Таким образом, для обеих отмеченных выше старожильческих групп населения Западной Сибири была характерна русская самоидентичность.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДЕЖДЫ, МАТЕРИАЛОВ

Согласно воспоминаниям наших информантов, в конце XIX – начале XX в. в женском гардеробе чалдонки (сибирячки) преобладали покупные ткани отечественного и импортного фабричного производства: гарус, кашемир, шелка, газ, кружева, ситцы и пр. Действительно, в архивах сохранилось много упоминаний о таких материалах для одежды в период начала XX в. Так, в Легостаевском волостном правлении Барнаульского уезда Томской губ. в заявлении крестьянина, у которого ночью «покрали» одежду, можно найти указания на бахту, гранитур, тафту и пр. Среди бумажных тканей встречались как выбойчатые (например, мутно-красная «с черными мухами» бахта), так и гладкокрашенные («мутно-желтая китайка») (ГАНУ. Ф. Д 100. Оп. 1. Д. 7. Л. 116 об., 323).

*Комплексная научная этнографическая экспедиция «Славянский ход – 2007», организованная Школой русской традиционной культуры им. А. С. Знаменского, г. Сургут.

**Комплексная научная этнографическая экспедиция «Славянский ход – 2007».

Особенно нарядными считались полуселковые или шелковые ткани ярких расцветок с двусторонним узором – камка, или гладкие – тафта, которая могла быть также с цветными разводами. По подсчетам О. Н. Шелегиной, в Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. в общем ассортименте тканей на долю самодельных (льняных, шерстяных и полушерстяных) приходилось 41,1 %, остальное составляли покупные материалы фабричного производства: хлопчатобумажные – 32,1 %, сукна фабричные – 10,2 %, шелковые – 16,6 % [Шелегина, 1992, с. 106, 107]. Однако эти подсчеты, намечающие лишь общую ситуацию в огромном по своей протяженности регионе, требуют уточнения при исследовании конкретного места или этнографической группы. Самое широкое распространение шелковые ткани имели у населения Юго-Восточного Алтая, в частности, долины р. Бухтармы, где старожилы издавна выменивали их на продукты своего труда или охоты [Гуляев, 1845].

Высокое качество старожильческой одежды, вне зависимости от социального положения, поражало иностранцев. Норвежского ученого Ганстеена, путешествовавшего в Западной Сибири в 1828–1830-х гг., восхищало природное здоровье сибирячек: «Женщины зимою и летом ходят в одних холстинных рубашках и юбках, босиком. Если надо оставаться на дворе несколько времени, то они накидывают меховую шубку и надевают башмаки; чтобы только пробежать, они остаются в том же самом костюме, как и дома, и босиком прогуливаются по снегу...» [Томские губернские ведомости, 1874]. Ганстеен любовался грациозностью, природной красотой сибиряков: «Сибиряки, – писал он, – считаются самым красивым народом в России и я, со своей стороны, нахожу, что это совершенно справедливо» [Томские губернские ведомости, 1874]. В описании Ганстеена присутствует упоминание о женской одежде: «помочах, которые были застегнуты у пояса и на спине и, соединяясь на груди, казались небольшим корсажем». Видимо, здесь иностранец увидел сарафан *с грудкой* (с лифом), хорошо известный на Русском Севере и у севернорусских переселенцев Сибири начала XX в. Особенно близки косоклинные и прямого покроя сарафаны территории Псковской обл. [Ганцкая, Лебедева, Чижикова, 1960, с. 46, 55, 60, 66].

По наблюдению польской ссыльной Э. Фелинской, в середине XIX в. «даже на наибеднейшей батрачке можно найти белое тонкое белье (рубаху? – Е. Ф.), иного никто не носит», и далее: «...только убор на головах женщин отличал чиновничьих жен от небогатых: первые носили маленькие чепцы, а другие шелковый разноцветный платок, плотно облегающий голову и придающий ей форму дыни» [Felinska, 1852, s. 35]. «Вы не увидите нигде оборванного и грязно одетого человека, – писал неизвестный путешественник в 1881 г., – на крестьянках и крестьянках чистое, холщевое, самодельное платье, белое, или же окрашенное в общепотребительный здесь, синий цвет» [С Барнаульского тракта..., 1881]. Действительно, многие сибиряки обладали достаточно обширным гардеробом, за что более поздние переселенцы конца XIX – начала XX в. нередко называли их

«сундучниками». Это впечатление подтверждается также публикациями очевидцев – исследователей и путешественников конца XIX – начала XX вв. Ф. Н. Белявский в 1907 г. писал по поводу русского старожильского населения Западной Сибири: «Одевается сибиряк с претензией на франтовство; лаптей он не знает. Мужчины щеголяют в пиджаках, а женщины – в ситцевых и шерстяных платьях. Кокошников не носят...» [Белявский, 1907, с. 238]. К концу XIX – началу XX в. все большую популярность начали получать ткани российского производства, а успешно развивавшийся шерстобитно-пимокатный промысел всё интенсивнее вытеснял домашнее производство валенок. Ввозили сюда и мануфактурные товары, предметы одежды и обуви, которые закупались на Ирбитской, Нижегородской и Крестовской ярмарках [Швецов, 1898, с. 12]. Все это не могло не способствовать появлению в одежде местных жителей, прежде всего молодежи, модных городских элементов. Особенно нарядно девушки и молодые женщины наряжались к Пасхе – в шелковую или кашемировую одежду, при этом информанты подчеркивали, что речь шла не столько о видах одежды, сколько о дорогом покупном материале.

Несмотря на состоятельность старожилов-чалдонов, отношение к одежде было очень бережным. Одежда высоко ценилась и считалась семейным достоянием, была одним из самых желанных подарков. Достаточно сказать, что жених, чтобы вызвать симпатию невесты, одаривал ее шалью или отрезом ткани, невеста отдаривалась вытканными ею или купленными пояском, рубахой. Ношению праздничных нарядов отводилось лишь дневное время – к вечеру их снимали и надевали повседневный костюм. Столь бережный подход поясняет обычай не стирать праздничную одежду, которая при соответствующем использовании не успевала загрязниться на протяжении жизни своей обладательницы. Сохранилось много рассказов наших информантов о том, как берегли самодельную, а тем более покупную обувь (например, в церковь шли босыми, а обувались лишь в помещении; разувались, чтобы перебежать через грязь, лужи). Различные социальные группы, не относящиеся к крестьянам, также выделялись своей манерой одеваться. По рассказам пожилых информантов, богатые купцы Чаусской вол. Томского уезда и губ. (Колывань) носили *толстовки*, бархатные *манчестеры*, а зимой бобровые шапки, дорогие шубы. Состоятельные мельники тоже отличались более модной и качественной одеждой, о чем вспоминала Е. И. Богатырева*: «Пóльта у них хорошие, суконные были. У женщин платья...» (ПИМА 1990. № 1. Л. 8 об.). Наоборот, крайней бедностью отличался костюм пастуха, которому дарили одежду в качестве подаяния. «Шабур да подпояска. Уж кто-нибудь давал ему рубаху или чё. Бедненький обычно брался пасти коров» (ПИМА 1990. № 1. Л. 8 об.).

*Богатырева Евдокия Ивановна (1902 г. р.), д. Кандаурово Колыванского р-на Новосибирской обл. Родители приехали «с Вятки», муж – местный сибиряк.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

подавляющее большинство пожилых женщин, называвших себя чалдонками, утверждали, что сарафаны не носили ни матери, ни бабушки. Это свидетельствует о том, что и в 1880–1890-х гг. сарафанный комплекс в этой группе населения уже не бытовал. Подтверждение этому находим и в исследованиях, описаниях путешественников того времени. Так, Ф. Н. Белявский, передавая облик женщин начала XX в., указывает, что они «не любят русских костюмов: и сарафанов на них не увидите, не увидите и вообще одежды, сшитой из домашнего полотна» [Белявский, 1907, с. 238]. Судя по всему, здесь речь идет именно о чалдонках. Другие культурные группы населения, которые не использовали юбку с кофтой в качестве традиционного костюма (это старообрядки, часть православных сибирячек, российские переселенки), называли такой комплекс «модой по-сибирски». Чалдонки мало украшали одежду вышивкой, объясняя это использованием красивых покупных тканей и нежеланием портить «неэстетическими рукоделиями» модные фасоны.

До распространения праздничного комплекса кофты с юбкой городского вида в сибирской старожильской среде были известны эти виды одежды из холста или шерсти в качестве более ранних, повседневных и рабочих, о чем свидетельствуют архивные материалы и некоторые сообщения информантов [Фурсова, 1998а, с. 468] (рис. 6–9). «Дома-то ладно, в холщовой юбке, да и рубахи были холщовые, только тонкие. Сверху кофта теплая – узкая вверху и широкая внизу (видимо, расширяющаяся книзу. – Е. Ф.). Сшита из базарного материала, на подкладе, стеганная. Спереди застегивалась – не будет же нараспашку!» – вспоминала одежду своей матери Анастасия Семёновна Зайкова* из Ордынской вол. Барнаульского уезда (ПМА 1990. № 1. Л. 30). Кофту в повседневном костюме, как правило, не заправляли в юбку. Приведем высказывание этого же информанта относительно юбки: «Юбки набранные и ошкур пришитый. Завязывались кругом с узлом слева. Тогда резинок не было...»

Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова считали комплекс с юбкой характерным для военнослужилого сословия, сформировавшегося в XVI–XVII вв., контингент которого непрерывно пополнялся казаками [Лебедева, Маслова, 1967, с. 201]. Распространение юбок (в их числе так называемых *сукманок*) в Тотемском, Вологодском, Кадниковском, Вельском уездах Вологодской губ. этнографы связывают с белорусскими и смоленскими землями [Маслова, 1973, с. 78]. Комплекс одежды с юбкой, вероятно, был принесен в Сибирь выходцами из соответствующих областей Европейской России.

Праздничные костюмы отличались более дорогими качественными материалами, широкими юбками и *обтяжными кофтами* (с басками). В Сиби-

*Зайкова Анастасия Семёновна (1912 г. р.), д. Верх-Ирмень Ордынского р-на Новосибирской обл. Деды и родители – «здешние чалдоны».

Рис. 6. Повседневный костюм замужней женщины из Сузунской заводской волости начала XX в. (хлопчатобумажная кофта и домотканая юбка, головной убор). Сузунский краеведческий музей.

Рис. 7. Пестрядинная кофта с юбкой из собрания Кемеровского краеведческого музея.

Рис. 8. Рубаха на кокетке с пестрядинным станом. Сузунский краеведческий музей.

Рис. 9. Женский костюм с набивным платком. НГКМ.

ри *бористые* юбки шили из трех-четырех (до двенадцати) прямых полотен ткани (рис. 10–19). Очевидно, что ходить в такой одежде было непросто, требовалась неспешность и даже осторожность. «Когда идти через грязь, мать поднимала подол. Через руку перевесит, идет», – рассказывала о своих детских впечатлениях Людмила Сергеевна Писарева, 1908 г. р. (ПМА 1983. № 12. Л. 88). По низу юбки украшались оборками; поэтому, рассказывая про такую юбку, пожилые женщины Верхнего Приобья обычно говорили: «юбка с уборкой» (рис. 20–23). Женщины-чалдонки из Колывани носили по две широких сборчатых юбки на подкладке с облегающей фигуру кофтой – *обтяжной* (рис. 24).

Кофты застегивались спереди или сзади. Ворот вырезался «под

Рис. 10. Семья богатого чалдона в 1911–1913 гг. Фото М.А. Круковского. Архив МАЭ, № 2354.

Рис. 11. Фотография старожильческой семьи начала XX в. Фото из семейного альбома. ПИМА 2001.

Рис. 12. Семья богатого старожилы Змеиногорского уезда в 1911–1913 гг.
Фото М. А. Круковского. Архив МАЭ, № 2354.

Рис. 13. Коренные сибиряки Камышевы из Гондательевской вол. Томского уезда в 1912 г. Фото из семейного альбома. ПМА 2005.

Рис. 14. Девушки в парочках. Фото из семейного альбома. ПМА 1999.

Рис. 15. Костюм богатых чалдонов из семейного альбома В. А. Ворочиной. Барнаульский уезд, начало XX в. ПМА 2008.

Рис. 16. Костюм чалдонов из семейного альбома В. А. Ворочиной. Барнаульский уезд, начало XX в. ПМА 2008.

Рис. 17. Костюмы матери и детей. Каинский уезд, 1905 г. Фото из семейного альбома. ПМА 1993.

Рис. 18. Женщины в костюмах начала XX в. Фото из семейного альбома. ПМА 1993.

Рис. 19. Старожилы и переселенцы начала XX в. Пожилая женщина в пестрядинных рубахе и юбке. Фото из семейного альбома. ПМА 1993.

Рис. 20. Юбка праздничная, принадлежавшая женщине из старожильской семьи в с. Верх-Красноярка Северного р-на Новосибирской обл. Изготовлена в 1910-е гг. ПМА 1997.

Рис. 21. Женский праздничный костюм из Сузунской заводской волости начала XX в. (хлопчатобумажные кофта и юбка). Сузунский краеведческий музей.

Рис. 22. Женский старожильский костюм чалдонки из Каинского уезда (Куйбышевского р-на) начала XX в. Праздничная кофта из желтой полуселковой ткани, юбка из синего сатина (реконструкция 1980-х годов, детский ансамбль «Незабудка»). Собрание школьного краеведческого музея с. Балман Куйбышевского р-на. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

Кофта украшена оборками по линии кокетки, воротнику-стойке, а также декоративными строчками по вставке на груди. Нагрудная вставка выполнена из двух частей разных цветов – желтого и голубого. По низу рукавов проложены фабричные кружева коричневого цвета. Сборчатая юбка декорирована по низу фабричным кружевом, оборкой, собранной складками.

Рис. 23. Костюм молодой чалдонки Омской губ.
(кофта с юбкой). Реконструкция костюма
Г. А. Корниловой, г. Новосибирск.

Рис. 24. Костюм девушки-чалдонки из Чаус-
ской вол. Томского уезда и губ., начало XX в. Ко-
лыванский краеведческий музей.
а – вид спереди; б – вид сзади.

горлышко» и мог укладываться *куколками*, т. е. мелкими складками (ПИМА 1990. № 1. Л. 30). На дореволюционных фотографиях можно видеть женщин, запечатленных как в кофтах, заправленных в юбки (в этом случае кофты могли быть на кокетке или без, с воротником-стойкой и застежкой сзади), так и в кофтах на выпуск (с плечевыми швами и/или кокеткой, отложным воротником и застежкой спереди или сзади) (см. рис. 10–19). Костюм назывался *парочкой*, если изготовлялся из тканей одного цвета или близких тонов. Для изучаемого периода были популярны цвета парочек: розовые, темно-желтые, бордовые, *понебесные* и т. д. Нижней одеждой служила одна рубаша с укороченными рукавами из двух частей: верхней – *рукавов* (хлопчатобумажная ткань) и нижней – *становины* (из более дешевого, возможно, льняного материала). Нижняя одежда, таким образом, сохранила терминологию и крой традиционной славянской рубахи, так как нижние рубахи относились к *пóликовым*, называвшимся по местному «с лáстовкой* на плечах». В 1920–1930-е гг. женщины обеспеченных старожилов, в отличие от представительниц других групп населения, имели нижнее белье – *рубашки*, которые шили из тонкого льняного полотна домашнего изготовления. Их украшали вышивкой в технике «по вырезу».

К. С. Иванова, коренная чалдонка из с. Усть-Ишим Омской обл., рассказывала об одежде своей матери: «Поверх этой рубашки (нижней. – Е. Ф.) одевали юбки, тоже домотканые. И мама так носила, и бабушка... Юбки ткали в клеточку. Ее звали пестрядь. Клетки крупные и мелкие, кто как желает. В полоску я не помню. Шерстяные – это праздничные. И уток, и основа – шерсть, тонко пряли. А обыденные – холщовые, из холста, но тоже перебирали, не сплошь полотно делали...» (ПИМА 2007). Поверх надевали кофту с рукавами-*грибком*, как называли объем у плеча, с *фанбарой* (т. е. оборкой) по низу. Приведем описания некоторых экземпляров этого вида одежды из музейных собраний. Кофты, изготовленные мастерицами-портнихами, отличались внешним видом, например, более сложными конструкциями, декором, соответствовавшими моде начала XX в., а также техникой изготовления, дополнительными фигурно выкроенными деталями (рис. 25–27). Праздничная кофта из светло-розового атласа на подкладке из с. Камышенка (бывшее Коченёво) Каинского уезда Томской губ. изготовлена в 1913 г. портнихой (рис. 28). Грудка украшена кружевом, полосками из основной ткани, пуговицами, обтянутыми атласом. Застежка идет по левому плечу, пройме рукава, боковому шву на мелкие пуговицы (НГКМ, № 15481). Праздничная кофта Н. С. Плешивцевой из пос. Коченёво Каинского уезда, изготовленная в 1903–1907 гг., сшита из светло-сиреневой атласной ткани и отделана белым кружевом и полоской из бордового бархата. Перед – цельный, спинка с застежкой на металлические кнопки. Расширение книзу за счет двух трапециевидных вставок между передом и спинкой. Рукава втачные, резко суживающиеся к манжетам (НГКМ, № 15458) (рис. 29). Другая кофта из бордового атласа, изготовленная

*Ластовка – вставка.

Рис. 25. Деталь женской кофты (манишка) из красного атласного шелка с вышивкой. Сборы Е. Ф. Фурсовой. Собрание ИАЭТ СО РАН.

В центральной части, по воротнику-стойке, краям выполнена вышивка растительного характера. Техника вышивки – петельный шов (тамбур). В краевой шов по всему периметру вшито серое (ранее, возможно, белое) кружево фабричной работы. С изнанки подшита подкладка из хлопчатобумажной ткани розового цвета. Надевали поверх праздничной кофты и застегивали на крючок сзади; крючок пришит к завязкам, в которые переходит воротник-стойка.

Рис. 26. Праздничная парочка с шалью. Кунгурский краеведческий музей.

Рис. 27. Женский костюм из Тобольской губ., начало XX в. Ишимский государственный краеведческий музей.

Рис. 28. Праздничная кофта из светлого-розового атласа на подкладке.

НГКМ, № 15481.

Перед украшен кружевом, полосками из основной ткани, пуговицами, обтянутыми атласом. Застежка идет по левому плечу, пройме рукава, боковому шву на мелкие пуговицы. Кофта изготовлена в 1913 г. портнихой с. Камышенка (бывш. Коченёво) Каинского уезда Томской губ.

Рис. 29. Кофта праздничная из светло-сиреневой атласной ткани, отделана белым кружевом и полоской из бордового бархата. НГКМ, № 15458. Изготовлена Н. С. Плешивцевой в 1903–1907 гг., пос. Коченёво Каинского уезда Томской губ.

в с. Каргат Каинского уезда в 1908 г., сшита на кокетке (рис. 30). Она расширена книзу за счет боковых клиньев, застегивается слева по плечу на мелкие пуговицы и прорезные петли. Рукава втачные длинные, слегка суживающиеся книзу. Лиф декорирован черным хлопчатобумажным кружевом, складками и цветным шнуром (НГКМ, № 10436). Более простые, но тоже праздничные кофты из собрания ИАЭТ СО РАН изготовлены из желтого сатина. Одна из них (Северный Алтай) сшита на кокетке с отделкой синими шелковыми лентами внизу рукавов. Воротник-стойка застегивается на две пуговицы (рис. 31). Другая, привезенная из Причумышья, имеет плечевые швы, отделана голубыми полосками и черными кружевами внизу рукавов. Рукава скошены к кистям рук; от плечевых швов вниз идут три строчки-защипа. Ворот обшит отложным воротником; разрез-застежка на пять пуговиц идет по центру (рис. 32).

Рис. 30. Женская кофта из бордового атласа, из с. Каргат Каргатского р-на Новосибирской обл.

НГКМ, № 10436.

Подкладка из серого ситца. Сшита на кокетке, расширена книзу за счет боковых клиньев. Застегивается слева по плечу на мелкие пуговицы и прорезные петли. Рукава втачные длинные, слегка сужающиеся книзу. Перед декорирован черным хлопчатобумажным кружевом, складками и цветным шнуром.

Рис. 31. Женская праздничная кофта из желтого сатина на кокетке с отделкой синими шелковыми лентами внизу рукавов. Сборы Е. Ф. Фурсовой, 1983 г. Собрание ИАЭТ СО РАН.

Воротник-стойка застегивается на две пуговицы.

В семье сибиряков Гуреновых из Нижнего Сузуна Новосибирской обл. сохранилась девичья кофта, принадлежавшая их родственнице Анастасии Николаевне Горюновой (1876 г. р.); эту вещь берегли почти сто лет (рис. 33). Распашная спереди кофта сшита из хлопчатобумажной ткани «в диагональ». Рукава немного кошеные, втачные, присборенные у плеча, оканчиваются у запястья широкими манжетами с застежкой на две пуговицы. От плечевых швов и горловины простроены четыре складки. Кофта имеет два воротника: стойку и матросский, вшитый в плечевые швы и отделанный белым покупным кружевом.

Рис. 32. Кофта из желтого сатина с отделкой в виде голубых полосок внизу рукавов. Сборы Е. Ф. Фурсовой, 1983 г. Собрание ИАЭТ СО РАН.

Кошечные рукава сужаются книзу (к запястьям); от плечевых швов вниз идут три строчки-зашипа. Ворот обшит отложным воротником; разрез-застежка на пять пуговиц идет по центру.

Рис. 33. Кофта Анастасии Николаевны Горюновой (1876 г. р.) из Сузунской горнозаводской волости. Вид сзади. ПМА 1995.

А. С. Зайкова из д. Верх-Ирмень Ордынского р-на Новосибирской обл. смогла детально рассказать об одежде чалдонок бывшего Барнаульского уезда. Приведем ее рассказ: «Юбки длинные и кофты в талию, обтяжные. Кофты спереди застегивали, они по талии и в подоле пошире. Рукава длинные... Юбка с хвостом» (ПМА 1990. № 1. Л. 28 об.).

Бабушка Галины Григорьевны Троицкой (1921 г. р.), потомственной чалдонки из д. Евгашино Большереченского р-на Омской обл., носила присборенную юбку на пояске («на шнурочке») и кофту с широкими рукавами на манжетах. Мать Г. Г. Троицкой ходила в церковь в темно-синем длинном платье, с длинными рукавами. Подол как юбки, так и платья удлинялся на спине, образуя подобие шлейфа (ПМА 2007).

Если судить по старинным фотографиям, молодые женщины и девушки носили не только кофты с юбками, но и *платья на кокетке*, которые кое-где назывались *халадаями*. Если первый комплект считался чисто чалдонским, то второй, с платьем, мог бытовать в начале XX в. у сибирячек, в том числе у некоторых старообрядок. Информанты рассказывали о своих «платьях кисейных», «платьях с лифом в шесть полос» с оборками и кружевами по низу подола и рукавов, шву кокетки. Заметим, что термин «платье», несмотря на то, что отмечен в литературе как принадлежность городского костюма, не является в русском языке поздно возникшим понятием. Например, слово «платье», используемое как обозначение одежды вообще, много раз встречается в онежских былинах Севера [Онежские былины, 1950, с. 423, 425, 438 и пр.]. Это была одежда для праздников («к обедне»), для прогулок, когда важно было иметь «переменное платье» (в сравнении с простым будничным). У зажиточных сибирячек она была известна в качестве свадебного костюма. Молодые женщины старались вышивать себе платья по груди, боковым карманам (*кармашки*). Женщины постарше также носили по праздникам нарядные платья, например, *буклеево синее* или *шерстяное зеленое*; по сообщению Е. Д. Гуриновой*: «По груди склады, укладывали у лифтика, подол из прямых полотен с большой подбойкой (подкладкой по низу. – Е. Ф.), чтобы не мялся. Вокруг ошейника (местное названия воротника-стойки. – Е. Ф.) тоже набирали складки» (ПМА 1991. № 1. Л. 11). Со слов А. А. Некрасовой**, «сарафаны с рукавами», т. е. платья, однако, были доступны все же не всем людям, но «молодым да богатым» (ПМА 1991. № 1. Л. 55 об.).

Халадаи шили «кошеными по бокам» для праздников – из хороших шелковых, реписовых (репис – плотная хлопчатобумажная ткань) тканей, для будней из холста, «синеньких, бусеньких (серых. – Е. Ф.) дешевеньких тканей». Приведем воспоминания об этом виде одежды: «Боры по груди. Спереди и сзади прямо, в боках перекосят. Тетка с поясом и фартуком носила, боры заберет на спину» (Е. Д. Гуринова). Халадай от хранильницы из Сузуна, который по времени изготовления относился к концу XIX в., изготовлен из полушелковой ткани светло-коричневого цвета с разбросанными по полю вышитыми гладью цветами (рис. 34). Скроен он на кокетке с плечевыми швами, имеет длинные, суживающиеся книзу, рукава на манжете (с двумя клиньями). Широкий подол из трех полотен, два из которых составляют перед и частично переходят на бока. Третье полотно роскошно и пришито прямыми срезами к первым двум, а косыми соединяется на спине. Подол собран в складки по линии кокетки. Описанный вид одежды создавал «закрытый» женский облик: были скрыты от глаз не только формы тела, но и шея, ноги, руки до «косточки запястья».

*Гуринова Евдокия Дмитриевна (1911 г. р.), родилась в д. Нижний Сузун, крестилась в д. Малышево. Родители и деды – местные.

**Некрасова Анфиса (Феклиста) Андреевна (1910 г. р.), д. Малышево Сузунского р-на Новосибирской обл. Из старообрядческой среды.

а

Рис. 34. Девушка в платье традиционного покроя – халадае. Сунзунская горнозаводская волость, конец XIX – начало XX в. ПМА 1995.

а – из полуселковой ткани и украшенном вышивкой в технике «гладь»;
б – оно же с шалью.

б

Невыясненным остался вопрос, как именно подпоясывался такой вид одежды: одни информанты говорили, что подпоясывались поверх халадая, другие утверждали, что пояс располагался под подолом.

В районах Северного Алтая (Причумышье) были известны просторные платья-рубашки с рукавами (типологически более ранние), которые, по всей види-

мости, предшествовали платьям на кокетке (см. гл. 2). Как показывают полевые материалы, предпочтение традиционному платью часто отдавали старообрядцы – выходцы из Вятской губ. и северных районов Европейской России; в восточном направлении халадаи были известны в Енисейской губ., алтайские переселенцы принесли их даже в Приморье [Сабурова, 1972, с. 114; Фурсова, 1997, с. 49; Кобко, 2011, с. 613].

В процессе полевых исследований 1980-х гг. в Причумышье, Северной Барабе, Сузунском Приобье, Чаусе среди сибирячек (не чалдонок) встречались упоминания о сарафанах, под которые надевали поликовые рубахи. Сибирячки Приобья сарафаны звали *дубасами*. Многие пожилые информанты, родившиеся в конце XIX – начале XX в., о дубасах слышали только от своих матерей («Мама так оболокалась»). Сами же они носили в праздники платья, а в будни сарафаны: «Дома в сарафане, а куда идти – в платье. Сарафаны с застежкой до талии». В ряде мест сарафаны называли *клінниками* или *косо-клинниками*. Они сохранились в памяти людей юга Западной Сибири как одежда бабушек: «Мать не носила, а бабушка надевала ситцевые косоклинники без рукавов». Широко распространенное в Сибири наименование сарафанов *дубасы* отражает название красящего вещества – коры дуба, который здесь был заменен тальником и другими красками. По описаниям этот вид одежды близок к сарафанам вятско-пермского типа, хранящимся в городских музейных фондах Кирова, Вологды, Новосибирска и пр., где имеется также наплечная одежда, входившая в этот комплекс.

В комплекс праздничного женского костюма входил фартук с *грудкой* или без, вышитый по низу и украшенный самовязанным кружевом – *низиком* (см. рис. 19, 35). Рабочий фартук шили из холста.

Рис. 35. Праздничная женская парочка с фартуком и шалью из Омской (Акмолинской) губ., начало XX в. Государственный центр народного творчества Омской обл.

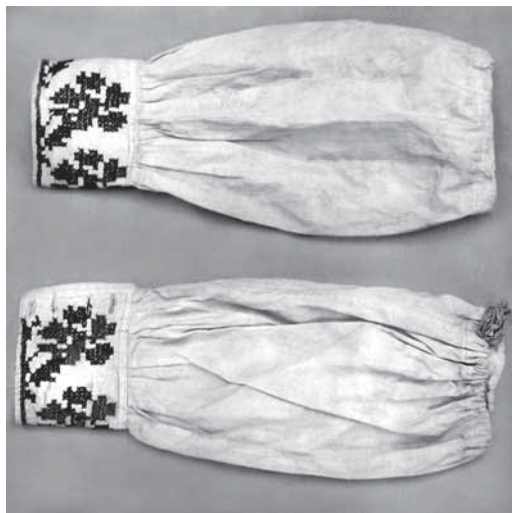

Рис. 36. Холщовые нарукавники для вязки снопов, г. Болотное Новосибирской обл. ПМА 1989.

Несмотря на то что многие женщины признавались, что «любили фартуки до смерти», этот вид одежды был запрещен в качестве моленной и погребальной: «В смертном нет фартука и молиться в фартуке тоже грех». Когда крестьянки собирались на покос или жатву, то одевали специальные чехлы для рук – *нарукавники* длиной до локтя (рис. 36) и для ног – *поголенки*. Эта удобная рабочая одежда предохраняла руки и ноги от колючих трав, а также защищала от грязи рукава рубахи и чулки. Материалом для нарукавников и поголенок служил грубый холст.

Старожильческое сообщество в соответствии с обычаем разреша-

ло девушке носить только одну косу, украшенную по праздничным дням лентами («коса с розовой ленточкой», «на конце бантик»). В церковь девушке полагалось набросить шаль или кружевной шарф. Просватанные девушки украшали голову гребенками с бантами: «Втыкали в голову – значит, я невеста!» Для украшения головы готовили две-три таких гребенки (один спереди, два по бокам, один-два сзади), повязывали два больших банта у основания косы и на конце. В Сузунском Приобье по очелью украшались искусственными цветами. Здесь про невесту говорили, что «всю неделю голова цветами убрана».

Смена девичьего убора на женский сопровождалась особыми обрядами (окручением, окручиванием), которые, по мнению Н. И. Гаген-Торн, имели своей целью «обезвредить» (закрыть) волосы невесты, вернее, заключенную в них магическую силу, опасную для рода мужа [Гаген-Торн, 1933, с. 88]. Если до Великой Отечественной войны пожилые женщины еще покрывали голову сборчатыми шапочками из ткани в виде чепцов-повойников (из ситца), *накольников* (из атласа, шелка), то после носили только платки и шали (рис. 37, 38). Молодые женщины перекрещивали волосы на темени и прятали под повойник и платок, повязывавшийся концами назад. Это называлось «повязаться по-бабьи». В 1920-е гг. женщин перестали «окручивать» повойниками, но этому обычаю продолжали следовать, используя *файшонки* («окручивали файшонкой»). Молодые женщины покрывали голову коклюшечным кружевным шарфом, кружевным платком-*катеткой*. Женщины Прииртышья способ повязывания платка узлом сзади называли «под татарочку». Чалдонка К. С. Иванова* из с. Усть-

*Иванова Клавдия Степановна (1924 г. р.), с. Усть-Ишим Омской обл., коренная чалдонка.

Рис. 37. Головной убор замужней женщины – кокошник (вар.: шашмура, позаўшка). НГКМ, № 19643-1.

Сшит из синей шелковой ткани узорчатого переплетения с подкладкой из черного сатина. Украшен черным шерстяным кружевом коклюшечной работы. Состоит из мягкой шапочки и полосок ткани, сшитых между собой.

а

б

Рис. 38. Свадебный головной убор старожиллов. Маслянинский историко-краеведческий музей. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

а – бэргалка (вар.: наколок, повойник); б – деталь.

Ишим Омской обл. вспоминала: «Это молодежь «под татарочку». А пожилые завязывали здесь, под подбородком» (ПМА 2007). В Северном Алтае и Среднем Приобье носили головной убор, представлявший собой переходную форму между чепцом и платком, который сохранил название ранее бытовавшего женского убора: *кокошник*, *позаушка*. Такой убор из фондов Новосибирского краеведческого музея сшит из синей шелковой ткани узорчатого переплетения с подкладкой из черного сатина. Украшен черным шерстяным кружевом коклюшечной работы. Состоит из мягкой шапочки и полосок ткани, сшитых между собой. Шапочка выкроена из двух частей: верха и околыша (НГКМ, № 19643-1).

На территории бывшего Сузунского медеплавильного завода при возвращении от венца головы невест венчали *бэргалками*. Бэргалку надевали во время смены прически на женскую (окручивания), накрывая при этом шалью. Бэргалка представляла собой круглый чепец высотой 15–17 см, обшитый кружевами *на проволочье*, разноцветными бантами на макушке. Судя по описанию, они выглядели примерно так, как *накóлок* из музейных коллекций (см. рис. 38). Кружева такого убора обрамляли лицо невесты и являлись украшением, надеваемым в первый день свадьбы. По мнению некоторых пожилых женщин, такие шапочки были доступны выходцам из богатых семей и передавались по наследству: «У богатых бэргалкой окручались». Л. П. Дедюхина вспоминала, что в 1924 г. ее окручивали «золовкиной бэргалкой» (ПМА 1991. № 1. Л. 45). На второй день свадьбы молодая уже надевала неукрашенный женский убор – *шашмуру*, который должна была носить всю оставшуюся жизнь. По очелью шашмуры располагался специальный твердый жгут – *ка-ралька*, *кишка* (из скрученных старых тряпок), благодаря которому головной убор приобретал необходимую форму. Поверх шашмуры повязывали платок концами назад и затем кружевную *катетку* или шаль концами вперед (если в семье не было бэргалки, то окручивали шашмурой и платком с узлом сзади). Анфиса Андреевна Некрасова (1910 г. р.) из с. Малышево Сузунского р-на рассказывала, как ее дядя пришел пешком из «германского плена» после Первой мировой войны и всем племянницам принес в подарок булавки (в виде иголки с шишечкой на одном конце. – Е. Ф.), которые использовали для закалывания шалей. Девушкам, родившим детей вне брака, полагалось носить девичью прическу, но закручивать косу в виде узла.

В отличие от старообрядцев, в чалдонских семьях не считалось предосудительным подкрашивание бровей, подрумянивание щек и пр. «Я, например, красилась геранью красной, а брови углем. Так на свадьбу ходила. Щеки геранью, губы геранью накрашивала. Цветочки герани красят немножко...» (ПМА 2007). Хотя использование декоративной косметики допускалось, в девушке ценились прежде всего скромность и хозяйственность.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Еще в конце XIX в. Е. С. Филимонов отмечал, что сибиряки «очень заботятся о своем костюме». В воскресные дни, писал путешественник, местные жители надевают «обязательно красную рубаху, плисовую поддевку и такие же шаровары» [Филимонов, 1892, с. 84]. Согласно полевым материалам, мужской костюм выглядел все же более разнообразным – как по используемым материалам (волоknистый состав, вид, расцветка), так и по применению орнаментации. Вместе с тем, здесь не прослеживалось резких различий между традициями сибиряков-старожилов и тех из них, кто называл себя чалдонами. Сибирские мужчины-старожилы повседневно носили рубахи-косоворотки, сшитые из клетчатой *пестрины*. Рубахи с «косым воротом-ошейником» и застежкой-*припóлком* застегивались на пуговицы («Всегда на левую руку и продольной воротник и приполок») (рис. 39, 40). Рукава прикреплялись к стану через вставки-ластовки под мышками.

Праздничные рубахи парней и молодых мужчин отличались от одежды для пожилых людей тем, что вышивались по воротнику-ошейнику, *ашлагам*, приполку*, по груди, подолу. Вышивали красными, черными и голубыми хлопчатобумажными или шелковыми нитками.

«Мужики-то хорошо ходили в праздник. Ребята в сатиновых розовых, голубых, сиреневых (рубашках. – Е. Ф.). Мужики носили синие, черные, бордовые сатины. В будни в чем попало – кто пахал, кто сеял, кто рыбачил...» – вспоминала Евдокия Дмитриевна Гуренова (1911 г. р.) из д. Нижний Сузун Сузунского р-на Новосибирской обл. Эта же информантка детально рассказала, как подбирали цвета и технику вышивки: «Если синий сатин – красным вышивали, голу-

Рис. 39. Костюм мужчины в рубахе-косоворотке из Карасукской вол. Барнаульского уезда начала XX в. Петропавловский краеведческий музей Краснозерского р-на Новосибирской обл. Сборы Н. М. Бахмацкого.

*«Ашлага» – манжеты, «приполок» – разрез-застежка по груди.

Рис. 40. Мужская рубаша косоворотка-кошушка конца XIX в. НГКМ.

Изготовлена из крупноузорчатой хлопчатобумажной ткани оранжевого цвета. Сшита на кокетке с длинными рукавами. Воротник-стойка, косой разрез-застежка, а также низ рукавов фигурно отстрочены на швейной машинке.

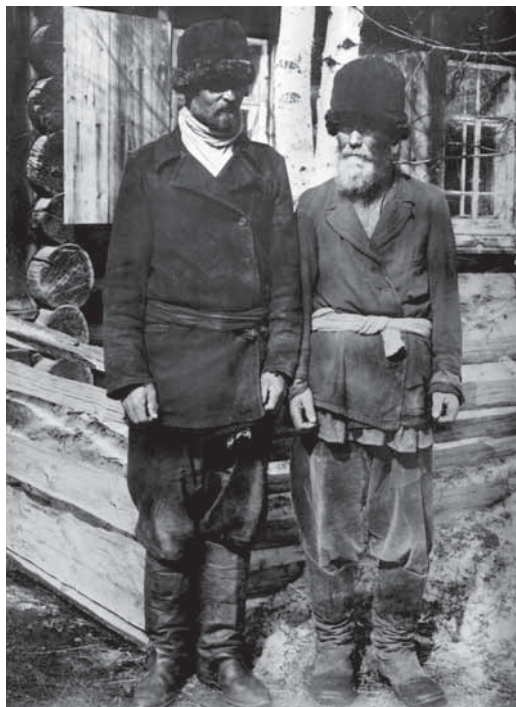

Рис. 41. Старожилы в плисовых шароварах и межсезонной одежде. Фото М. А. Круковского, 1914 г. Архив МАЭ, № 2354.

бой – черным вышивали. Ошейник, грудь вышивали шелком голубым, красным «в стебель». Нитки красные, черные – вышивали крестом». Четко расписанные правила размещения вышивок, их цветов и техник свидетельствует об устоявшейся традиции. Н. П. Железнов* делился воспоминаниями о том, что если у парня не было хорошей вышитой рубахи и тканого пояса, то такой парень считался «неряхой», не пользовался у девушек авторитетом («и не парень вроде») (ПМА 1991. № 2. Л. 27 об.). Однако в других местах Западно-Сибирского региона мужские рубахи не вышивали: например, в Ордынском р-не Новосибирской обл. (см. рис. 40).

Присутственной, уличной одеждой считали *пинжаки* с подкладом, стеганные на вате (ПМА 1990. № 1. Л. 32) (рис. 41). Когда в 1920-х гг. распространились *пинжаки* городского вида, то их тоже носили поверх косовороток.

*Железнов Николай Платонович (ок. 1920 г. р.), родился и всю жизнь прожил в д. Тараданово Сузунского р-на Новосибирской обл. Дед отца был каторжанином («злоумышленником»). Звали «чалдонами», как переселенцев с Чала и Дона. «Прозвище это капитально не нравилось».

Рубахи носили в комплексе со штанами общерусского покроя с узким шагом, ткаными в клетку или полоску – *кальсоны*, с *ластовкой* (вставкой). Штаны затягивались на бедрах внутренним пояском – *ошкур*ом. Про яркие пестринные штаны вспоминали, что они выглядели «шибко баскими». В 1910–1930-е гг. такие штаны считались нижними (трусы или плавки не использовались), поверх них надевали *брюки* из покупного материала или окрашенного холста. По праздникам, подобно переселенцам из украинских земель, мужчины наряжались в широкие плисовые или сатиновые *шаровары* со штанинами прямого покроя. В отличие от городского покроя брюк, шаровары выкраивались широкими («как юбки») с прямыми штанинами и держались на бедрах при помощи кулиски – *ошкура* или резинки (см. рис. 41). При поездках в дальнюю дорогу в город, в лес за дровами, за соломой мужчины одевали *чембáры* из грубого пачесного льна. Именно чембары можно считать типичной чалдонской рабочей одеждой.

Их носили и летом на пашни, покосы, жатвы, и зимой – при поездках в дальнюю дорогу, за сеном, дровами и пр. Такие штаны было принято шить просторными. Чембары были удобны при ходьбе по глубокому снегу, так как их натягивали поверх валеной обуви – *пимов*. В морозные дни в них же заправляли *тужурки** и даже полушубки (рис. 42). Раскраивались чембары с прямыми или слегка кошенными штанинами и держались на бедрах при помощи кулиски – *на вздержке*. Когда мужчина выполнял какие-то хозяйственные работы, то рубаху заправлял, но при выходе на улицу обязательно «выпускал под ремень».

Молодые мужчины стриглись наголо, а пожилые «под кружок», так как боялись, по словам информантов, умереть «с голой головой». Мужчины носили бороды, брить которые считалось греховным делом.

Рис. 42. Сибиряки-старожилы в зимней одежде (полушубках, чембарах). Полушубок заправлен в чембары (слева), полы полушубка заправлены под пояс (справа). Рисунок с фотографии А. Е. Новоселова, 1912–1914 гг. Фотоархив ОГИКМ, № 4255.

*Тужурка представляла собой род куртки, простеганной шерстью (более ранние образцы) или ватой (стали шить в 1950-е гг.).

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Будничная одежда для «управления по хозяйству», хотя и выглядела неказистой, простой, но была очень удобной и необходимой частью гардероба. Для того чтобы работать в своем хозяйстве, ухаживать за скотом и домашней птицей, нужно было иметь немаркую и дешевую одежду, которую не жалко выбросить, когда она придет в негодность. При этом она должна была легко надеваться и сниматься, быть пригодной для самых различных погодных условий. Верхнюю одежду можно было носить и в межсезонье, и в прохладное лето, и в зимние морозы, и в дальние поездки. По этой причине мужчины и женщины повсеместно хозяйствовали в *шабурах* и *зипунах*, сшитых в виде распашных халатов (рис. 43). Шабуры отличались от зипунов тем, что их шили из полушерстяной домотканины, а зипуны – из чистой шерсти. Николай Платонович Железнов так говорил: «Зипун не промокат, как кошма. В нем ямщики ездили и спали».

Разнообразием видов отличалась верхняя одежда старожилов Чаусской вол. Томского уезда (ныне Колыванский р-н Новосибирской обл.). Здесь были известны *азямы* (у чалдонов), отрезные по талии *поддёвки* из плиса (у чалдонов). В качестве праздничной одежды колыванцы надевали «армяки из пухового материала». Потомки чалдонов Ординской вол. Барнаульского уезда утверждали, что их родные не носили *зипунов*, *понитков* или *кафтанов*, считая их одеждой российских переселенцев («российские понаехали, понакатали их»). Например, отец А. С. Зайковой носил зимой простеженное пальто, подпоясывался поясом и наматывал на шею длинный вязанный шарф. Приведем ее слова: «Два раза замотается шарфом и концы на груди под полы пальто. Он застегнется, и грудь закрыта. На голове шапка с ушами...» (ПИМА 1990. № 1. Л. 32).

В конце XIX – начале XX в. в Сузунском Приобье красивыми и дорогими считались *бешметы* (*бишметы*) с опушками и отделками тесьмой (по застёжке, карманам). Такие виды одежды были известны еще во второй половине XIX в. (носили родители и деды информантов). В д. Тараданово Малышевской вол. Барнаульского уезда так называли одежду в виде плащанакладки у казаков, которую, впрочем, носили также крестьяне поверх полушубков в снежную погоду, пургу. Терминология и внешний вид некоторых видов одежды (*бешметы*, *шаровары*, *куртка-тужурка*) обнаруживает сходство

Рис. 43. Верхняя рабочая одежда – зипун. Венгеровский районный краеведческий музей.

Рис. 44. Мужчина в тулупе.
Алтайский край, 1970-е гг.
ПМА.

Рис. 45. Зимняя сибирская одежда – тулуп и шапка-ушанка из д. Ночка Венгеровского р-на Новосибирской обл.
ПМА 1992.

с костюмом донских казаков [Донские казаки, 1998, с. 376]. Для хозяйствования по дому женщинам хватало стегенных кофт. Известны были пальто – *пальтишки*, которые шили сами или заказывали шить портнихам из самотканой шерсти и льна. Чалдонки Ординской вол. называли их еще *туртун*. Простеганные шерстью, с воротником-шалькой и застежкой на пуговицы, они считались зимней женской одеждой для улицы (ПМА 1990. № 1. Л. 30, 32 об.). В 1930–1940-х гг. у женщин распространились простеганные ватой *маринаки*, плюшевые *жакетки*.

Зимой сибиряки (и чалдоны) носили длинные шубы и более короткие полубубки из овчины (рис. 44, 45). Праздничными считались новые шубы, отороченные мехом по краям и низу. В сильные морозы и дальнюю дорогу утеплялись длинными, до пят, *тулупами* из овечьих, волчьих, собачьих шкур шерстью наружу. Если тулупы шили из овчин, то их мастерили шерстью внутрь. Тулупы имели высокий воротник, заменявший капюшон. Об этом обычае, как удивительном и очень мудром для Сибири, писал польский ссыльный крестьянин И. Дрыгас (стоит заметить, что он использовал свою собственную «терминологию»): «...в облегающих «*skopiaki*» и кожаных мы ходили в течение всей зимы. Однако, когда надо идти на улицу, надевали другой, широкий кожан, подпоясываемый шерстяным поясом («*krajka*»). А если надо было куда ехать, то еще и шубу. Но, несмотря на такое убранство, человек зяб. Если дует ветер, сибиряк закрывает себе лицо рукавицами...» [Drygas, 1913, s. 68, 69].

а

б

в

Рис. 46. Вязаные изделия (варежки и носки). ПМА 1991.

а – из шерсти домашнего прядения, Болотнинский р-н Новосибирской обл.; б – варежки, связанные пожилыми женщинами, Большереченский р-н Омской обл.; в – носки (чулки) из Большереченского р-на Омской обл.

Начиная с 1910–1920-х гг., видимо, под влиянием российских переселенцев и привезенных ими образцов одежды, стали распространяться *борчатки* – отрезные и соборенные по талии полушубки. После Великой Отечественной войны повсеместно появились стеганные на вате телогрейки, называвшиеся *куфайки* (*фуфайки*). Руки прятали в вязаные варежки и кожаные рукавицы (рис. 46).

Летом и в межсезонье мужчины покрывали головы валяными шляпами, которые в праздник заменялись *поярковыми*, а зимой овчинными, собачьими шапками-ушанками, шапками с длинными ушами – *долгоушками*. Головными уборами молодых людей в теплое время года служили картузы, фуражки. Зимние шапки части чалдонов, особенно тех, кто занимался извозом, напоминали польские *конфедератки* (рис. 47).

Рис. 47. Сибиряк-старожил – чалдон в шапке-конфедератке. Фото М. А. Круковского, 1911–1913 гг. Архив МАЭ, № 2354.

Они имели высокий околыш из бараньих или лисьих шкур, каракуля и четырехугольное плисовое дно, за что их прозвали «четыре беды». В первом десятилетии XX в. зимние шапки-конфедератки уже практически вышли из употребления.

В начале XX в. в качестве праздничных уборов в приобских селах бытовали *кубанки* и *папах* – цилиндрообразные по форме, с высокими околышами из мерлушек или шкурок бобров. При этом донышки кубанок изготавливали из сукна, а папах – из того же меха, что и околыш. Распространение папах и кубанок из черных, белых, рыжих мерлушек и прочих мехов было, вероятно, связано с влиянием сибирского казачества, у которых такие уборы были известны ранее.

При посещении церкви – а точнее, еще только подходя к храму, – мужчина снимал шапку. Как известно, согласно народным представлениям, обычай обнажать голову у мужчин означал покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение.

ПОЯСА

Женщины подпоясывались «опоясками выкладными», т. е. ткаными особой закладной техникой. *Крученые* пояса с кисточками покупали на ярмарках. При этом узорные пояса считались праздничными, а будничными информанты (например, А. Е. Кузнецова*) называли «крученые, без узоров, белые» пояса (ПМА 1991. № 1. Л. 23 об.). Тканые пояса с продольными полосками назывались *покротками*. Покротки ткали на ткацких станках примерно в два пальца шириной («просновочки разного цвета»). У мужчин для опоясывания одежды использовали тканые на ткацком станке *опояски* (рис. 48). Верхнюю одежду подпоясывали дважды по талии, подтыкая концы с двух сторон (рис. 49). В поясе *браного* тканья из собрания ИАЭТ СО РАН, приобретенного в с. Усть-Чумыш Тальменского р-на Алтайского края, основа – льняная нить, окрашенная в черный цвет, уток – шерсть серого, зеленоватого (выгоревшая), черного, розового, коричневого цветов. Орнамент назван информантами «елочка». Кисти выполнены из шерстяных уточных нитей. Служил для подпоясывания верхней одежды. Обязательно подпоясывали детей по рубашке

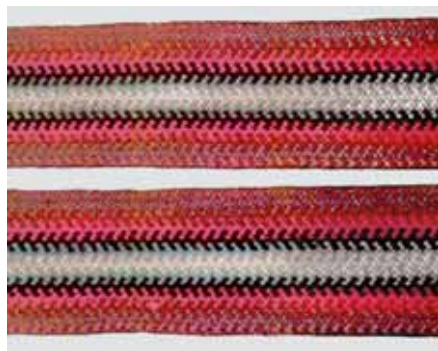

Рис. 48. Пояс браного тканья. Собрание ИАЭТ СО РАН.

Размеры: длина – 304 см, ширина – 8,4 см, длина кистей – 4 см. Приобретен в с. Усть-Чумыш Тальменского р-на Алтайского края Е. Ф. Фурсовой в 1983 г.

*Кузнецова (Санькова) Антониды Евстафьевны (1911 г. р.), д. Нижний Сузун Сузунского р-на Новосибирской обл. Отец местный, мать из д. Поротниково (Чируха).

Рис. 49. Мужская межсезонная одежда – армяк из домотканой шерсти. НГКМ.

или платью (хотя, судя по воспоминаниям, они часто теряли пояса).

Подпоясывались не только по одежде, но и по телу, например, в случае болезни; пожилые люди носили пояса повседневно. Когда подпоясывались по телу, то «пояся» крутили из двух нитей поскони, конопли – «скали в обратную сторону, наотмашь». Сибиряки рассказывали, что такие пояса плели на руках из грубой шерсти домашнего изготовления: «жички зеленые, красные, алые с кисточками поверх». Совершенно очевидно отрицательное отношение к людям, ходившим без пояса, про которых народная молва говорила: «У нечистой силы натакались! (научились. – Е. Ф.)» Аналогичные тра-

диции бытовали на Русском Севере, где пояс «считался священным предметом и талисманом против нечистой силы... не снимался ни днем, ни ночью» [Ефименко, 1877, с. 163]. Со Средним Уралом у сибиряков совпадают названия поясов разных техник исполнения – «покромки», «опояски» [Чагин, 1991, с. 71].

ДОПОЛНЕНИЯ И УКРАШЕНИЯ

Для крещеных людей само собой разумеющимся было ношение на шее креста. Пожилые люди не разрешали ни детям, ни молодежи носить цепочки, но кресты держались на плетеных *подцепках*, *торочках*, *плетешках* (вариант плетения «петелька в петельку»), *гайтанах*. Даже сегодня пожилые люди сами «скут» себе тесемки для ношения креста из покупных нитей. «Гайтан соскала, грех на цепи носить», – поясняла Евдокия Авдеевна Пестерева.

Праздничный женский костюм дополняли стеклянные дутые бусы-*бисера*, золотые и серебряные цепочки. Совершенно очевидно, что все эти украшения входили в комплекс праздничного костюма, так как будни женщин были заполнены хозяйственны-

Рис. 50. Старинные серьги из д. Ярки Черепановского р-на Новосибирской обл. Школьный музей д. Ярки.

ми работами, а также прядением. Из навесных украшений можно также указать на дутые круглые серьги, кольца, гайтаны с крестами (рис. 50). В Чаусской вол. Томского уезда и губ. из бисера и бусинок набирали узорные *ряски*, которые широкой полосой нашивались на кусок ткани. Их носили с праздничными кофтами, застегивая сзади на спине (ПМА 1990. № 1. Л. 9).

ОБУВЬ

Отсутствие традиции ношения лаптей у сибиряков-старожилов служило поводом для гордости, поскольку являлось важным символом их отличия от переселенцев – «лапотников». Повседневной обувью были самодельные кожаные *обутки*, или *чарки* (*чирки*) из кожи домашнего производства, которые носили с *качёмными* чулками (мягкими войлочными чулками). Причем женские обутки шили без *голяшек*, а мужские с голяшками, т. е. в виде сапог, которые крепились под коленями и у щиколоток с помощью завязок (рис. 51). Длительное, вплоть до 1930-х гг., бытование самодельной обуви было обусловлено целесообразностью ее ношения во время пахоты, так как, по словам информантов, «так легче и удобнее ходить по вспаханному месту». По праздникам девушки и молодые женщины обувались в ботинки (рис. 52), а мужчины щеголяли лакированными сапогами. Вожделенной обувью для молодого человека были *хромовые* сапоги, за которые беднякам приходилось батрачить летний сезон. Их натирали до блеска и носили сложенными гармошкой по ноге. В Колывани и близлежащих районах особым шиком являлись *бизоновые* сапоги – «с длинными носками на деревянных колках».

Для зимы готовили *пимы* из валяной шерсти серого или черного цветов (рис. 53). Обеспеченные люди повседневно носили более дорогие и мягкие ката-

а

б

Рис. 51. Кожаная обувь.

а – из пос. Тевриз Омской обл., Тевризский историко-краеведческий музей Омской области; б – женская самодельная обувь – обутки, Усть-Тарковский историко-краеведческий музей Новосибирской области.

а

б

Рис. 52. Женская праздничная обувь. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.
а – из кожи без галош, Усть-Тарковский историко-краеведческий музей; б – женские лакированные ботинки с галошами.

Рис. 53. Старожильческая валяная обувь – пимы. ПМА 2000.

Рис. 54. Семья старожилов Томской губ., начало XX в. Фото из семейного альбома, ПМА 1995.

б

Рис. 55. Мужчина в валяной обуви. Сузунский краеведческий музей.

а – поярковые пимы из пос. Сузун Сузунского р-на; б – деталь.

а

ные *чёсанки*, поверх которых обували обутки или калоши. В такой обуви ходили в праздники, «к обедне» в церковь. В праздничные дни наряжались в *поярковые* (*боярковые*)* пимы (повсеместно), *сафьяновые* пимы (Омское Прииртышье), *красные* пимы (Омское Прииртышье), катаные из поярковой шерсти белого цвета. Их привозили из Пермской и Тобольской губ., по причине чего их могли называть *кунгурскими*. Носки и голенища таких пимов расшивали красными нитками в виде затейливых узоров или в заготовку сразу вкатывали шерсть красного и черного цветов (рис. 54, 55). По длине они были выше колен, и поэтому верхний край могли закатывать вниз. На старинных фотографиях можно видеть мужчин и женщин, наряженных в праздничные кофты и юбки, и при этом обутых в пимы. Как рассказывали очевидцы, на посиделках и прочих общественных собраниях счастливые обладатели таких пимов старались «выставить ногу вперед, чтобы похвалиться». Из этого можно сделать вывод, что далеко не все

*Н. П. Железнов по поводу происхождения «боярковых пимов» в шутку говорил, что их раньше носил «боярин». Вятчанин К. В. Демин считал, что название идет от первой весенней стрижки овец, так как шерсть такую называли «поярковая» (боярковая). ПМА 1993. 25. Л. 25 об.

селяне обладали достаточными средствами, чтобы купить этот вид обуви, хотя почти в каждом крупном селе были свои мастера-пимокаты, исполнявшие заказы. Эти покупные пимы считались дорогими для семейного бюджета. «Совсем красные, сафьяновые назывались с рисунком. Это были у богатых. Вот у нас там был богатый Половников... А в основном черные пимы, редко белые, а красные только у богатых», – вспоминала потомственная чалдонка Клавдия Степановна Иванова из с. Усть-Ишим Омской обл. (ПМА 2007). Заметим, что впервые валяные сапоги, отличные от мягкой войлочной обуви, стали делать в начале XIX в. ремесленники Семеновского уезда Нижегородской губ.

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

При изготовлении детской одежды хозяйственные крестьянки руководствовались соображениями удобства и экономии. В Приобье и других местах Сибири новорожденных детей пеленали в узкие пеленки, на которые шли отрезы из старой, поношенной одежды. Пеленали так, чтобы можно было периодически менять нижнюю подстилку в колыбели, не перепеленывая всего ребенка. Пеленку складывали в несколько слоев и покрывали ею спинку, затем, оставив открытыми ягодицы, повязывали крест-накрест ноги. Веревочкой-пеленашником обвивали и повязывали ноги. После обряда крещения на младенца надевали крест и поясок.

Рис. 56. Семья сибиряков-старожилов Чичулиных из Каинского уезда Томской губ., конец XIX – начало XX в. ПМА 1999.

Рис. 57. Прорисовка фотографии старожилов-чалдонов из семейного альбома начала XX в. Куйбышевский р-н Новосибирской обл. Рис. С. Шендрик. ПМА 1991.

До 5–6 лет мальчиков и девочек одевали одинаково: в холщовые рубахи-*станинки*, которые по обычаю подпоясывались ткаными поясами или плетеными веревочками. Матери следили за тем, чтобы дети были подпоясаны, и, если пояса терялись (что нередко случалось), давали новые пояски. Как считают информанты, лишь скупые женщины не давали поясков детям – из-за опасения, что те их потеряют. *Станинки* шили прямого покроя, длиной до колен и ниже. Рукава делали длинными, а для теплого времени года – покороче, до локтей. Летом этот вид одежды был основным, зимой поверх рубахи надевали шабур или шубу. Обувь для малышей ценилась мягкая; для этих целей брали кожи с половых органов баранов. Детские башмаки формировали на колодках, затем обшивали в муке. Как и *обутки* взрослых, их обшивали по верху полоской ткани. По достижении примерно шести-семилетнего возраста ребенка начинали одевать в соответствии с полом: у девочек рубаха становилась нижним бельем и появлялось платье с оборкой (или оборками) по подолу, у мальчиков – штаны (см. рис. 13, 56, 57). Руководствуясь, вероятно, практическими соображениями, детям младшего возраста оставляли между штанин прореху. Кроме того, при пошиве штанов использовали грубые холсты, настолько прочные и крепкие, что, по воспоминани-

Рис. 58. Весенний хоровод девушек-сибирячек. Фото М. А. Круковского, 1911–1913 гг.

Рис. 59. Костюм чалдонки начала XX в. из Каинского уезда Томской губ. Музей д. Балман Куйбышевского р-на Новосибирской обл.

ям наших информантов, «за гвоздь зацепишься и висишь, пока не снимут».

Подростковая одежда во многом напоминала взрослую, лишь в самых бедных семьях подростки и в 11-12 лет были вынуждены ходить в одних рубахах. Для праздников девичьи платья и мальчишечьи рубахи шили из хлопчатобумажных тканей, а при достатке покупные ткани использовались и для повседневного костюма. Кроме того, в начале XX в. в гардеробе мальчиков появился новый вид одежды – *визитка* (разновидность пиджака). В 1920-е гг., когда люди терпели нужду, распространились холщовые визитки в комплексе с холщовыми же штанами, окрашенными различными растительными красителями (корой тальника, мареной и т. д.). Одежда девушек «на выданье» отличалась особой добротностью и привлекательностью, так как их семьи стремились привлечь таким образом внимание местных женихов, чтобы удачнее выдать замуж своих дочерей (рис. 58, 59).

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Для свадьбы обеспеченные старожилы старались подготовить особенно нарядные костюмы, которые не отличались от модной городской одежды. При сватанье «выраживали с жениха деньгами и товаром». Жених с невестой и ее родители свадебные подарки ездили покупать в городские лавки (Барнаула, Томска, Камня-на-Оби, Новониколаевска). В сибирских старожильческих семьях, в соответствии с экономическими возможностями, закупами ткани, чтобы нарядить невесту в красивое платье или *парочку* из кофты и юбки пастельных тонов (розового, голубого, салатного и пр.) (рис. 60, 61). При этом следили, чтобы платье или парочка невесты были одного цвета с рубахой жениха (ПМА 1990. № 1. Л. 29). «Кремовая парочка у невесты, кремовая рубаха у жениха. Если парочка розовая – значит, у жениха рубаха розовая. Надо, чтоб у невесты и жениха одинаковый цвет одежды был...» (ПМА 1990. № 1. Л. 29 об.).

Следуя моде начала XX в., закупами большое количество фурнитуры, декоративных элементов, цветов для вуали (рис. 62). В зависимости от достатка, сва-

дебную одежду заказывали шить местным портнихам или мастерили сами. Желательно было приготовить переменное платье на второй и на третий день свадьбы. Костюм невесты дополняли венком из искусственных бумажных цветов – его надевали перед приездом жениха в день свадьбы (перед *браньем*). Косоворотка жениха-старожила не вышивалась, в отличие от переселенческих свадебных рубах, но каждый день менялась под *пинжаком*. Наиболее находчивые меняли не рубахи, а манишки с воротниками-стойками. «Манишкой сделают с ошейником. Таких много, под пиджаками не видать – то ли рубаха у него, то ли нет. Так каждый день могли менять, рубах-то не хватало. Это еще единолично жили...» (ПМА 1990. № 1. Л. 29 об.).

Рис. 60. Свадебный костюм невесты из тонкой хлопчатобумажной ткани светло-бежевого цвета из д. Верх-Ирмень Ординской вол. Барнаульского уезда, начало XX в. ПМА 1992.

Рис. 61. Женский старожильский костюм чалдонки из Каинского уезда начала XX в. Собрание школьного краеведческого музея д. Балман Куйбышевского р-на. Фото А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

Рис. 62. Свадебная фата. Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

К венцу невеста ехала с распущенными волосами и вставленными в голову гребешками. Парень ехал к венцу в пинжаке, но в сам момент венчания оставался в рубаше с поясом.

При «принятии закона» женщина меняла прическу и, в соответствии с обычаем своей культурной группы, покрывала голову головным убором. После этого менялась прическа: либо заплетались две косы (у всех повсеместно), либо коса закручивалась на затылке (чалдонки). После этого считалось большим грехом показывать кому-либо, даже мужу, свои волосы.

У чалдонов, как и у других православных россиян, было принято хранить венчалное платье, так как считалось, что оно обладает целительной и умирительной магической силой. Свадебную *парочку* набрасывали на человека, больного нервно-психическими заболеваниями, надеясь на излечение (от припадков разного рода, «родимчика»). Кроме того, в венчалном костюме должны были хоронить умершего при завершении его жизненного пути. Бытовали представления о том, что в иной мир человек должен был предстать в той же одежде, в которой он уже стоял перед Престолом Божиим.

Старожилы, сторонники официальной православной церкви, в качестве одежды для посещения храма использовали самую нарядную и добротную одежду, называя ее «праздничной». Летом мужчины носили в церковь сатиновые или шелковые рубашки, которые надевали поверх плисовых, вельветовых шаровар и подпоясывались поясом или ремнем. Женщины поверх нижней полотняной или хлопчатобумажной рубашки надевали *низик* – нижнюю юбку с кружевом по нижнему краю. Поверх чалдонки наряжались в шелковые, кашемировые или бумажные юбки и кофты, а в прохладную погоду еще и набрасывали свободную *разлетайку*. Голову покрывали двумя платками – нижним с узлом на затылке и верхним с кистями (*катетка с мохрами*), концы которого закалывали булавкой. В зависимости от того, какой православный праздник отмечался, подбирались и цвет одежды. Наиболее яркой, оранжево-красной гаммой выделялся костюм для посещения храма на Пасху. В период Великого поста как верхний платок (катетку), так и всю видимую часть костюма подбирали в темной цветовой гамме. Костюм девушки отличался от женского тем, что поверх косы накидывался один платок, повязываемый узлом спереди. Некоторые пожилые люди утверждали, что при причащении в детском и подростковом возрасте они распускали волосы.

Глава вторая

СТАРООБРЯДЦЫ-КЕРЖАКИ

Данные исследований, проводившихся в течение последних лет, показали, что в иерархии этнографических общностей группы старообрядчества занимали особое место, поскольку религиозные представления играли ведущую роль в формировании их традиционной культуры. Если самоидентичность представителей этих групп обозначалась как «христиане» («мы – христиане»), «старообрядцы» («мы – старообрядцы»), «русские», то в народной речи эти группы именовались «кержаками», «двоеданами», «курганами», «поляками» и пр.

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

Старожильческая группа приверженцев «древлеотеческой, дониконовской веры» была известна в Сибири под обобщающим названием кержаки. Распространенный в сочинениях авторов XIX в. термин «раскольники» не использовался в среде крестьян Западной Сибири, причем не только старообрядцами, но и (по терминологии последних) православными «мирскими». Веру дедов, как раньше, так и теперь, старообрядцы называют «русской», «древлеправославной». Всех сторонников древнего благочестия можно разделить на категоричных приверженцев «жизни по Священному Писанию», которые отвергали какие-либо народные традиции, не соответствовавшие «христианскому благочестию», и менее аскетично настроенных людей, для которых характерен традиционный для данной культурной группы образ жизни.

Наименование кержак было отмечено В. И. Далем в качестве сибирского названия старообрядцев, произошедшего от р. Кер-

женец Нижегородской губ., где существовал их крупный духовный центр [Даль, 1989, с. 105]. Подтверждением именно сибирского происхождения этого названия является его отсутствие в среде старообрядцев Поволжья*. После разгрома керженских скитов в 20-х гг. XVIII в. старообрядцы бежали на восток, в Пермскую губ., и далее – в Сибирь, на Алтай. Наиболее мощный поток переселенцев в Западную Сибирь был из беспоповских центров, чьи представители были наиболее бескомпромиссны в своих убеждениях, не признавали не только священства, но и официальную власть. Этот факт объясняет преобладание в среде старообрядцев юга Западной Сибири именно беспоповских согласий (поморцев, федосеевцев). В ряде наших публикаций была уже отмечена распространенность названия кержаки, охватывавшая в сибирских селах не только выходцев из местности вдоль течения р. Керженец, но любых последователей старой веры [Фурсова, 1994; она же, 1996; и др.].

О популярности старой веры поморского, федосеевского и других согласий среди русского населения конца XIX – начала XX в. свидетельствуют сообщения современников, документальные материалы. «Весь край от Кузнецка до Семипалатинска преисполнен раскольниками и полураскольниками», – писал Д. Н. Беликов в 1898 г. [Беликов, 1898, с. 27]. О ситуации «процветания» раскола в этих местах не раз сообщали в XIX в. в своих дневниках, заметках, статьях многие путешественники и ученые: «...раскольников сект поморской и стариковщины встречается весьма много. Люди, живущие на Барабе, удостоверяли, что раскол распространен здесь весьма сильно; значительная часть раскольников, однако, по церковным книгам числятся православными, потому что крестят детей в церквах и совершают церковные браки», – писал Н. М. Ядринцев [Ядринцев, 1880, с. 25]. Н. Н. Покровский даже считал, что в середине XVIII в. вообще определенной границы между сибирскими староверами и остальным русским населением не существовало [Покровский, 1973, с. 406]. К концу XIX – началу XX в., т. е. до массовых переселений столыпинского периода, на юге Западной Сибири практически не было районов, где не проживали бы сторонники «старой веры».

В период экспедиционных работ 1978–1989-х гг. нам встречались пожилые кержаки, которые помнили предания о заселении мест своего проживания. Типичным можно считать высказывание А. Е. Черепановой**: «Кержаки – поморские, с Кержи-реки» или: «Старообрядцы сбежали в тайгу на реку Кержу» (так называли, видимо, Керженец. – Е. Ф.) (ПМА 1988. № 38). «Скот собрали и поселки сделали, скрывались за веру. Девоч воровали – их и сослали в Сибирь». Кроме того, часто встречались свидетельства о самовольном бегстве за Урал из-за разного рода притеснений и гонений «за веру». Родион Иванович Опарин,

*Здесь и далее материалы Восточнославянской этнографической экспедиции в Нижегородскую обл. (1995–1996 гг.), руководитель – автор настоящей монографии.

**Черепанова Агафья Ефимовна (1902 г. р.), с. Солонешное Алтайского края. Звали «полькой». Родилась в соседней д. Елиновое, вышла замуж в д. Туманово.

Рис. 63. Семья старообрядцев Квашининых. Фото из семейного альбома начала XX в. ПМА 1997.

наставник сибирских поморцев, писал в дневнике: «Дедушка мой, Черданского уезда Мерчанской (?) волости, из деревни Чердаки*, жил под помещиком – пять дней на него работал, а два на себя. Детей было четверо: три сына и дочь. Звали его Иван Опарин. Прожил несколько лет у помещика, задолжался семь рублей. Каждый год по рублю. Коровы не было, только куры. Решил бежать от помещика и с ним другие четыре семьи, соседи ихнего села. Крадучи от управляющего, как будто повезли солому продавать – в городе на базаре за 50 копеек за воз. Солому, не знаю, продали они или нет, бабушка не сказала, но отвернули от этого городка в гору...» [Фурсова, 2002, с. 90–118; ПМА 1999].

Старообрядцев начинали звать кержаками уже на новом месте и, случалось, одновременно с названием, отражавшим их место исхода (ср.: курганы Барнаульского, Кузнецкого уездов Томской губ.; белорусские «москали» Каинского уезда той же губ. и пр., о них ниже). Однако в большинстве своем старообрядцы, широко рассеянные по югу Западной Сибири, которые считали себя коренными сибирскими жителями, назывались кержаками и, по легенде, были выходцами из керженских лесов. Соседи-чалдоны интерпретировали содержание термина «кержаки» по-своему, исходя из особенностей их поведения и обычаев: «Кержа-

*Возможно, в рукописи указано: деревня Чураки Чердынского уезда Пермской губернии.

ки кержачили – скобку (ручка двери. – Е. Ф.) обтирали, у каждого отдельная посудина. Обычай брезговать другими людьми... Всех кержаков в Нарым угнали» (ПМА 1989. № 17. Л. 16 об.). Благодаря своей зажиточности кержаки в народном сознании нередко ассоциировались с кулаками (рис. 63).

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Вопросы использования старообрядцами одежды, в первую очередь моленной, поднимались на первом всероссийском соборе 1909 г. христиан-поморцев, о чем можно прочесть в материалах и решениях этого собрания [Деяния первого..., 1909]. Однако, как показывают полевые этнографические материалы, это требование из поучения дополнялось также ревностным следованием «нашим обычаям», т. е. традиционным, а не «чуждым» видам одежды. Это, безусловно, способствовало консервации старых форм костюма. Например, многие бабушки-старообрядки, рожденные в первое десятилетие XX в., вспоминали, что старшее поколение запрещало им выходить замуж иначе как в косоклинниках и халадаях на ошейниках и с застежкой на 1-2 пуговицы (ПМА 1977–1987).

В конце XIX – начале XX в. повседневно старообрядки носили комплекс с горничной одеждой типа сарафана (хотя во многих местах он обозначался иначе). Такая одежда без рукавов называлась *дубас*, *перемитник* (*пермитник*), *горбун*, *горбач* и т. д.; с рукавами (в виде платья-рубахи) – *поморник*, *халадай* (ПМА). В архивных документах 1808–1810 гг. крестьянами Легостаевской вол. Барнаульского уезда сообщалось о сарафанах: «тафтяной желтый», «кумашный на подкладе холщовом черном» и т. д. (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 116–117 об.; ГАНО. Ф. 100. О. 1. № 2. Л. 617).

В районах Верхнего Приобья, Причумышья сарафаны на лямках, как вспоминают старожилки, в старину называли *дубасами*, которые, видимо, в XIX в. были распространены здесь довольно широко (как и в районах Северного Урала) (рис. 64). Подтверждение этому находим в «Указах, приказах, росписках и ведомостях об исполнении заводских работ», а также во «взысканиях с должников», «донесениях о кражах» по документам Легостаевского волостного правления начала XIX в. (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 116–117 об.; ГАНО. Ф. 100. О. 1, № 2. Л. 617).

Так, в документах о краже указано, что у крестьянина Егора Подомятина были похищены, кроме прочего, «дубасы три один ленного и два конопляного холста» (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323). Холщовые косоклинные дубасы были известны также старожилам Томского, Каинского уездов и на сопредельных территориях в качестве повседневной и погребальной одежды [Громыко 1975, с. 260–265; Бардина, 2009, с. 139]. Судя по всему, сарафаны, изготовленные из покупных тканей, считались праздничной одеждой обеспеченных старожилов, дубасы – повседневной и рабочей одеждой разных слоев населения. Об этом свидетельствуют используемые материалы: на сарафаны шли покупные атласы,

Рис. 64. Сарафан из ситца. Венгеровский районный краеведческий музей.
а – вид спереди; б – вид сзади.

тафта, кумач, китайка, даба, набойки, *выбойки**, дубасы же шили из тканей домашнего производства (льняных, конопляных, пестряди). Кроме того, важное отличие повседневной одежды от праздничной заключалось в том, что последняя должна была быть «не стираной», как говорила А. С. Огнёва**, «по праздникам не носили стираное» (ПМА 1989. № 17. Л. 17 об.).

Согласно сообщениям пожилых людей, дубасы шились с лямками, пошире («в два пальца») или поуже («в один палец»), в зависимости от локальной традиции. В Сузунском р-не Новосибирской обл. нам рассказывали, что «дубасами называли будничные сарафаны из холста, товара. Смертные дубасы шили из белого холста». По сведениям старообрядки Е. М. Некрасовой из д. Каргополовой того же р-на и обл., дубасами называли сарафаны выходцы из Вятской губ., которые шили их из пестряди в клетку или в полоску.

Подобно тому, как типы и варианты сарафанов нередко имели особые названия, конкретно обозначались и их детали, обладавшие локальной спецификой. Так, для обозначения лямок часто употребляли понятие *проймы*, которое, возможно, сохранилось как воспоминание о более закрытом покрое сарафанов,

*Льняные ткани с набивным рисунком.

**Огнёва Александра Савельевна (1912 г. р.), д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. Коренная кержачка этой деревни.

а для мыска ткани на спине – *спинка* (вероятно, также напоминание о глухих покроях). Верхнюю, отрезную часть сарафана, к которой прикреплялись ляжки или кокетка, называли *пералинка* (*перелинка*). Сарафаны-дубасы надевали в комплексе с рубахой-рукавами (повсеместно), *подставой* (термин отмечен в д. Пенёково Маслянинского р-на Новосибирской обл., ПМА 1989. № 17. Л. 20). Собственно *рукавами* назывался верх, сшитый из сатина или ситца, низ-*становина* изготавливался из холста. В начале XIX в., согласно документам о кражах, рукава делали из «холста ленного», а становину – из конопляного холста (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323).

В начале XIX в. целиком из конопляного холста шили также рабочие рубахи, которые вышли из употребления к началу XX в. По мнению многих исследователей, указанные термины применялись выходцами из земель новгородской колонизации, т. е. имели севернорусское происхождение [Липинская, 2011, с. 275]. Про этот вид одежды информанты обычно рассказывали так: «Рубахи со вставками на плечах носили с сарафаном. Борики налажены вокруг ворота, с вышивкой».

У старожилок Причумышья, Прибердья, а также живших вдоль по течению р. Ини (Верх-Чумышская, Легостаевская, Николаевская и другие вол.) еще в конце XIX – начале XX в. бытовали сарафаны, которые называли *перемитниками* (*пермитник*). Название перемитник, по мнению информантов, обозначал способ их кроя – «переметом через голову», т. е. без швов на плечах. «Перемитник из одного куска через голову и подпоясывались...», – вспоминала П. Т. Акулова из с. Акулово Первомайского р-на Алтайского края (ПМА 1983. № 12. Л. 67–68). Приведем еще воспоминания Александры Савельевны Огнёвой: «Перемитник без рукавов, в праздники из хорошего материала. Широкий, с ошейником» (ПМА 1989. № 17. Л. 17 об.). В бока такого вида сарафана вшивали кошеные полотна. Широкие проймы, вырезную горловину обрабатывали рубчиком – узкой полоской ткани, которую пришивали окантовочным швом; разрез по груди застегивали на 3–5 пуговиц. Перемитники окрашивали в черный или коричневый цвета. Такую одежду из окрашенного холста носили в качестве рабочей поверх туникообразных рубах (позднее рубах на кокетке). Если же перемитник шили из «хороших материалов», то ходили в нем в моленную.

Наиболее популярными кержацкими сарафанами, распространенными, во всяком случае, во второй половине XIX – начале XX в. и бытующими до настоящего времени, являются *горбачи* (*горбуны*, *горбунцы*) (рис. 65–69). По мнению информантов, название происходит от закрытой формы спинки, закрывающей «горб», т. е. спину женщины (ПМА 1983–1988). В ранних формах эти сарафаны по покрою относились к глухим, туникообразным и носились с такими же рубахами-*станушками*. Еще и в 1970–1980-х гг. у населения Маслянинского, Искитимского и других р-нов Новосибирской обл. сохранились реликтовые «моленные» горбачи, стан у которых сшит из одного, перегнутого (сложенного) по утку полотна, застроченного на плечах поперечными складками-защипами – по три с каждой стороны. В бока, между передом и спинкой, вставляли кошеные полот-

а

б

Рис. 65. Женский костюм с горбачом из Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ. (Маслянинский р-н Новосибирской обл.). ПМА 1989 г.

а – костюм молодой женщины: рубаха, сарафан-горбач, сашмура-кичка, шаль, передник;
б – костюм пожилой кержачки: рубаха, сарафан-горбач, сашмура, пояс, шаль.

Рис. 66. Костюм молодой старообрядки-кержачки из Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ., 1920-е гг. («молодуха»). ПМА 1988.

а

б

Рис. 67. Молодая кержачка в сарафане-горбаче. Собрание ИАЭТ СО РАН.

Сарафан-горбач (горбун) изготовлен из покупной хлопчатобумажной ткани бордового цвета, крупноузорчатого переплетения. По типу сарафанов относится к глухим, подрезанным по груди, т. е. с кокеткой (пералинкой). Разрез-застежка расположен по центру и имеет пять петель и пять пуговиц. Ворот обшит воротником-стойкой (ошейником) высотой 1 см. Рубаха с плечевыми швами сшита из белого сатина. Костюм приобретен Е. Ф. Фурсовой в с. Тайна Красногорского р-на Алтайского края в 1982 г. у старообрядки Устины Егоровны Соломоновой (1907 г. р.). Этот сарафан шила мать (девичья фамилия Петунина) до замужества, т. е. около 1875 г. Соломоновы, как и Петунины, по мнению информантки, относились к коренным сибирским кержакам.

а – вид спереди; б – вид сзади.

на. По направлению к спинке кошенные полотна удлинялись и вместе с задним составляли шлейф, именовавшийся ранее *хвостом*. Ворот обшивался невысоким ошейником и застегивался на несколько пуговиц. Сусанна Александровна Шипулина, 1912 г. р., из д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл., рассказывала, что кержачки носили кошенные сарафаны, но мама «велела хоронить в холщовой рубахе и горбуне» (ПМА 1989. № 17. Л. 7).

В начале XX в. в на юге Западной Сибири повсеместно бытовали сарафаны-горбачи, подрезанные по груди, т. е. с кокеткой (*пералинкой*). Они получили широкое распространение в кержачкой среде как повседневная и моленная одежда.

Рис. 68. Костюм молодой кержачки в горбаче из черного сатина, пос. Маслянино Маслянинского р-на Новосибирской обл. ПМА 1989.

Рис. 69. Костюмы молодых старообрядцев из Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ. ПМА 1989.

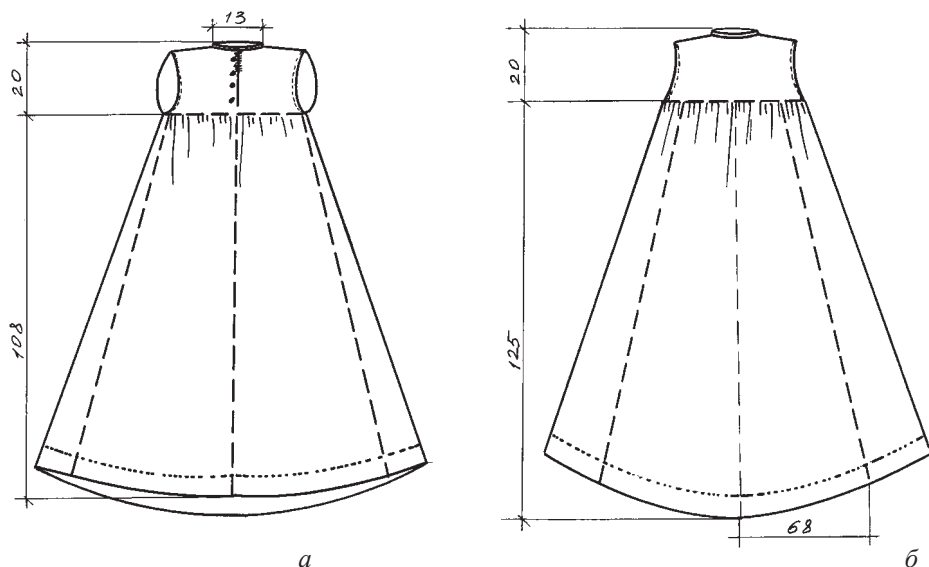

Рис. 70. Конструкция горбача из с. Тайна Красногорского р-на Алтайского края старообрядки Устины Егоровны Соломоновой (1907 г. р.).
а – вид спереди; б – вид сзади.

Как и туникообразные горбачи, они имели невысокий воротник, разрез-застежку по центру. К кокетке могли пришивать два прямых, переднее и заднее, и два кошенных, боковых, полотна или три-пять прямых (см. рис. 67, 70). В первом случае расположение вертикальных швов напоминало таковые в туникообразных горбачах, а во втором – в сарафанах прямого покроя. Симметрично, в две группы складок над грудью, ткань собирали в мелкие складки, а в более поздних вариантах – кругом. В 1920–1930-х гг. горбачи шили с плечевыми швами, в которых, однако, как и в рубахах, старались не резать ткань, а собирать ее в поперечные складки-вытачки. «Христиане, старухи многие носили горбачи с пералинкой, а молодые ходили в широких черных платьях... Воротник стоячий, обложено просто. Горбачи имели сзади одну глубокую складку. Подпоясывали поясами по рубахе. Они как павы идут», – делилась своими воспоминаниями служительница моленного дома в Новокузнецке Кемеровской обл. Матрёна Феоктистовна Гоголева, 1909 г. р. (ПМА 1994. № 4. Л. 39). Горбачи выполняли функции не только моленного, но и праздничного костюма: «На съезжий праздник одевала горбун бордовый шелковый, шаль назад концами, фартук белый с уборкой. Две низки бисера (желтый, синий). Подпоясывалась шелковым пояском в три пальца» (Шипулина*, ПМА 1989. № 17). Если кержачки проживали среди «польских

*Шипулина Сусанна Александровна (1912 г. р.), д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. Потомственная кержачка. «Так наряжались на съезжие праздники, на Петров, Ильин дни».

переведенцев», то продолжали следовать собственным традициям, носить горбачи (горбуны) и не воспринимали польские лямочные сарафаны (рис. 71). Отметим, что горбачи были известны и у старообрядцев других районов Европейской России и Сибири: в Пермской, Томской, Ишимской, Шадринской обл., а также у населения Тверской губ. и пр. [Тазихина, 1955, с. 25; Бардина, 2009, с. 140]. Широкое распространение этой формы одежды и ее названия на столь обширной территории Европейской России, Прикамья, Урала и Сибири свидетельствует об устоявшейся давней традиции и противоречит мнению о ее недавнем происхождении.

У кержачек Северного Алтая, Причумышья (Верх-Чумышская и другие соседние вол.) бытовал еще один вид горничной одежды – в виде рубахи, так называемый *поморник*. Такую одежду надевали поверх туникообразных рубах (позднее рубах на кокетке). Слово «поморник», по-видимому, отражает место исхода части старообрядцев Северного Алтая – Поморье. Поморники по крою практически не отличались от конструкций туникообразных рубах, за исключением того, что стан никогда не делали разрезным. Шили такую одежду из одного полотна холста, перегнутого (сложенного) по утку на плечах, и двух вставляемых с боков кошенных полотен; невысокий воротник-ошейник и разрез ворота застегивались на 3-4 пуговицы. Они имели кошенные, сужавшиеся книзу рукава, которые внизу подшивались швом *рубец* (швом в подгибку косым стежком). Как рассказывают информанты, в конце XIX в. в таких поморниках «Богу молились». Возможно, о такой одежде повествует английский путешественник Т. У. Аткинсон, когда увидел сибирячку: «...чистенькою и опрятною показалась хозяйка. Ее костюм состоял из красного пестрого платья и белого платка, которым повязана голова» [Путешествие по Сибири..., 1865, с. 254]. «Платьем» исследователь Сибири мог назвать один из видов горничной одежды в виде платья-рубахи.

Согласно полевым материалам, в ряде сел Боровлянской, Тальменской вол. Барнаульского уезда поморники использовали как обрядовую, «смертную» одеж-

Рис. 71. Потомственная старообрядка Валентина Петровна Фёдорова в горбаче, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. ПМА 1998.

ду: «Как человек умер, так на него сразу поморник надевали». Однако, по воспоминаниям информантов, давно, еще матери их матерей, носили поморники каждый день. Таким образом, традиция носить поверх туникообразных рубах сходную по покрою одежду (в виде платья-рубахи) бытовала у старообрядцев Причумышья еще в середине XIX в. К началу XX в. поморники стали шить с кокеткой-пералинкой.

Надевавшуюся поверх рубах аналогичного вида и покрою одежду в Причумышье называли еще *саванами*, а в местности, находящейся вдоль течения р. Бурла, Верхнего и Нижнего Сузуна – *халадаями* (*холодаями*). Если халадаи встречались также в среде женщин нестарообрядческого вероисповедания, то *саваны*, шитые «переметом через голову», бытовали только у кержачек*. Во второй половине XIX в. женщины-старожилки носили *саваны* как обрядовую одежду (моленную) в виде платья с рукавами. В отдельных селах информанты сообщали, что *саваны* носили и повседневно (д. Язово Тальменского р-на Алтайского края) (ПМА 1983. № 12. Л. 33, 36). Их же надевали на покойниц и раздавали после похорон.

Халадаи из шелковой и полушелковой ткани служили праздничным нарядом для кержачек и чалдонок указанных районов Западной Сибири. Так же, как и в чалдонском костюме, эта одежда полностью скрывала фигуру, а высокий воротник-стойка едва не доходил до подбородка. Ворот глухо застегивался на пуговицы. Длинный, со шлейфообразной спинкой, халадай напоминал платье-рубашку. Молодым девушкам еще в 1920-х гг. не разрешали делать модные в то время оборки к платьям – это объяснялось их «греховностью». Вероятно, благодаря таким оборкам платья приобретали вид слишком «мирских». Материалы по костюму, таким образом, обнаруживают много общего с севернорусскими традициями этого и более ранних периодов, что даже прослеживается в терминах, которыми пользуются информанты в своих описаниях.

Кержачьи обычаи были сильны и особенно ярко проявляли себя в обрядах «перехода», например, в ситуациях обсуждения, в какой одежде ходить молодой жене и т. д. Пожилые люди рассказывали, что, если кержак брал себе в жены «российскую»**, то настаивал на том, чтобы она перешла на их «дедовскую» одежду. Так, когда женщина-переселенка из Вятской губ. вышла замуж за кержача из Уксунайской вол. Алтайского горного округа, то он демонстративно, у всех на глазах, разрезал лямки ее сарафана со словами: «У нас такой моды нет» [Фурсова, 1997, с. 61]. Представившаяся чалдонкой Анастасия Фёдоровна Огнёва*** передавала воспоминания своей матери, вышедшей замуж за кержача: «Если выходишь замуж за кулацкого сына, то приходится и носить горбач. Сибиряки

*Обычно «саванами» называли мешкообразный убор для умерших старообрядцев. Причумышье составляет в этом плане исключительный случай.

**Так сибирские старожилы называли поздних переселенцев (конец XIX – начало XX в.).

***Огнёва Анастасия Фёдоровна (1911 г. р.), д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. Мать-сибирячка вышла замуж за кержача.

их не любили» (ПМА 1989. № 17. Л. 10 об.). В настоящее время горбачи с пералинкой встречаются в моленных и погребальных комплексах и являются узнаваемым образом женщины-старообрядки в Западной Сибири.

В начале XX в. в сельской местности у кержачек еще бытовали (а кое-где хранились в сундуках до 1970–1980-х гг.) реликтовые, туникообразного покроя женские рубахи, называвшиеся *становины*, *пропускнушки*. Основу стана в них составляло перегнутое (сложенное) по утку полотно с пришитыми по сторонам двумя прямыми или четырьмя кошеными бочками (*боковинами*). Рукава в таких рубахах вшивались в пройму, образуемую центральным полотном и более короткими боковинами. Рубахи описанного покроя были известны в качестве повседневной и, главным образом, погребальной одежды. Они входили в комплекс с перемитниками, поморниками, саванами, горбачами.

В первой трети XX в. рубахи с кокеткой широко распространились у кержачек, сибирячек, «осибиричавшихся» поздних переселенков. В районах, где кержаки проживали вместе с носителями иных традиций, последние при разговоре не раз подчеркивали, что, в отличие от российских или «поляцких» рубах с поликами-ластовками, кержацкие были с кокеткой-пералинкой. Кокетку повсеместно делали на подкладке – *подоплеке*. Средняя часть *пріставка* собиралась в две группы складок по обеим сторонам груди, серединка при этом оставалась гладкой. В более поздних (по времени изготовления) рубахах такие складки могли укладываться и сплошным рядом по всей груди – встречно или односторонне. Рассказывают, что в период распространения такой моды к *борам*, как и в общем к рубахам на кокетке, у старообрядцев было очень отрицательное отношение. Случалось, отцы и свекры категорически запрещали молодым женщинам их делать. Говорили, чтобы испугать и отвадить: «В каждой складке черт сидит». Обратно называли новую одежду «змеиным кожухом». Рубахи на кокетке обычно имели довольно высокий, плотно облегающий шею воротник-ошейник, который носили не перегибая. Такой воротник, сшитый из перегнутой полоски ткани, достигал 4–5 см в высоту (рис. 72).

По общерусской традиции одежду подпоясывали узкими или широкими ткаными поясами, которые могли заканчиваться пышными кистями [Фурсова, Афанасьева, 2011, с. 31–35]. Как показывали информанты, переодевавшиеся в традиционную одежду, пояс завязывали слева.

Поверх *горничной* одежды носили передник (*запѳн*, *фартук*), изготавливавшийся для будней из холста или дешевых бумажных материй, а к праздничным дням – из покупных тканей (см. рис. 65, 69, 73, 74). На начало XIX в. сохранились упоминания об одежде такого вида: «передник женский бахтовый», «передник бязинный» (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 2. Л. 719 об.; ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323). В ряде районов, например, в Присалаирье, бытовали передники в виде короткой одежды – «верхник женский белый ленного холста», «навершник ленной» (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 2. Л. 617; ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323). Приведем описание этого вида одежды со слов А. С. Огнёвой, которая видела ее на матери

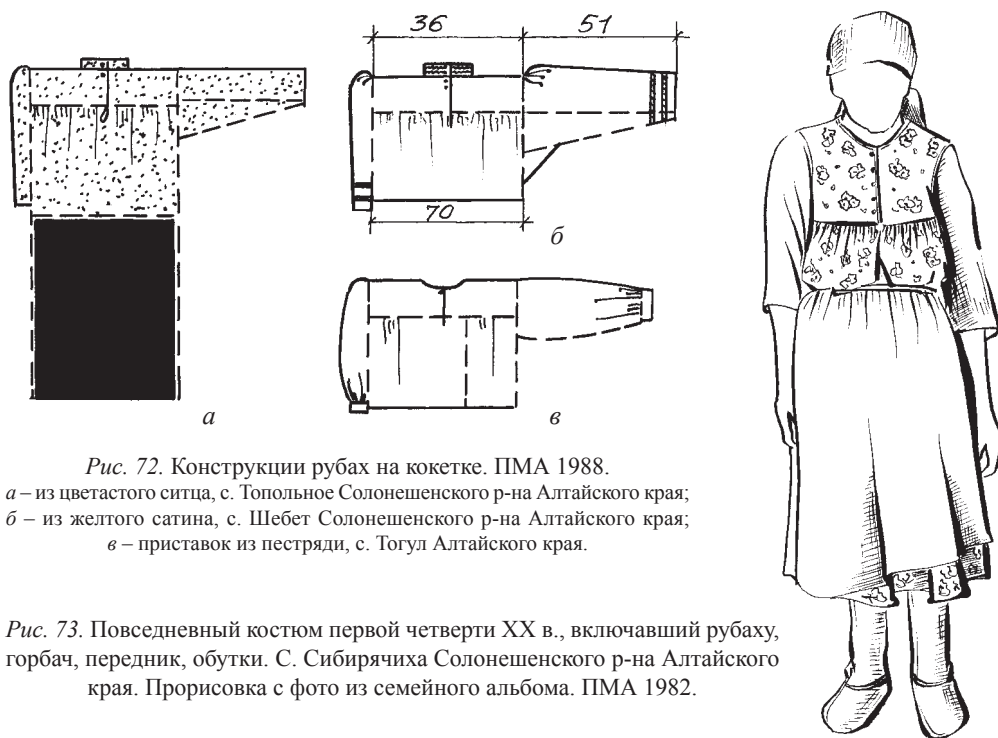

Рис. 72. Конструкции рубах на кокетке. ПМА 1988.
 а – из цветастого ситца, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края;
 б – из желтого сатина, с. Шебет Солонешенского р-на Алтайского края;
 в – приставок из пестряди, с. Тогул Алтайского края.

Рис. 73. Повседневный костюм первой четверти XX в., включавший рубаху, горбач, передник, обутки. С. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края. Прорисовка с фото из семейного альбома. ПМА 1982.

Рис. 74. Вышивка фартука. Пос. Маслянино Новосибирской обл. (был приобретен в 1910-е гг. на ярмарке). ПМА 1989.

и бабушке, носивших их в начале XX в.: «Из ситца сошьют, кашемира... С ошейником и завязками на лопатках. У большинства полы сходились сзади. Старухи тоже управлялись в нарукавниках с перелинкой (кокеткой. – Е. Ф.) и без. У большинства швы на плечах. У кого живот большой – с перелинкой. Это домашняя одежда, в люди не ходили...» (ПМА 1989. № 17. Л. 17 об.) (рис. 75).

Передники подбирали таким образом, чтобы они соответствовали цветовой гамме материалов сарафана и рубахи. В качестве праздничного дополнения передник мог орнаментироваться по низу подола. Символичную роль играли фартуки на свадьбе: присутствовавшие со стороны невесты женщины, в случае подтверждения ее целомудренности, надевали этот компонент костюма красного цвета. В его функции, помимо защитной (при хозяйственных работах), входило сокрытие фигуры при беременности, обеспечение удобства при кормлении детей. Вот как рассказывали об этом пожилые женщины: «Нарукавники носили беременные. Молиться в них не ходили. Под фартуком дырка (видимо, разрез в рубахе. – Е. Ф.) кормить детей. Задерет и кормит...» (ПМА 1989).

В процессе полевых исследований нам не удалось встретить передники туникообразного покроя, но, по сообщениям информантов из Причумышья, они представляли собой «те же поморники, только без спинки». По покрою, описанному пожилыми людьми, туникообразные передники с рукавами близки к южнорусским *запонам*, *занавескам*. Аналогичная одежда существовала и у населения отдельных районов Вятской, Новгородской, Владимирской и Московской губ. [Маслова, 1987, с. 274].

Девичьей прической, как и повсеместно, была заплетенная тремя «прядями вверх» коса, что являлось символом незамужней девушки. В Николаевской вол. Барнаульского уезда в косу вплетали *кись* из бисера (ПМА 1989. № 17. Л. 17 об.). Кись представляла собой «юбочку» из разноцветного бисера: «Кись вязывала в косу вместе с лентами. Привязывала на ниточке с ленточками...» (Там же). В особых случаях волосы расплетали (например, при венчании, «окручивании», т. е. смене прически и головного убора после венца). Девушкам разрешалось находиться в обществе с непокрытой головой, в отличие от замужних женщин, для которых это было бесчестьем. Завязывать девушке самой платок «по-бабьи», т. е. концами назад, считалось у старооб-

Рис. 75. Женский повседневный (рабочий) костюм с фартуком и нарукавниками из Сrostинской вол. Бийского уезда Алтайского горного округа. Реконструкция автора. ПМА 1983.

рядцев великим грехом, одной из примет пришествия антихриста, когда «бабы будут простоволоски, а девки самокрутки».

Отцы патриархальных семей не допускали никаких вольностей, в том числе в прическах: запрещали выстригать модные в начале XX в. пряди волос у висков – *кудельки*, *баки*. А. С. Огнёва из д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. вспоминала: «Модны были баки. Их выстригали около ушей и выставляли вперед из-под платка. Отец запрещал этого делать. Сам плел косу от затылка мелкими прядками, вплетал ленточку, а я уж из разных лент хвост навяжу» (ПМА 1989. № 17. Л. 17. об.). В некоторых местностях были известны и более нарядные или, по словам информантов, «обмирщенные» головные уборы. Так, в Легостаевской вол. Барнаульского уезда сосватанная кержачка, наряду с обычными украшениями в виде лент, прикрепляла вокруг головы небольшие бантики (или прoderнутые «на живульку» одна в другую ленты) и вплетала ленты разных расцветок в косу.

Именно у старообрядцев зафиксировано представление о том, что «окручивание» заключалось в расплетении девичьей косы и заплетении двух «пряжками вниз», что значило перемену судьбы – «их стало двое», «жизнь разделилась на двое». Эти косы оборачивали вокруг головы, перекрещивая спереди (на затылке не полагалось). Однако кое-где зафиксированы и случаи укладывания волос узлом на темени (с. Акулово Тальменского р-на Алтайского края). Как уже отмечалось, в районах совместного проживания старообрядцев разных согласий и этнокультурных традиций, вопрос о том, чем окручивать, если невеста «другой веры», стоял очень остро. Так, когда «полячка» (см. главу 6) или «российская» выходила замуж за кержака, то, невзирая на недовольство родственников с ее стороны, окручивали по-кержачки *шашмуру* (*сашмуру*).

После окручивания за выполнением обычая полного закрывания волос следили родственники и сама молодая. Об этом свидетельствуют и многие документы из судебных дел, из которых явствует, что снятие или сбивание с женщины платка рассматривалось как наивысшее оскорбление не только женщине, но и всей родне, мужу (РГО. Р. 62. Оп. 1. № 20. Л. 20). Головные уборы замужних женщин состояли из двух покровов – *кокошника* (*шашмуры*), в Прибердье – *сапца* (*цапца*), и платка с шалью, в зависимости от бытовавших традиций. Например, в Маслянинском, Искитимском р-нах Новосибирской обл. головным убором молодухи-старообрядки была расшитая золотой нитью *шашмура*-кичка, которая называлась здесь *цапец* или *кокошник* (рис. 76–79). По архивным данным, в данном регионе встречаются более ранние упоминания как кокошников, так и цапцов. Например, в Легостаевском волостном правлении в 1808 г. были поданы жалобы по поводу кражи «цапца под золотом», «кокошника кумашного с низами жемчугом» и пр. (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 2. Л. 617, 618; ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323).

Данные полевых материалов позволили выяснить, каким образом носили эти головные уборы. Татьяна Васильевна Огнёва (1905 г. р.) из д. Пеньково Масля-

Рис. 76. Женский головной убор с шашмурой-цапцом и кашемировой шалью, Николаевская вол. Барнаульского уезда. ПМА 1989.

нинского р-на Новосибирской обл. рассказывала так: «Сапец носили с паушником, наколков не носили. Обвенчались, так на меня ее одедали. Кержаки надевали на молодух. До самой смерти носили. Чалдоны закорененные цапцов не носили» (ПМА 1989. № 17. Л. 32 об.). Как удалось выяснить, поверх очелья повязывали сложенную полоской шаль, которая в архивных документах названа *платом*, а в устной речи информантов именовалась *паушкой*, *паушником* (повязывалась «по ушам») (рис. 80, 81). Платки играли символическую роль на свадьбе: на присутствовавших женщин со стороны «честной» невесты надевали красные платки. В то же время «же-

Рис. 77. Шашмура-кичка из Николаевской вол. Барнаульского уезда. Конец XIX – начало XX в. Маслянинский краеведческий музей.

Рис. 78. Шашмура-кичка (цапец) из Николаевской вол. Барнаульского уезда (вид сверху). Маслянинский краеведческий музей.

а

б

Рис. 79. Шашмура-кичка (цапец) из Николаевской вол. Барнаульского уезда. Маслянинский краеведческий музей.
а – вид сверху; б – вид спереди.

Рис. 80. Распространенная в конце XIX – начале XX в. женская полушелковая шаль. ПМА 1982.

Рис. 81. Костюм молодой старообрядки из Николаевской вол. Барнаульского уезда начала XX в. Фото А. М. Фаддеева. Маслянинский краеведческий музей.

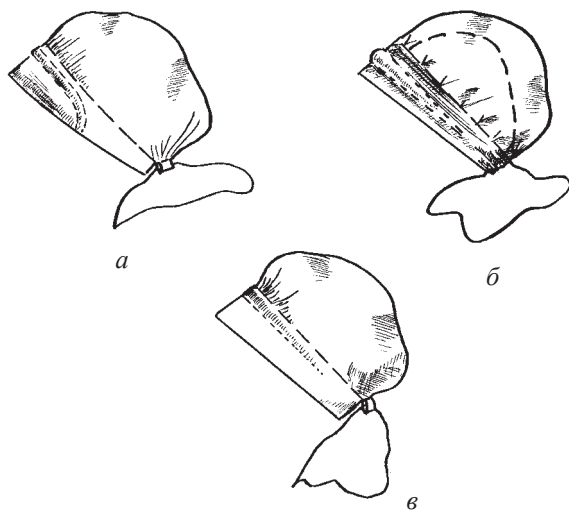

Рис. 82. Конструкции шашмуврообразных уборов.

Изготовлены в середине XX в. ПМА 1982.

а – из пестрого ситца, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; *б* – из цветастого ситца, с. Краснотуркменское (Старая Барда) Краснотуркменского р-на Алтайского края; *в* – из фиолетового ситца, с. Белый Ануи Усть-Канского р-на Алтайского края.

нихова мать дарила белые платочки» (ПМА 1989. № 17. Л. 7 об.).

Женщины первого года замужества выделялись в праздники особенно нарядным костюмом, включавшим шашмуру с относительно высоким обручем, цветастый платок (см. рис. 66–69, 81). Пожилые женщины и старухи покрывали головы менее высокими уборами (например, делали узкими обручи у шашмур) и шальями (рис. 82–85). Вдовы и незамужние женщины ходили с одним платком: «Шаль на угол сложишь и заколешь булавкой – на праздник, в церковь».

В местностях, где проживало много старообрядцев, предпочитавших аскетизм во внешнем облике, мало использовалось разного рода украшений. Несколько информантов объясняли «греховность» серег необходимостью прокалывать уши («грех прокалывать, дед сказывал»). Со слов М. С. Сотниковой, ее

Рис. 83. Женщина в шашмуре из цветастого ситца. ПМА 1982.

Рис. 84. Старообрядка поморского согласия Харитина Филимоновна Казакова, г. Новосибирск. ПМА 1997.

Рис. 85. Старообрядка в моленном костюме современного вида, Семеновский р-н Нижегородской обл. ПМА 1996.

бабушка говорила, что серьги носить грешно, так как «на том свете лягушки будут болтаться на ушах» (ПМА 1991. № 1. Л. 87 об.; ПМА 1999. № 2. Л. 1).

Сходным выглядело объяснение про бусы: «на том свете змеи будут болтаться», и даже про гребешки в волосах. Однако упоминания о бусах, серьгах и гребешках как предметах декора все же обычно встречались в полевой практике, причем не только среди сибирячек православного вероисповедания, но и старообрядок, которые носили их в молодости. Среди кержачских женщин выделялись жительницы Присалаирья,

набор украшений которых был во многом сходен с известными красочными украшениями старообрядок-«полячек» (о них см. ниже, гл. 6). Салаирские кержачки надевали поверх рубахи на шею бисерные *ряски* («бисера разноцветные подвязывали к ошейнику»), *гайтаны*, *каральки* в виде стеклянных бус. «По праздникам гайтаны надевали поверх рубах. И мужчины, и женщины. С крестом», – вспоминала Александра Савельевна Огнёва. В этом же районе кержачки украшали уши серебряными серьгами «с петухами и подвесками», в весенние праздники втыкали в уши саранки. На фоне большинства аскетичных в отношении каких-либо излишеств в костюме кержаков юга Западной Сибири традиции салаирских старообрядцев выделялись красочностью, богатством украшений. Вместе с тем, здесь бытовали типичные для кержаков комплексы одежды с сарафаном, в том числе горбачом.

В старообрядческую среду новые виды одежды внедрялись в 1920-х гг. с большим трудом: когда мама М. С. Сотниковой сшила себе кофту с застежкой на спине, то ее бабушка «оттаскала за волосы». В обеспеченных семьях новшества внедрялись быстрее, чем в бедных (ПМА 1991. № 1. Л. 87 об.; ПМА 1991. № 2. Л. 1).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

В мужской одежде, как и в женской, традиции во многом определялись христианским вероучением, как его понимали старообрядцы. Однако, несмотря на обсуждение требований к внешнему виду «носителей благочестия» на первом всероссийском соборе 1909 г. христиан-поморцев, в реальной жизни, как уже отмечалось, немалую роль играла локальная этнокультурная специфика. Совершенно очевидно, что степень унификации мужской одежды была значительно выше, чем женской.

В 1860 г. в Сибирь с целью археологических и этнографических изысканий приезжал француз – доктор Мейне, которого, как и многих прочих путешественников, поразила красочность мужской одежды. Он даже заметил, что «мужское население простого народа в Южной Сибири отличается большим против женщин пригожеством» (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. № 214. Л. 41). Путешественник по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии англичанин Т. У. Аткинсон встретил на севере Алтайского округа (с. Поперечное), по его словам, образцового патриарха: «Длинные седые волосы серебристого оттенка и такая же борода, ниспадающая с головы, почти покрывала всю грудь старика; белый зипун перетянут был красным поясом, а широкие голубого цвета шаровары заткнуты были в сапоги, доходившие до половины икр» [Путешествие по Сибири..., 1865, с. 254].

Мужские рубахи шили из достаточно широкого ассортимента материалов, которые различались в зависимости от назначения. По данным Легостаевского волостного правления, в 1799–1810 гг. среди украденных у крестьян вещей значились «рубахи мужские конопляные», «рубаха ленная косоворотка», «рубахи мужские бахтовые» и т. д. (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 2. Л. 617; ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 7. Л. 323). В конце XIX – начале XX в. повседневные, погребальные рубахи также готовились из льна, конопли, праздничные – из пестряди (с «серпинкой»), сатина, кашемира, ситца. Согласно полевым материалам, разрез ворота рубах обшивали продольной полоской ткани и вместе с воротником настрачивали декоративными строчками, а праздничные еще дополнительно украшали вышивками. До настоящего времени сохранились экземпляры с довольно однотипными узорами в виде геометризованных растительных мотивов, выполненных красными и черными бумажными нитками (рис. 86). Вместе с тем, архивные данные, а также сообщения пожилых людей свидетельствуют о существовании в прошлом таких украшений, как «тканина красной бумагой»*, «обшивки вязанками из белой бумаги».

В кержацкой среде существовали туникообразные рубахи и рубахи с плечевыми швами. Старинными для кержаков следует считать туникообразные рубахи

*Здесь имеются в виду красные хлопчатобумажные нитки.

Рис. 86. Праздничная мужская рубаша из белого холста туникообразного покроя. Музей ИАЭТ СО РАН.

Стан выполнен из перекинутого через плечи (как пончо) полотна, в бока вставлены два роскошных полотна; рукава кошенные, с клиньями вдоль локтевого шва. Украшены вышивкой по воротнику-ошейнику, нашивной планке спереди – манишке, манжетам-обшлагам. Техника вышивки – крест по счету нитей. Орнамент выполнен красными и черными хлопчатобумажными нитками в виде растительных узоров, вписанных в овалы. Размеры: длина стана – 80 см, ширина подола – 102 см, длина рукавов – 51,5 см. Приобретено Е. Ф. Фурсовой в с. Красногорское (Старая Барда) Красногорского р-на Алтайского края в 1982 г.

(в двух вариантах). Одни с цельным станом и двумя кошеными бочками, кошенными рукавами, горизонтальной или вырезной горловиной с правым или левым разрезом. Другие имели четыре кошенных *бочка*, по два с каждой стороны от центрального полотна, с кошеными рукавами. При этом *бочки* и рукава часто раскраивались одновременно – при разрезании наискось сложенного вдвое, по нити основы, полотна. Рубахи указанной конструкции очевидно представляли собой раннюю традицию в одежде, так как они зафиксированы в погребальных комплексах кержаков. Для рубах этого назначения характерно сохранение и других древних элементов – обметанное швом через край отверстие (ворот) для головы, прямой разрез ворота, скрепление ворота тесемками-плетешками, приемы шитья швом «живулька» и т. д. Все это сближает кержацкие «смертные» рубахи с аналогичного назначения одеждой кержаков других районов России (Вятской, Великолукской, Псковской и пр. губ.) [Ганцкая, Лебедева, Чижилова, 1960, с. 64].

Совершенно иное впечатление производят рубахи этого варианта покроя в повседневном и праздничном комплексах. В них наблюдаются такие элементы, не встречавшиеся или редко встречавшиеся в погребальных рубахах, как стоячий воротник-ошейник, планка (*приполок*, *столбик*, *нахлестка*, *манишка*) по разрезу ворота, вышивки орнаментов, выполненных красными и черными нитками в технике крест и т. д. Преобладающим в этом варианте рубах был левый разрез ворота, который вместе с воротником застегивался на ряд пуговиц. Вышивка выполнялась по воротнику и планке разреза ворота – узкому столбику или широкой манишке.

Известным своеобразием обладали повседневные и праздничные рубахи кержаков междуречья Бии и Катунь (Сростинской вол. Бийского уезда), Томского Приобья (Чаусская вол. Томского уезда и пр.), у которых встречался прямой (или близкий к нему) разрез ворота. Среди старообрядцев этих районов быто-

вало мнение об особой необходимости глухого воротника в одежде. Отношение же к отложному воротнику было иным, он считался «греховным». В старину же носить рубаху с отложным воротником, как рассказывают старожилы, было равносильно публичному отказу от древлеправославной веры. И еще одной особенностью обладали кержацкие рубахи Сростинской вол. (с. Тайна, Карагайка, Ново-Зыково и другие) – их шили из тканей темных цветов, не употребляя при этом каких-либо отделок.

В 1930-х гг. наиболее распространенным типом плечевой одежды были рубахи с плечевыми швами. Несмотря на то, что вырезанные в области плечевого пояса рубахи носили еще с традиционными видами одежды (общерусскими кошенными штанами и т. д.), их покрой был заимствован из города. Как и в женской одежде, среди мужских рубаш выделялись такие переходные типы, в которых ткань на плечах, не разрезаясь, собиралась в швы-вытачки. Для мужских рубаш с плечевыми швами (со швами-вытачками) были характерны вырезные проймы, окаты рукавов, горловина. Воротник-стойка, планка разреза ворота украшались вышивками по орнаменту, цветовым сочетанием подобным таковым в туникообразных рубахах.

Штаны из прямых и кошеных полотен в изучаемое время были распространены на юге Западной Сибири повсеместно под названиями *штаны*, реже *порты*, *подштанники*. В архивных документах начала XIX в. этот вид одежды упоминается как «порты конопляные», «порты изгребные» и т. д. (ГАНО. Ф. 100. Оп. 1. № 2. Л. 617, 618). Согласно полевым материалам, белые холщовые штаны входили в погребальный и рабочий комплексы одежды старожильского населения, а сшитые из пестряди использовались как повседневные и праздничные. Впоследствии неорнаментированные, из однотонных тканей, *порты*, описанные пестротканые и из белого льна штаны стали выполнять функцию нательного белья. Однако в некоторых отдаленных районах края самотканые, «с полосой» или «с клеткой», штаны продолжали носить еще и в 20–30-е гг. XX в. По сообщению наших информантов, не носили портов только мальчики до 7–10 лет, а также кое-где старики, которые ходили дома в одних рубахах. Штаны указанного покроя названы Г. С. Масловой общерусскими и рассматриваются ею как старинная одежда [Маслова, 1956, с. 592]. Следует заметить, что в среде кержаков не носили распространенные в качестве сибирской праздничной одежды *шаровары*, но, как и чалдоны, носили рабочую поясную одежду *чембары* из грубого холста («одевали только в бор ехать»).

Летом и в осенне-весенний периоды сибирские крестьяне носили валянные из шерсти шляпы, которые катали, как правило, сами. Они могли быть с округлой, горшкообразной, цилиндрической тульей, без полей, а также с узкими или широкими полями. Круглые самокатанные шляпы рассматривались в изучаемое время как «стариковские», поскольку постоянно их носили старики. Пожилые мужчины отрицательно относились также к новому для начала XX в. виду головных уборов – картузу, про который говорили, что его «kozyрек» ни что иное, как «дьявольский коготь».

ПОЯС

Старообрядцы долго сохраняли – и сохраняют до сих пор в быту и обрядах – особое отношение к поясу, отличая его среди других компонентов одежды. В этом отношении они выделяются даже на фоне прочих этнокультурных групп восточнославянского населения (украинцев, белорусов), в представлениях которых эта деталь костюма выполняла сакральную роль. Старообрядцы, постоянно читавшие служебную церковную литературу, с детства слышали: «Господь воцарися и пропоясая...», «Станьте, препоясав чресла ваши истинною...» (Чин вечерни, Посл. Филип.: VI, 14). Меткие народные выражения, связанные со словом «пояс», свидетельствуют о его функциях в бытовой и обрядовой сферах культуры. Например, «распоясаться» значило вести себя неприлично, а «распоясать» человека означало обесчестить его. Согласно поверьям, в Сибири, как и в России, считалось, что ходить без пояса так же грешно, как и без креста. Пояса считались ценными подарками, как и полотенца, их дарили родственникам особенно по духовной линии – крестникам, кумовьям, а так же при заключении брачных союзов.

Во многих изученных образцах поясов основу составляют льняные нити естественного белого цвета, реже – окрашенные в черный цвет. Утком мастерицам служили разноцветные шерстяные нити: более толстые домашнего производства (*жички*), более тонкие покупные (*гарус*). По технике исполнения просмотренные пояса можно разделить на тканые на ткацком станке – *кроснах*, то есть *бранные* (или напоминающие эту технику), закладные, тканые на дощечках, наконец, вышитые (рис. 87). В изучаемое время одни техники имели широкое распространение, например, бранные и *тканые на дощечках*, другие – ограничивались районами, селами или даже конкретными носителями (*вышитые* вперед иглой; *взстил*, т. е. *гладью*; *крестом*). Наиболее распространенными являлись бранные пояса, среди которых в зависимости от орнамента выделялись изделия с рисунками «елочкой», «ромбов с продленными сторонами», «ромбов с крючьями», свастикой (см. рис. 87). Жительница Чановского р-на Новосибирской обл. Евдокия Савватеевна Иванова, например, описывала вытканый ею бранный пояс как «опояску выбратую на двенадцати цепях (нитченоек. – Е. Ф.)». Заметим, что пояса вышеуказанных техник тканья даже для эпохи Древней Руси X–XIII вв. рассматриваются археологами и этнографами в качестве пережиточных [Лебедева, 1996, с. 9]. Особенно ценились пояса с благопожеланиями одариваемому и словами молитвы (см. рис. 87). В одном из них основа – хлопчатобумажная нить фиолетового цвета, уток – гарус зеленого, черного (в середине), желтого, красного цветов (вдоль кромки). По всей длине пояса сделана надпись: «Сей пояс принадлежит носить Тарху Максимовичю Усову 1887 года». Слова вытканы на геометрических фигурах в виде прямоугольников с заостренными короткими сторонами; на концах пояса расположены по четыре черных поперечных полосы, между которыми три зеленых. Концы оформлены в виде трех кистей, состоящих

Рис. 87. Пояса.

а – женский закладного тканья. Собрание ИАЭТ СО РАН. Размеры: длина – 210 см, ширина – 3 см, длина кистей – 10 см. Приобретен Е. Ф. Фурсовой в д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. у местной уроженки Огнёвой Александры Савельевны (1912 г. р.). Пояс ткала в начале XX в. ее мать Анна Романовна Огнёва (1890 г. р.), местная уроженка; б – пояс, тканый на дощечках, с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; в – пояс женский (хранился в моленной старообрядцев-поморцев), праздничный, сотканный «на дощечках», пос. Маслянино Маслянинского р-на Новосибирской обл. Размеры: ширина 2 см, кисти деформированы. ПМА 1989; г – опояска мужская из собрания Знаменского краеведческого музея Омской обл.; д – пояса и опояски из собрания Новосибирского государственного краеведческого музея; е – опояска мужская из собрания Знаменского краеведческого музея Омской обл.; ж – пояс со словами молитвы, Знаменский краеведческий музей Омской обл.

из нитей утка. Ткала Татьяна Григорьевна Чашина (1870 г. р.) к свадьбе своему мужу Тарху Максимовичу Усову (см. рис. 87).

Пояса, выполненные в технике *закладного* ткачества, спорадически встречались у старообрядцев по всей Западной Сибири – в Бухтарминской долине, Северном Алтае, Барабинской низменности, Присалаирье и др. Например, пояс женский закладного тканья из собрания музея ИАЭТ СО РАН был сделан в д. Пеньково Николаевской вол. Барнаульского уезда. Основа – белый лен, уток – шерсть (гарус) желтого, красного, фиолетового, черного, сиреневого, белого цветов. Орнамент выполнен в виде разноцветных квадратиков-ячеек с вписанными в них уступчатыми ромбами разных цветов. Пояс ткала в начале XX в. Анна Романовна Огнёва (1890 г. р.), местная уроженка (см. рис. 87 а).

Бытовавшие в кержацкой среде пояса, тканые на дощечках, имели значительное распространение в северных русских губерниях, где изготавливались не только крестьянами и ремесленниками, но и в монастырях (г. Череповец Вологодской губ.) [Маслова, 1956, с. 690]. В Чистоозерном р-не Новосибирской обл. нам встретился информант Валерий Никифорович Сурин (1935 г. р.), который сообщил, что подобного типа пояса в их селе «ткали на гусиных косточках». Однако более подробно узнать об этой технике не удалось.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Известное влияние на верхнюю одежду старожилов-старообрядцев оказали указы Петра I, особенно суровые в отношении присутственного платья. Так, сторонникам старой веры полагалось носить: «...платье самое старинное, долгое, с долгим ожерельем и с нашивками на грудях, по четверти на боках, на подоле прорехи с петлями, шапку высокую с прорехами и с петлями ж...» [Собрание постановлений..., 1860, с. 43, 62, 79]. Приведем еще цитату: «...зипун со стоячим клеевым козирем, ферязи и однорядку с лежащим ожерельем, только раскольникам носить у оных козири красного сукна, для чего платья им красным цветом не носить» (Там же). В «Деяниях первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак» на вопрос: «В какой одежде должно являться в храм?» находим такой ответ: «На общей молитве мужчины и женщины должны быть в приличной одежде, ибо сказано пророком Софонией: «отомщу и отомщу яве на вся облаченные в одежды чуждые» [Деяния Первого..., 1909, с. 33]. Верующие ссылаются на поучения Ефрема Сирина, который учил не одеваться «в ризы многоцветные, а носить одежду скромную». «Ибо нам необходим только покров, а не пестрота», – рассуждали старообрядцы [Старообрядчество, 1996, с. 201].

В изучаемое время старообрядческие кафтаны характеризовались цельной, сложной конфигурации спинкой с боковыми уступами и подрезами. Фигурно вырезались передние полы, проймы и окаты рукавов. Они имели, как правило,

Рис. 88. Поморский наставник Родион Иванович и его супруга Валентина Ивановна Опарины в моленных костюмах. Г. Новосибирск. ПМА 1991.

двубортную застежку с запахом налево и воротники в виде прямоугольной полоски ткани или шальки (рис. 88). Отделывались кантами из полосок кумача по прорезным карманам, бортам. Застегивались на 1-2 крючка или пуговицы с навесными петлями у ворота.

Специфичной деталью некоторых просмотренных музейных кафтанов являлся небольшой клапан из черного сатина с правой стороны. В его функции входило держать медные знаки на одежде, так как, согласно царским указам, «...раскольникам и бородачам, кроме крестьян, делать знаки медные, чтоб нашивали на верхнем платье старинном». На медных знаках нужна была надпись: «Борода – лишняя тягота; с бороды лишняя пошлина взята, 1725 г.» [Собрание постановлений..., 1860, с. 117]. По конструкции верхняя одежда различалась как однобортная с центральной прямой застежкой (зипуны, шубы, дохи и пр.), однобортная с запахом налево (шабуры, понитки, шубы и пр.), двубортные с запахом налево (кафтаны, зипуны и пр.) [Фурсова, 1997, с. 99]. По единодушному мнению старожилов, верхнюю одежду с отрезной талией стали шить не ранее начала XX в. под влиянием «хахлов» (воронежских, курских и других южнорусских переселенцев, а также украинцев). Бытованию кафтанов в качестве присутственной и моленной одежды старообрядцев способствовали постановления местных старообрядческих соборов: «Молиться должно в кафтанах муже, по три борка на стороне в посатках» (Собр. рукопис. книг Ин-та истории СО РАН. Родословие. № Д9/71 – г. Л. 101).

Теплая одежда была представлена как меховыми (шубы, тулупы, дохи), так и (в основном у малообеспеченных) суконными и полусуконными видами (зипуны, шабуры). По сибирской традиции, шабуры шили из полушерстяной ткани домашнего изготовления, зипуны – из чистощерстяной (рис. 89). Те и другие назывались «вешней одеждой» и запахивались налево. Ткань зипунов была слегка свалыана, так как их «топтали ногами в горячей воде». В прохладную погоду зипун надевали поверх шабура (при поездках «по сено, дрова»). Кроме того, зипуны считались мужской одеждой, шабуры – женской, хотя могли быть и исключения. В сильные морозы по сибирской традиции поверх шуб и полушубков надевали дохи длиной почти до земли с высокими воротниками, руки защищали теплыми варежками, рукавицами (рис. 90). Если шубы шили шерстью внутрь, то дохи мехом наружу.

Рис. 89. Мужчина в межсезонной одежде (шабур) из собрания Тевризского краеведческого музея Омской обл.

а

Рис. 90. Варежки из шерсти домашнего прядения.

ПМА 1988.

а – варежки из Чановского р-на Новосибирской обл.; *б* – варежки из Маслянинского р-на Новосибирской обл.

б

У старообрядцев городов и больших притрактовых сел гардероб верхней одежды включал *дипломаты* (*типломаты*)* из овчинных шкур, сшитых в виде «кафтана с борами», что не имело ничего общего с прототипом [Кирсанова, 1995, с. 90]; (ПМА 1994. № 4. Л. 44 об.). Женщины также носили в качестве праздничной одежды *типломаты*, которые представляли собой овчинную черненую шубу полуприлегающего силуэта (с четырьмя клиньями).

ОБУВЬ

Как и у прочих старожилов, основной обувью кержаков были *обутки*, которые в южных районах Алтая, Прииртышье называли еще *чирками* (*черками*) (Ануйская, Чарышская и пр. вол.) (рис. 91). Летом обутки (или чарки) носили с онучами из холста, зимой – с одним-двумя *кошменными* – или *качёмными* (валяными из шерсти) – чулками. Вниз вкладывали стельки из соломы, бересты, разных трав. В мужских обутках обязательным было наличие кожаных (у малообеспеченных – холщовых) голенищ выше колен, которые подхватывались в этих местах либо ткаными поясками, либо кожаными ремешками. Для удобства обувь подвязывали у щиколотки, где в шов

а

б

Рис. 91. Женские обутки.

а – из собрания музея Дома культуры с. Северное Новосибирской обл.; б – женские черки из собрания Тевризского краеведческого музея Омской обл.

*В истории одежды это мужское пальто или дамская накидка (от лат. diplomatus).

соединения верха с голенищем вставляли кожаные или матерчатые петельки. Такие пояски с узорами на Алтае ткались просватанными девушками, одаривавшими ими, наряду с обычными опоясками, своих женихов. У женщин обутки представляли собой обувь в виде башмаков, т.е. изготавливались без голенищ. Шитьем обуви занимались отцы семейств: «Перед праздником отец нашьет обуток для всех нас» (ПМА, № 4. Л. 44). При работах на пашне, уборке снопов сибирские крестьянки пытались защитить ноги еще и *поголешками*, которые имели вид холщевых гетр. Внизу у щиколотки иверху у колен поголешки прикреплялись к ноге завязками, плетеными из конопли, которые продевались в подогнутые края. Обычно их заправляли в обутки, исключая тем самым попадание сора, травы и пр.

Как и у других старожилов Сибири, большой популярностью пользовались валяные из шерсти виды обуви – пимы, в их числе белые праздничные *кунгурские* или *поярковые*. Отличие мужских валенок от женских заключалось в разной длине, так как женские были значительно короче – до колен. «Пимы носили, в чем же еще? Нам отец покупал всякие пимишки – и зеленые, и синие, и с авушками (с узорами. – Е. Ф.)», – вспоминала М. Ф. Гоголева из Новокузнецка Кемеровской обл. (ПМА 1999).

СОВРЕМЕННАЯ МОЛЕННАЯ ОДЕЖДА СТАРООБРЯДЦЕВ-КЕРЖАКОВ

Старинная по форме и конструкции одежда, отдельные элементы ее кроя широко бытуют в наши дни. Сохранились также запреты на ношение тех или иных ее видов. Так, в качестве моленной одежды староверы-мужчины беспоповских согласий г. Новосибирска и других населенных пунктов юга Западной Сибири используют кафтаны, рубахи, тканые пояса, женщины – сарафаны-горбачи, специальные головные уборы, в руках те и другие держат *лестовки** (рис. 92, 93). У мужчин ноги обуты в сапоги, у женщин – в туфли, тапочки. Несмотря на естественные изменения, произошедшие в костюмах в связи с появлением новых тканей, технологий, старообрядцы сохранили традицию ношения единой севернорусской по типу и терминологии моленной одежды. Эти костюмы до сих пор можно увидеть в моленных не только хранящимися в гардеробе, но и активно используемыми прихожанами во время молитвенных собраний.

Как уже указывалось, в сибирских общинах старообрядцев-беспоповцев – поморцев и федосеевцев – мужчины на богослужениях все еще используют кафтаны черного или темно-синего цветов, с борами или без боров, с карманами

*Лестовка – от древнерус. «лествица». Разновидность чёток особого вида, внешне напоминающих гибкую лестницу; представляет собой атрибут молитвы.

а

б

*Рис. 92. Старообрядцы новосибирской поморской общины. ПМА 1996, 2006.
а – в 1996 г.; б – в 2006 г.*

а

Рис. 93. Современный старообрядческий костюм.

а – В. Г. Замараев на крыльце своего дома, д. Елбань Маслянинского р-на Новосибирской обл. ПМА 1989; б – М. Ф. Гоголева в моленном сарафане (горбаче), г. Новокузнецк. ПМА 1999.

б

или без них. Материал кафтанов – сукно, вельвет, сатин. Некоторые кафтаны очень старые, еще довоенных времен. Например, кафтан, принадлежавший некогда наставнику федосеевской общины Фёдору Васильевичу Губареву, от долгого употребления протерт до дыр в местах, которых касались пальцы во время крестного знамения – на плечах и на животе [Голомянов, 2013, с. 24–26]. На эти места были аккуратно наложены заплатки, по цвету несколько отличающиеся

от основного материала. Кафтаны запахируются на левую сторону, но изредка встречались запахивающиеся на правую.

При отсутствии кафтана, «при крайней нужде» некоторые христиане надевают сатиновые халаты, использовавшиеся в качестве спецодежды во времена СССР. В таком халате вставала на молитву наставница поморцев Гликерия Онисифоровна Ерёмкина из Ордынского р-на Новосибирской обл. В новосибирской поморской общине одна из прихожанок, в прошлом швея, изготовила несколько мужских кафтанов по старинному образцу, с борами, но пришила для удобства еще и карманы, которых не было на образце.

Под кафтанами пожилые мужчины носят рубахи-косоворотки, в основном темного цвета. При отсутствии косовороток надевают обычные рубахи городского образца. Наставник Новосибирской поморской общины Елисей Васильевич Разживин в 1990-х гг. носил полосатую рубаху, у которой отложной воротник был превращен в стоячий – сложен вдвое и прошит черными нитками вручную. Современные рубахи пожилых мужчин во многих своих чертах напоминают традиционную одежду. Консервации старых форм способствуют женщины, которые шьют своим мужьям косоворотки, перешивая на такой манер фабричные рубашки. Рубахи надеваются навывпуск и подпоясываются тканым узорчатым пояском. Мужчины-старообрядцы, редко посещающие моленную и не имеющие собственного кафтана, участвуют в богослужении в обычных рубахах с длинным рукавом, подпоясанные пояском или веревкой.

В качестве нижнего белья мужчины-старообрядцы носят кальсоны и нательные рубахи с длинными рукавами. Евстафий Павлович Лимонов, старообрядец-часовенный, говорил, что ношение трусов «для христиан» недопустимо. Мужчины, посещающие моленную, не носят трусов, объясняя это дедовской традицией (надевают подштанники и брюки). Это мнение, видимо, достаточно распространено, так как подтверждается сообщениями из других источников. Старообрядка-поморка Зоя Павловна Леонцева сообщила такой факт: когда «обряжали» умершего старичка-поморца, то вместо кальсон на него надели обычные сатиновые трусы. После похорон он стал во сне приходить к жене и укорять ее за это. Пришлось ей купить набор китайского мужского нижнего белья с начёсом и подать его «Христа ради» знакомому дедушке-староверу. После этого покойник перестал сниться. Верующие объясняют этот факт «незаконностью» указанного вида нижнего белья, что особенно важно «на том свете», где действие закона непреложно [ПМА 1999. № 17. Л. 60].

Приведем еще пример. Наставник старообрядцев федосеевского согласия Ф. В. Губарев ходил в еще в 1990-х гг. по улицам г. Новосибирска в черном кафтане и в черных самодельных сапогах (мягких). На нижней рубахе, хотя и фабричного производства, он внутрь подшивал воротник, чтобы тот выглядел как стойка. Рубаху он носил всегда выпущенной поверх штанов и подпоясанный самотканым узким пояском; голову его покрывала черная фетровая шляпа.

На ноги староверы-беспоповцы – и мужчины, и женщины – во время службы сегодня все чаще обувают обычные тапочки, которые оставляют после службы в моленной. Там же хранится и моленная одежда христиан – кафтаны, сарафаны и платки.

Можно сделать вывод, что специальная моленная одежда в настоящее время используется только христианами-старообрядцами. Когда-то ее выделили из праздничной одежды, и она стала своего рода свидетельством святости. Основанием для выделения моленного костюма являлись правила праведной жизни, идущие от апостолов на основании их посланий. В народном понимании они согласовывались с древними нормами благочестивого и праведного проведения жизненного пути [Липинская, 2005; Голомянов, 2013, с. 26].

Глава третья

СТАРООБРЯДЦЫ-ДВОЕДАНЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

О распространенности старообрядцев под именем «двоеданов» в конце XIX в. в Тобольском, Курганском, Сургутском округах свидетельствовали Н. Ф. Зобнин, С. К. Патканов [Зобнин, Патканов, 1891, с. 491]. Проживание двоеданов в Ялуторовском уезде было отмечено как в целом ряде архивных материалов, так и в публикациях, прежде всего, периодике того времени [Корреспонденция СВ, 1895, с. 4]. Сведения же о старообрядцах-двоеданах в районах Верхнего Приобья, по административному делению включавших Ординскую, Бурлинскую вол. Барнаульского уезда Томской губ., не сохранились ни в архивных документах, ни в литературных источниках. Этот термин известен со времен, когда старообрядцам было предписано платить двойную подать («две дани»). Пожилые люди еще сейчас объясняют свое название «старым законом», когда-то обязывавшим их предков платить два налога в казну; со слов Г. О. Ерёминой*, «первый платили за веру Христову, второй – по жизни» (ПМА 1998. № 12). Другие объяснения касаются обобщенного названия «кержаки», причем в том же ключе, как и повсеместно: «Звали кержаками. Вера такая, из своей чашки ест, пьет».

Семейные предания двоеданов хранят данные о переселении в Сибирь на протяжении второй половины XIX – первой

*Ерёмина (урожденная Астафьева) Гликерия Онисифоровна (1923 г. р.), родилась в д. Пушкири Ордынского р-на Новосибирской обл. Деда приехали «с Расии». «Были неконьяны, а перекрестились в поморскую веру здесь».

трети XX в. из ряда районов Урала. Нам приходилось фиксировать в качестве мест выхода Шадринский уезд Пермской губ. (с. Большой Беркут), Курганский уезд Оренбургской губ. Нередко потомки первопоселенцев указывали прародину лишь обобщенно: Приисетье, «из Кургана близ Челябин», «с Челябин». Упоминания о «Челябе» – небольшой, исчезнувшей ныне речке – имеются в документах об основании Оренбургской экспедиции (крепости). Об этом событии помощник начальника оренбургской экспедиции полковник Алексей Иванович Тевкелев в донесении своему начальнику Василию Никитичу Татищеву писал: «...на реке Миясе в урочище Челябин, из Миясской крепости в тридцати верстах заложил город» [История Челябинска].

Экспедиционные работы 1980–1990-х гг. позволили нам выявить места поселения и провести исследования конфессиональной группы, известной в указанных областях под названием кержаков-двоеданов. Лет сорок-пятьдесят назад двоеданы группами или семейными коллективами проживали в д. Романово, Луковка Панкрушихинского р-на Алтайского края, д. Пушкари, Средний Алеус, Верхний Алеус, Алеус (Зеленино, Чубарково), Устюжанино, Новокузьминка Ордынского р-на Новосибирской обл. и некоторых сопредельных территориях. Из распространенных здесь фамилий можно назвать Поповых, Чащиных, Ощепковых, Спиридоновых, Петровых, Кирилловых, Ивлевых, Фёдоровых, Захаровых, Карасёвых, Афанасьевых, Ерёминых, Макуриных и др. (ПМА 1998. № 12). В конце XIX в. довольно компактная группа старообрядцев была известна в с. Крутиха Барнаульского уезда Алтайского горного округа. Местное предание говорит, что сюда приезжали беглые с демидовских рудников (ПМА 1998. № 24. Л. 90).

Своей известностью старожилы Крутихи были обязаны изданной в 1863 г. работе местного крестьянина П. Школдина «Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости» [Школдин, 1863]. Это подробное, со знанием деталей крестьянской жизни, описание позволяет осуществить сравнение с этнографическим материалом, собранным автором в этом же селе в 1980–1990-е гг. Согласно полевым данным, к кержацкими фамилиям здесь относили Костырёвых, Карасёвых, Бахмутовых, Морозовых, Школдиных. Старообрядческое с. Крутиха входило в круг брачных связей описанной выше «алеусской» группы двоеданов (Ордынский р-н Новосибирской обл.), а также группы, которая названа у Школдина «кулундинским толком» (Панкрушихинский р-н Алтайского края).

Некоторые сибирские двоеданы считают себя потомками сосланных «за раскол», то есть за верность староверию христиан, другая часть вспоминает о поисках родителями или ими лично лучшей жизни, рассматривая переезд как бегство от малоземелья, бедности, голода. Те, чьи предки поселились в Сибири давно, называют себя «коренными» сибиряками, переехавшие же позднее, особенно в неурожайный 1933 г., относят себя тоже к сибирякам, но «некоренным». О вероисповедании («русская вера») имеют достаточно определенное представление, рассказывают о себе как последователях поморского согласия, что в их представлении синонимично двоеданам и противоположно сторонникам офици-

альной церкви – «церковным». Многие пожилые старообрядцы интересуются историей разделения православной церкви и знают историю поморского согласия беспоповщины.

Среди фамилий жителей старожильческого поселения Крутиха до настоящего времени встречаются Школдины. Одна из наиболее пожилых информанток – Анфиса Куприяновна Школдина, 1917 г. р., считающая себя дальней родственницей известного «алтайского крестьянина» [Школдин, 1863, с. 35–50], вспоминала о нем как о богатом «деде». Во время экспедиций 1980–1990-х гг. в Крутихе старообрядческое население было немногочисленным: воспоминания о том, что в этом селе жили старообрядцы, сохранились только в памяти пожилых людей. Это, по-видимому, стало закономерным итогом общей этнодемографической ситуации в Бурлинской вол., куда в связи с отменой крепостного права устремились выходцы из Саратовской, Рязанской, Тамбовской губ., являвшиеся в глазах старообрядчества «другими», «чужими», «никонианами». Согласно нашим наблюдениям, были и другие причины исхода старообрядцев из Крутихи, в их числе выезд в соседние районы, ближе к центрам своего согласия, например, в соседнюю Ординскую вол. (центр поморского согласия у двоеданов региона).

В начале XX в. большинство поселений двоеданов располагалось таким образом, чтобы моленные дома были в пределах досягаемости для посещения служб, исполнения треб, вследствие чего исключалась изоляция от своих «христиан» («христиан»). В местах рассеянного проживания имели место случаи, когда старообрядцы уже во втором поколении могли перекрещиваться и переходить «в церковные».

В период единоличного хозяйствования в некоторых селах приходы бывали столь многочисленными, что службы приходилось вести в двух моленных домах. В 1930-х гг., в связи с разгромом культовых учреждений и потоком антирелигиозной пропаганды, принижающей авторитет духовных наставников и старшего поколения верующих, молодая поросль старообрядчества стала предаваться мирским увеселениям, курению («Молодежь стала отходить от веры отцов», говорили многие наши информанты). Старшее поколение продолжало исповедовать «старую веру», о чем свидетельствуют некоторые архивные документы. В 1944 г. уполномоченному по культам Новосибирской обл. поступило заявление от 47 старообрядцев из с. Средний Алеус Ордынского р-на с просьбой зарегистрировать общину, в чем им было отказано (Приказ от 1.03.1947 г. ГАНО. Д. 24. Л. 11).

Старообрядцы здесь значились лишь как «б/п» (беспоповское согласие), т. е. самоназвание двоеданы не фигурировало. В прилагавшемся списке указаны фамилии, которые фиксировались нами в экспедиционных материалах и в более поздний период (Седов Сидор Иванович, Никитин Акакий Иванович, Кириллов Дементий Васильевич, Захаров Лазарь Тимофеевич, Астафьев Филипп Егорович, Кириллов Дмитрий Иванович).

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Сибиряки-старожилы, сторонники официального православия, обычно характеризовали внешний облик двоеданов так: «Двоеданы такие же люди, как мы. Но у них почему-то вера другая и они в нашу церкву не ходили...». В отношении используемых для одежды материалов двоеданы мало отличались от других старожилов Сибири, за исключением, может быть, более сдержанных расцветок тканей.

Судя по сообщениям пожилых старообрядок северо-западного Алтая, их бабушки во второй половине XIX в. носили традиционный комплекс с сарафаном. В Бурлинской вол. Барнаульского уезда сарафаны двоеданов могли выкраиваться с узкими лямками, как, например, в Прибердье (рис. 94). «Бабушка-самодурчиха* носила сарафан еще на лямочках, по груди боры. Тут ремешок и тут лямочки в два пальца или в палец...», – вспоминала Ульяна Никифоровна Попова (1909 г. р.) из с. Крутиха Алтайского края (ПМА 1992. № 2. Л. 12 об.). Двоеданам Ординской вол. Барнаульского уезда были известны глухие сарафаны типа горбунов: «Старушки на молениях были в сарафанах безрукавых. Рукава надевались под низ. Они не на лямках, а как платье без рукавов. У меня вон есть. Их подпоясывали ткаными поясами, а теперь веревочками» (рис. 95, 96) (ПМА 1998. № 12). Дочь поморского наставника Е. Д. Корягина** рассказывала: «Моя мама сарафаны носила, тут с застежкой, ну. Сичас большинство уже прячут пояс, а раньше поверх сарафана тканым пояском подпоясывались» (ПМА 1998. № 12).

О сарафанах как о традиционной одежде женщин для середины XIX в. писал П. Школдин, причем в его изложении речь идет, скорее, о лямочных сарафанах: «Сарафан разных материй, начиная от ситца и до сатендупля». Далее автор конкретизировал: «Женщины в будни носят ситцевые сарафаны, льняные, кубовые и черненные дубасы» [Школдин, 1863, с. 46].

Сарафан надевали поверх рубахи-становины туникообразного покроя или рубахи с кокеткой. Верх рубахи выкраивали из сложенного вдвое куска ткани, который назывался в этом случае *вырезушник*. Воротник оформляли в виде стойки, застежка проходила по центру. Двоеданы в Маслянинском р-не льняную нижнюю рубаху называли *поднизка* (ПМА. № 25. Л. 30 об., ПМА 1994. № 4. Л. 1)***, в Ордынском р-не – *рукавами* (ПМА 1998. № 12).

*Из семейного предания: «Всех староверов из России прислали в деревню Самодурку (недалеко от Крутихи. – Е. Ф.). Бабушку звали самодурчихой. Отец Ефим Маркович Попов женился на православной и принял веру православную».

**Корягина (урожденная Коротовская) Елена Дмитриевна (1908 г. р.), родилась в Челябинской обл. Дочь поморского наставника в Ордынском р-не Новосибирской обл.

***Чащина Прасковья Трофимовна (1927 г. р.), потомственная старообрядка, с. Маслянино Новосибирской обл.

а

б

Рис. 94. Глушаева Пасковья Трофимовна в материнском сарафане из коричневого сатина с холщовой рубахой. С. Маслянино Новосибирской обл. ПМА 1989 г.
а – вид спереди; б – вид сзади; в – верхняя часть сарафана.

в

а

б

Рис. 95. Костюм наставницы поморских старообрядцев Ерёминой Гликерии Онисифоровны из Ордынского р-на Новосибирской обл. ПМА 1998.
а – вид спереди; б – вид сбоку.

Рис. 96. Костюм прихожанки новокузнецкой поморской общины. Кемеровская обл. ПМА 1996.

Согласно сообщениям нашей информантки А. К. Школдиной из с. Крутиха, в 1920–1930-х гг. вышли из обихода повседневные сарафаны из крашеной домотканины – дубасы, причем этот термин забылся даже раньше, чем собственно сарафаны. Моисей Данилович Ощепков вспоминал, что его мать, родом из Алеусов, в начале XX в. носила «сквозную становину. Поверх одевала платье, юбку, кофту. Наколок носила как косыночку. Она одевалась по-городскому» (ПМА 1992. № 2. Л. 17 об.). Важно заметить, что и во времена Школдина местные «девки» носили платье, следуя «моде благородного сословия». Таким образом, в наборе видов горничного платья старообрядки-двоеданки крупных сел имели много общего с чалдонками (рис. 97–99).

До недавнего времени в памяти местных старожилов сохранялись знаковые функции сарафанов. Самошина (по мужу Самодубцева) Пелагея Петровна

(1917 г. р.) рассказывала, что еще в ее молодости невинность невесты показывали присутствующим на свадьбе одеванием на ее мать красного сарафана (красной кофты или платья), голову повязывали также платком красного цвета.

Сарафан подпоясывали поясом. Нам встретились пояса, сотканые на дощечках, подобные которым были зафиксированы в разных районах юга Западной Сибири. В поясе из д. Усть-Чем Искитимского р-на Новосибирской обл. основу составляют

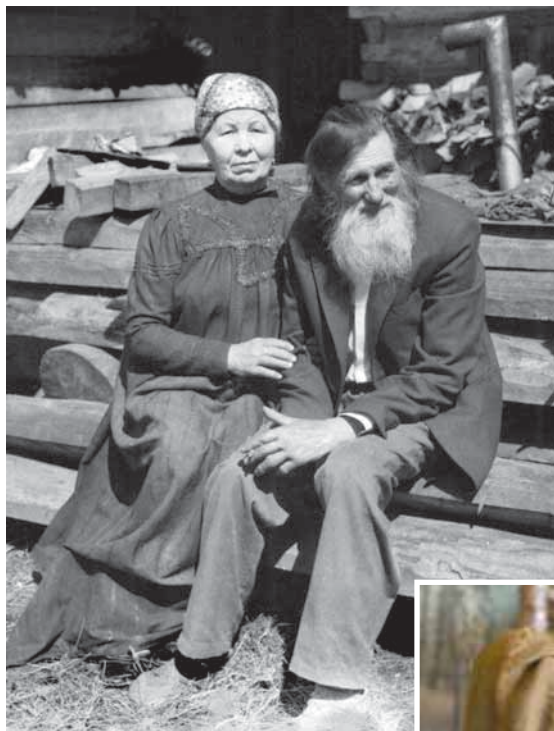

Рис. 97. Глушаева Прасковья Трофимовна в материнском платье начала XX в. Пос. Маслянино Новосибирской обл. ПМА 1994.

Рис. 98. Деталь платья П. Т. Глушаевой.

Рис. 99. Платье П. Т. Глушаевой изготовлено из полуселковой ткани болотного цвета.
ПМА 1994 г.

По линии кокетки и по груди украшено фабричным кружевом. Рукава двухшовные, сужающиеся книзу, застрочены поперечными декоративными строчками.

a – вид сбоку; *б* – спереди.

льняные нити, уток – гарусные нити бордового, желтого (в центре), синего (вдоль кромок) цветов. Орнамент включает композиции из ромбов, прямоугольников, стреловидных фигур, «двойные стрелы» и пр. Пояс сделан в 1915 г. матерью Параскевы Артамоновны Петровой (1912 г. р.), которая родилась в д. Средний Алуэс Ордынского р-на Новосибирской обл. (рис. 100).

Подпоясывались также фартуком *с грудкой*. Но, согласно известному в старообрядческой среде обычаю, вход в таком виде в моленную категорически запрещался. У двоеданов из д. Кузьминка Ордынского р-на Новосибирской обл. поверх сарафана надевали фартук с рукавами. Приведем описание такого вида нагрудной одежды (его дала Е. А. Спиридонова*): «Их носили бабушка, праба-

*Спиридонова Елизавета Александровна (1911 г. р.), д. Новокузьминка Ордынского р-на Новосибирской обл. Родилась в соседней д. Устюжанино. Дедов звали кержаками-двоеданами.

Рис. 100. Пояс женский, сотканный на дощечках. Собрание ИАЭТ СО РАН.
Размеры: длина – 190 см, ширина – 2 см, кисти – 4 см. Приобретен в деревне Усть-Чем Искитимского р-на Новосибирской обл. Е. Ф. Фурсовой в 1989 г. у местной жительницы Петровой Параскевы Артамоновны (1912 г. р.). Пояс ткала и носила мать Ивлева Марфа Дмитриевна (1898 г. р.). Подпоясывалась, когда шла молиться в моленную.

бушка, еще мама на поле. Они были на кокетке с бориками, завязывались сзади по талии. На спине выступ-то изложен (обработан. – Е. Ф.). Лопатки закрыты» (ПМА 1998. № 12). Для вязки снопов в уборочную страду использовали специальные «рукáвники» из толстого холста, которые завязывали у локтя и у запястья. Встречались и более нарядные рукавники на манжетах с вышивками.

Замужние женщины носили в качестве головного убора шашмуру с платком и шалью, подколотой под подбородком (рис. 101). Праздничными считались шелковые, а зимой – кашемировые шали. Приведем описание шашмуры со слов информантов: «Шашмура с длинной ленточкой (имеется ввиду полоска «на-лобник». – Е. Ф.), а наверху тряпочка при-сборена (здесь: верхний чепец – Е. Ф.)». Потомственная двоеданка Е. Д. Корягина вспоминала: «Шашмурку мама носила на голове, а я уже не носила. Ну, а поверх платок повязывали. Платок всё время на голове. Повязывала сначала назад платок, сзади, а сверху другой платок. Два платка положено женщине. Ну, а если шашмурку, дак, наверно, платок не носили

Рис. 101. Потомок старообрядцев К. А. Болдарева, д. Блюдцы Чистоозерного р-на Новосибирской обл. ПМА 2007.

нижний. Ну, я уж шашмурки не захватила. А мама-то носила» (ПМА 1998. № 12). Упомянутый Школдиным «цепец, вышитый мишурой или просто шелковый» сохранился только в старообрядческих семьях Маслянинского р-на Новосибирской обл. Цепец представлял собой севернорусскую сашмуру-кичку с твердым, вышитым узорами верхом. Наряду с тем, что в 1920–1930-х гг. вышел из употребления женский головной убор в виде «шашмуры», сохранилась архаичная традиция – требование к вышедшей замуж женщине закрывать волосы. Крутихинская старожилка Самошина (по мужу Самодубцева) Пелагея Петровна (1910 г. р.) вспоминала об этом запрете, в котором с ее точки зрения проявлялась «скромность»: «Свекровь сидит развязкой. Увидит кума: «Ой, кум идет, а я развязкой!» С развязанным платком то есть».

Наиболее приверженные заветам дедов и ответственные в отношении исполнения христианских запретов старообрядцы отказывались от бус, серег, колец даже в праздничном костюме. Объяснение этого обычая идентично таковому во многих других старообрядческих группах: «Не бусы, не кольца – это грех считали. Серьги тоже нельзя. Разговоры идут, что на том свете будут змеи висеть. Кроме креста ничего нельзя носить» (ПМА 1992. № 2. Л. 26 об.).

Если в конце XIX – начале XX в. моленный костюм предполагал ношение сарафана, то праздничный, *гульной*, мог выглядеть как платье на кокетке с рукавами или кофта с юбкой (см. рис. 97–99). Традиции глухой одежды соблюдались и в этом случае: длина подола до земли, глухой воротник-стойка, скрывавший фигуру силуэт. Силуэт усложнялся из-за удлиненной спинки, шлейфа, носившего название *хвост* (ПМА 1992. № 24. Л. 73). Народное платье было достаточно сложной конструкции в сравнении с сарафаном или рубахой, так как имело фигурно скроенные проймы, застежку на правом плече (на кнопки, пуговицы). Платье подпоясывали бархатным поясом с красивой пряжкой. Прасковья Трофимовна Чашина из с. Маслянино Новосибирской обл. вспоминала, что у ее матери в начале XX в. все детали костюма подбирались по цветовой гамме. Так, к цвету платья подбирали шаль и перчатки, которых у женщины было три пары, «несмотря на неграмотность» (ПМА 1992. № 25. Л. 35 об.). В богатых семьях молодые женщины, случалось, нарушали требования к старообрядческой одежде, особенно, если выходили замуж за тех, кто «старую веру» не исповедовал. Приведем воспоминания потомственной кержачки из с. Крутиха: «В праздники бусари (бисера) одевали, серьги, золотые кольца» (ПМА 1992. № 24. Л. 73 об.). Еще в середине XIX в. Школдин приводил свои наблюдения об излишней роскоши в женских нарядах, «не по состоянию», когда бедные старались ни в чем не отставать от богатых [Школдин, 1863, с. 46].

Интересно, что в этой группе старообрядцам были известны традиции нижнего белья – *лифты*, нижние юбки. *Лифты* шили в виде коротких безрукавок с застежкой на пуговицы, которые дополнительно затягивались под грудью поясом. В будние дни лифты делали из льняной ткани, в праздники – из коленкора, ситца. В общем виде костюм включал лифт, домотканую становину, рукава

из покупной ткани, холщовую нижнюю юбку, верхнюю юбку. В это же время в массовом порядке отказывались от ношения шашмуры.

Нередко инициаторами небрежения стародавними семейными обычаями в первой трети XX в. становились мужчины, особенно в тех случаях, когда это касалось, с их точки зрения, «бабьей» затеи, смысл которой им был уже неясен. Из полевых материалов, полученных в разных районах Южной Сибири, становится очевидным, что вольно или невольно препятствуя раскрепощению женщин в том виде, как его понимала новая советская власть (оргкомитеты, просвещение и пр.), мужчины поддерживали тенденцию отказа от ношения многослойных женских головных уборов [Васеха, 2013, с. 43–46]. Мария Семеновна Сотникова из д. Тараданово Сузунского р-на Новосибирской обл. (1907 г. р.) вспоминала, как в годы ее юности молодые мужья настаивали на отказе от шашмур: «Утром я одеваю шашмуру, а муж сдергивал. Я плакала...». В д. Акулово Первомайского р-на Алтайского края П. Т. Акулова (1913 г. р.) вспоминала: «Мужик стащил шашмуру, повесил на березу, я плакала. Свекровь простила меня...». Записаны и другие рассказы о заинтересованности молодых мужчин в обновленном облике своей жены. Женщины сопротивлялись этому насилию и следовали наставлениям матери и свекрови. Чтобы понять драматизм ситуации женщины, оставшейся без головного убора, достаточно вспомнить судебные дела начала XX в. по поводу «сбивания» головного убора, что в общественном сознании рассматривалось как оскорбление.

В рассматриваемое время изменились также знаковые функции некоторых других головных уборов, причесок, что опять же было поддержано в большинстве своем мужским населением. Ушел в прошлое обычай, диктовавший женщинам, родившим детей вне брачных уз, носить «девичью» прическу в виде одной, закрученной узлом, косы. По сути дела, этот обычай выполнял функцию знака и был компромиссом между позорящим назиданием девушкам и необходимостью обозначения статуса женщины в такой ситуации.

Двоеданки носили кожаную обувь – *обутки* – в качестве повседневной и рабочей. Многие пожилые женщины вспоминают о ней как очень удобной и полезной для ног. «Обувь из кожи шили. Рабочие обутки и назывались. Обутки – одна подошва, а здесь оборочки, опушечку сделают и вот веревочками подвяжешь, как босиком ходишь» (ПМА 1998. № 12).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

В начале XX в. мужчины носили рубахи-косоворотки, поверх надевали полу-пальто-куртки, как правило, из сукна домашнего изготовления (ПМА. № 24. Л. 74). Сохранялась традиция опоясывания, несмотря на то, что к этому времени вышли из употребления упоминаемые П. Школдиным «пояса шелковые с мишурными головками» [Школдин, 1863, с. 46]. Во всяком случае, в первой трети

XX в. тканые пояса и, особенно, широкие «опояски» считались необходимым компонентом костюма. Архаичные виды мужской поясной одежды (домотканые штаны и *шаровары*), известные для середины XIX в. из работы «Хозяйственно-статистическое описание» [Школдин, 1863], пережили порубежье веков. В среде двоеданов, так же как и в ряде других этнокультурных групп юга Западной Сибири зафиксирован свадебный ритуал с мужской поясной одеждой, известный как «сватать с лавки»: «Приедут сватать невесту. А она на лавку встанет да ходит и говорит: «Захочу, дак вскочу, а не захочу – дак не вскочу!» (ПМА 1992. № 24. Л. 55). В это время, как вспоминал крутихинский краевед Ощепков Моисей Данилович, сваты держали в руках штаны и звали девушку прыгнуть именно в них (ПМА 1992. № 2. Л. 18).

Поскольку праздничная одежда стоила достаточно дорого даже для бюджета обеспеченных старожильческих семей и являлась вожаделенной мечтой бедных переселенцев, то в ходе реализации политики раскулачивания («раскрестьянивания») так называемые «комитеты бедноты» стремились изъять хорошие вещи лично для себя. Конфискация одежды «экспроприаторами» не была подкреплена законодательно, ее отнюдь не требовалось сдавать в общее пользование – наряду со скотом, орудиями труда и пр., однако в условиях безнаказанности «комитетчики» не считали зазорным воспользоваться ситуацией. А. К. Школдина из Крутихи Алтайского края рассказывала, что у нее до сих пор стоит перед глазами «коммунист», который «натянул на себя три рубахи тяти и все ходил, искал чего-то» (ПМА 1992. № 24. Л. 72). Таким образом, до начала XX в. одежда старожилов значительно отличалась от одежды переселенцев, но в результате политических событий (революции, Гражданской войны и кампании раскулачивания) гардероб старожильческих костюмов оскудел, а в большинстве случаев и вовсе исчез. Одежда, таким образом, стала более однородной в различных этнографических группах.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Упомянутые П. Школдиным праздничные виды суконной верхней одежды *азям*, а также *халат* и городского вида присутственный костюм с *сюртуком* в 20–30-е гг. XX в. отсутствовали. Согласно полевым материалам, к этому времени эти виды одежды не только вышли из употребления, но их названия практически не сохранились в лексике крестьян (ПМА 1992. № 24. Л. 54). Вместе с тем, прекрасно сохранился указанный автором в качестве повседневной одежды *зипун*, который изготавливался из домотканого сукна. В 1920-х гг. в качестве верхней одежды носили зипуны, подпоясанные опоясками. Более теплыми и дорогими считались зипуны, тканые «в четыре нитченки», т. е. сшитые из более плотной ткани. Исконно крестьянский халатообразный зипун бытовал наряду с верхней или присутственной одеждой *курткой*, про которую современные пожилые се-

Рис. 102. Верхняя межсезонная одежда – куртка из собрания Петропавловского краеведческого музея.

Рис. 103. Мужчина в тулупе из овчины. ПМА 1990.

ляне говорили, что она была «под вид пиджака» (рис. 102). Праздничной зимней одеждой женщин являлось «пальто с татьянкой», про которое рассказывали: «На борах, рукава длинные, воротник отложной с застежкой. С татьянкой, с пояском» (ПМА 1992. № 24. Л. 74 об.).

Долго оставались популярными овчинные *тулупы*: вплоть до 1960–1970-х гг. они оставались незаменимой мужской одеждой в сильные морозы (рис. 103). Их шили мехом внутрь и обшивали («крыли») темным сукном; высокие воротники в поднятом состоянии закрывали голову, защищали от ветра. Тулупы не застегивались, но запахивались на правую сторону. Под тулуп могли одевать куртку из домотканины или зипун. Не упоминалась нашими информантами женская верхняя одежда «галанка на белье, заячьем и овчинном меху, крытая сатин-дуплом» [Школдин, 1863, с. 46]. Зато встречались мужские пальто европейского покроя, о которых П. Школдин упоминал вместе с *сюртуками*.

В 1920–1930-е гг. – и до конца XX в. – не выходили из употребления такие приспособленные к местному климату виды верхней одежды, как шубы, полушубки, а также перчатки (замшевые), вязанные из шерсти рукавицы (на пяти спицах), меховые «овчинные или из волчьих лап» рукавицы *мохнашки*. Обеспечить семью на зиму вязанными из шерсти варежками, чулками было заботой пожилых женщин, предпочтение отдавалось рисунчатым, но носили и одноцветные (рис. 104).

В течение первой трети XX века сохранялись в качестве праздничных головных уборов мужчин *картузы*, однако уже невозможно было увидеть поярко-

Рис. 104. Чулки из овечьей шерсти. Тевризский р-н Омской обл.

Рис. 105. Женская самодельная обувь – обутки. ПМА 1992.

вые шляпы, зимние праздничные шапки «с белковым, выхухлевым, бобровым околлом», трехполые *малахаи*. По-видимому, П. Школдин по ошибке или недосмотру не указал в «Описании» такую распространенную повсеместно в Сибири валяную обувь, как *тимы*; не обнаруживается в его рукописи также указаний на обычай носить в будни самодельные кожаные *обутки*, о которых хорошо помнит поколение людей, живших в Крутихе в первой трети XX в. (рис. 105). Автор несколько раз упоминает о мужских самодельных сапогах *броднях*, которые в зависимости от качества изготовления могли быть праздничными (*тюменские*) или повседневными (*тюменские* и *сводедьщина*). Сапоги как праздничная, а затем и повседневная обувь сохранялись гораздо дольше, вплоть до середины XX в., и назывались «хромовыми» (во времена Школдина – *вытяжными*, которые одевались в праздничную летнюю пору, и *кунгурскими* для зимних праздников).

Трансформационные свойства традиционной культуры наглядно прослеживаются на примере семьи Школдиных и их односельчан, когда выстраивается схема изменений в одежде на протяжении более ста лет. Как известно, автор статьи «Хозяйственно-статистическое описание» [Школдин, 1863] особо подчеркивал страсть крутихинских селян к роскоши в одежде, когда бытовали костюмы не только традиционного вида, но и «благородного сословия», только «кроме шляпки и зонтика». Возможно, что описанная «прогрессивность» в одежде была обусловлена двумя основными причинами: а) хорошей экономической основой жизни населения; б) близостью к городам, прежде всего, часто упоминаемому Камню-на-Оби (или, как его называли в народе, Камню), благодаря чему имелась возможность пополнить свой гардероб. Внешне «городской» вид селян вызывал

чувство гордости, почему нам по этому поводу пожилые информанты говорили: «Крутиха была культурным селом». Показательно, что именно в одежде выражался социальный протест низов крупного села и их стремление не уступать элитарным слоям сибирского общества (это было характерно и для чалдонов). Подчеркнем, что культурная ситуация, характерная для такого крупного старожильского села, как Крутиха, оказывалась иной в малых, отдаленных от центров старообрядческих поселениях.

От потомственного старообрядца М. Д. Ощепкова из с. Крутиха Алтайского края записаны воспоминания о значительной дифференциации в одежде обеспеченных и малообеспеченных единоверцев, хотя, по его мнению, некоторые были не столько бедны, сколько скупы. «Были кулаки, как франты одевались... На дальний стан ехали, у него шляпа обязательно набок, халат нараспашку. Сапоги коновьи, обязательно дегтем намазаны. Рубашка по ленте и завязывалась. Галстуков не было. Это у богатых. Они ехали показать богатство. А бедняк что? У него зипунишка один» (ПМА 1993. № 2. Л. 18 об.). О значительной имущественной дифференциации своих односельчан писал и Школдин [Школдин, 1863, с. 45].

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

Детская одежда отличалась от одежды взрослых не полной комплектностью. Так, до десятилетнего возраста как мальчики, так и девочки в теплое время года не носили поясной одежды (штанов, юбок). Мальчики ходили в длинных рубашках, девочки в платьях-рубашках с оборкой по низу. Не было обычая делать детскую одежду яркой, украшенной какими-либо деталями. Дети, которые посещали школы, прежде всего, церковно-приходские официальной православной церкви, также не имели специальной формы. Приведем воспоминания из дневника старообрядца Моисея Даниловича Ощепкова, который начал учиться в 1909 г.: «В начале учебного года дети приходили в ситцевых, сатиновых рубашках, подвязанных поясками. Шаровары заправлены в голенища самодельных обуток, подвязанных ремешком или веревочкой под коленями. Многие приходили в школу в холщовых рубашках и таких же шароварах (портах). На головах торчали картузы... Из-под обуток торчали соломенные стельки. Девочки в ситцевых кофточках с юбочками или платицах, на ногах тоже обутки только без голенищ, помазанные накануне дегтем. Сбоку у всех висели холщовые сумки, сшитые мамами, в которые были положены грифельные доски, грифели, ручки, карандаши, бутылки с молоком или чаем, подслащенным сахаром, кусок хлеба или лепешка, испеченная наспех мамой на поду печи. На лямке сумки болталась привязанная веревочкой чернильница...» (ПМА. № 24. Л. 52 об.).

Девочкам и незамужним девушкам по общей восточнославянской традиции полагалось плести одну косу, а мальчикам стричься «под горшок». Как и повсеместно, при выходе девушки замуж ее «девичью косу» разделяли на две и на-

девали сверху женский убор. В старообрядческих семьях мужчины продолжали стричься «под горшок» всю жизнь, что для изучаемого периода было характерным признаком конфессиональной принадлежности к старообрядчеству. «Кержаков было видно сразу. Кринку ему наденут на голову, обстригут его, и так это называлось – «под горшок» (ПМА 1992. № 2. Л. 18 об.).

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Дарение одежды рассматривалось старообрядцами как важная часть милостыни, стоявшее в одном ряду с подачей хлеба. Однако для духовного спасения необходимым условием была «тайная милостыня». «Примерно у меня есть достаток, я пошла в моленную столько-то платков раздала. Она за меня пойдет вперед, милостынька, к престолу. Только подай от желания. Если подала да пожалела, лучше не подавай. За тебя эта милостынька не пойдет раз ты ее жалеешь...», – рассуждала потомственная старообрядка Елизавета Александровна Спиридонова из д. Новокузьминка Ордынского р-на Новосибирской обл. (ПМА 1998. № 2. Л. 21).

Моленный костюм отличался аскетизмом и был лишен (согласно местной старообрядческой традиции) каких-либо вышивок или навесных украшений. Он, как и в других старообрядческих группах, предполагал наличие присутственной одежды, которая здесь называлась *кафтаном*. «Было раньше: всё больше кафтаны шили. А мы вот и сейчас, у мене халат, я пошла и надеваю ево. Он у мене как кафтан. Раньше и женщины кафтаны одевали на моление. Ну не все, конечно, одевали. У каво были, те и одевали. У каво не было, дак одевали платья длинные, с длинным рукавом» (ПМА 1998. № 12). Из этого сообщения следует, что в случае необходимости приемлемой моленной одеждой считались платья закрытых форм, однако для наставника или наставницы такие исключения не принимались. Современные наставницы за неимением кафтанов надевают их «заменители» в виде черных или темно-синих хозяйственных халатов.

Погребальный костюм включал длинную рубаху, сарафан (в виде платья без рукавов), саван, сшитые из белого холста. На ноги усопшим надевали вязаные из белых льняных нитей тапочки.

Глава четвертая

СТАРООБРЯДЦЫ-КУРГАНЫ ПРИСАЛАИРЬЯ

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

В среду сибиряков, обладающих, несомненно, общностью этнокультурных черт и, в подавляющем большинстве, русским самосознанием, включались компактные группы нерусского и неславянского происхождения. Практически неизвестные этнографам старообрядцы, проживавшие в Присалаирье вдоль течения р. Изыл, считавшие себя этнически русскими или мордвой, имели самоназвание «курганы», которое стало настолько привычным, что даже свою «веру» беспоповского согласия они называли «курганской». Чисто «курганскими» деревнями информанты считали Желтоногино, Доронино Тогучинского р-на Новосибирской обл., а в смешанных с сибиряками-старожилами населенных пунктах определенные улицы назывались «курганскими» (например, в д. Новоабышево Тогучинского р-на Новосибирской обл.). В 1980–1990-е гг. многие из числа потомков курганов не в состоянии были идентифицировать себя и свои религиозные убеждения с конкретным согласием. Обстановку прояснили сведения о существовании в одном из сел моленной в качестве центра поморцев и прямые подтверждения этому в устных сообщениях селян старшего возраста (родившихся в период 1900–1917 гг.).

Представители указанной конфессиональной группы считают, что их отделяет от соседей особенности их «истиной христианской» веры и представление об общности происхождения. Первое позволяет им называть себя «христианами», противопоставляясь другим, «ми́рским», второе – отделиться в культурном

плане от соседних групп населения. По нашим сведениям, до колхозного строительства родовые, социальные связи в курганских деревнях были ориентированы на «своих»: курганы общались с курганами и имели свой круг брачных связей («Невест брали из этих же деревень»).

Курганы, как и многие другие названия этнографических групп, несомненно, многозначно, хотя сейчас еще не совсем ясно, что стоит за ним, поскольку родители современных информантов приехали в эти места в 1907–1908 гг. из Среднего Поволжья, а именно: Самарской (упоминается д. Шелимистр) и Пензенской (д. Озёрки) губ. России (ПМА 1989–1999). Лукерья Осиповна Смалёва рассказывала, что родители «самарска» приехали в Сибирь после рассказов ходоков, вначале «узнали, какая здесь жизнь»* (ПМА 1999. № 4. Л. 53). Можно привести такой примечательный факт: по данным Н. А. Ваганова, в Пензенской губ. была «своя» д. Жолтоногоино Краснослободской вол. [Ваганов, 1882, с. 12]. Кроме того, в Списке населенных мест Пензенской губ. за 1869 г. значатся д. Абышево Наровчатского уезда, д. Озёрки Городищенского, Инсарского и ряда других уездов, что косвенно подтверждает правильность сообщений о местах выхода [Список населенных мест..., 1869, с. 106]. Характерно, что на прежней родине курганов звали, как и прочих старообрядцев в Поволжье (например, в Семеновском уезде Нижегородской губ.), «калагурами». Однако это название считается у курганов «внешним» и не идентифицируется с самоназванием.

Среди старообрядцев распространены фамилии, как встречающиеся (Гутовы, Вагановы) среди сибиряков данной местности, так и не значащиеся здесь в качестве сибирских (Баландины, Ермаковы, Кузнецовы, Федотовы, Шаронины). Поскольку среди курганов могли быть люди мордовской этнической принадлежности, то некоторые фамилии, например, Федотовы, в двойном употреблении – в русских и в мордовских семьях. Другие фамилии встречались только у курганов-мордвы (Гордеевы, Лепешкины).

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Традиционный костюм включал сарафан-*горбач*, который по покрою относился к глухим, на кокетке-*пералинке* и без нее, рубаху, пояс, головной убор, обувь. В случае выполнения хозяйственных работ использовался фартук (рис. 106, 107).

Девушке по русской традиции полагалось носить одну косу. Молодая женщина после «брачения», как называли старообрядцы обряд соединения молодых

*Смалёва (урожденная Федотова) Лукерья Осиповна (1917 г. р.), д. Новоабышево Тогу-чинского р-на Новосибирской обл. Родители приехали из Самары примерно в 1908–1909 гг. По конфессиональной принадлежности – староверы, курганы.

Рис. 106. Старообрядка в моленном костюме.
Д. Новоабышево Тогучинского р-на Новосибирской
обл. ПМА 1989.

Рис. 107. Туманова М. Т. из Тогучинско-
го р-на Новосибирской обл. ПМА 1996.

в союз, заплетала две косы. На прическу из двух кос замужней женщине надевали мягкую шапочку с твердым полуобручем-рубцом, называвшуюся *кокошником* (вариант: *волосник*, *чепец*). Поверх повязывались двумя платками, нижний – назад и верхний – вперед узлом. Информанты поясняли таким образом: «Назад повязывали платок, когда управлялись по хозяйству, на огороде. В моленную назад нельзя, а закалывали, «под булавочку» (ПМА 1994. № 4. Л. 49 об.). Праздничная кашемировая шаль укрывала всю верхнюю часть фигуры и закреплялась (на булавку) под подбородком (см. рис. 106).

В моленную полагалось ходить «в смирении», что выражалось в подборе одежды черного и темного цветов. «Для моленной темные сарафаны шили. У нас жила сродная мамина сестра Матрёна. Дак, если собирается в моленную, так оденет все темное. И хрёстная в темном...», – рассказывала М. Т. Тумано-

ва* (ПМА 1994. № 4. Л. 51) (ПМА 1999. № 4. Л. 46). В моленном костюме сохраняется архаичный обычай избегания мужской одежды, т.е. запрет на ношение штанов женщинам (ПМА № 4. Л. 47). До сих пор сохраняется обычай заготовки погребальной одежды заранее. У пожилых людей приготовлены комплекты одежды на случай смерти («смертное»), которые включают: рубаху, сарафан, платки, саван, связанные из ниток тапочки. Раньше все части такого костюма шились из холста вручную, швом «вперед иголку». Теперь, когда холст заменен белым хлопчатобумажным материалом, одежду этого назначения все равно стараются шить «на руках».

Как вспоминают пожилые курганки, сарафан обязательно подпоясывали слева «и в смертном, и в моленном, и в повседневном». В среде курганов не считалось необходимым подпоясываться тканым или плетеным поясом, наоборот, как говорили местные жители, «можно было и тряпкой, и кромкой от платка, самим платком». Таким своим обычаем эти старообрядцы выделялись на фоне других местных сторонников благочестия. В старину, как сообщали пожилые женщины, пояса плели, «перебирали», привязывая нити «к скобке двери или за деревянную койку». Пояс получался узким, в палец шириной – «площатый», т. е. плоский. Встречались упоминания также о поясах, вязанных крючком.

Поволжские традиции особенно показательны в бытовании различных видов *стеженной* на вате верхней одежды, в том числе поясной (*юбки*). До недавнего времени в зимние холода женщины носили стеганные на вате юбки, которые «утепляли вместо штанов». М. Т. Туманова вспоминала: «Кто из Пензы приехал, все носили такие юбки» (ПМА 1999. Л. 47).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужской костюм общерусского вида и покроя состоял из рубахи-косоворотки со стоячим воротником-*ошейником* и застежкой слева (*столбиком*), а также штанов из самодельной ткани. Как и в женском костюме подпоясывались любой подходящей вещью, в том числе полотенцем. М. Т. Туманова вспоминала: «Брат Лукерий полотенцем подпоясывался. Я все говорила: «То ли полотенцев у вас много?» (ПМА 1994. № 4. Л. 57 об.).

Для молений считались обязательными рубахи из темных тканей без каких-либо вышивок. Праздничный костюм допускал ношение «цветастых рубах». Приведем слова Аксины Ивановны Голдобиной (1900 г. р.): «У брата Артемия черная рубаха была вышита внизу, по груди и рукавам. Он форсил в ней.

*Туманова (урожденная Ермакова) Мария Тимофеевна (1917 г. р.), д. Новоабышево Тогучинского р-на Новосибирской обл. Отец приехал из с. Шелимистр Самарской губ. Русские.

Молиться-то не ходил...» (ПМА № 4. Л. 19). Для увеличения износостойкости рубахи подшивали с изнанки подкладкой-подоплекой.

Штаны прямого покроя дополнялись зимними *чамбарами* (*чембарами*). Чембары готовили в качестве зимней одежды из шерстяных и полшерстяных тканей. Однако пожилые женщины считали, что подобные теплые штаны стали называть чембарами уже в Сибири («У нас больше штанами звали»), видимо, под влиянием местных старожилов. Что касается летних штанов, то их шили из окрашенных в черный, коричневый, синий цвета холстов.

Показателен факт сохранения у курганов практически всех видов верхней одежды, известной в поволжском регионе: *зипунов*, *понитков*, *чапанов*. Зипуны в виде халата шили из шерсти домашнего производства, застегивали на пуговицы. Понитки, как и у сибиряков-старожилов, отличались от зипунов только тканью – «одна нитка шерстяная, другая – портяная». Их запахивали, прихватывали

Рис. 108. Мужской моленный костюм с кафтаном. ПМА 1996.

Рис. 109. Мужчина в тулупе. Д. Лебедево Тогучинского р-на Новосибирской обл. ПМА 1996.

вая поясом. Халатообразные чапаны характеризовались тем, что шерсть катали, в результате чего полотно свойлачивалось («Выкатают, он как потник твердый становится»). Заметим, что чапаны с высокими воротниками были не слишком популярны в сибирских селах. Моленный костюм дополнялся присутственной одеждой *кавтаном*, которую надевали поверх рубахи (рис. 108). В качестве зимней одежды бытовал обычный сибирский комплект: *шубы* длиной до колен, более короткие *полушубки*, большие и длинные *тулупы* (рис. 109). Этот зимний подбор вещей хорошо был известен также в Самарской и Пензенской губерниях [Бусыгин, 1971, с. 200]. В Сибири, из-за отсутствия местной традиции, курганам пришлось отказаться от ношения русских лыковых лаптей и перейти на кожаную обувь.

Глава пятая

СТАРООБРЯДЦЫ ВАСЮГАНЬЯ — БЕЛОРУССКИЕ «МОСКАЛИ» («кержаки»)

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

По рассказам стариков, группа русских старообрядцев-«москалей» мигрировала в Сибирь в 1903–1919 гг. с территорий, относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии – из-за нехватки земель и в поисках лучшей доли. Как вспоминали информанты, переселения старообрядцев из западных губерний России осуществлялись также в последующие годы (1919–1929 гг.), что подтверждается архивными материалами (Дело Томской Казенной палаты..., ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22). Старообрядцы, считающие себя поборниками «истинной христианской веры», стремились сохранить целостность культурных традиций и поэтому селились в отдаленных и труднодоступных местах. Не случайно по р. Таре были избраны места ближе к болотистому Васюганью. Основная масса переселенцев и их потомков с верховьев р. Тары связывала свое происхождение с г. Глубоким и селами Глубоковского уезда, входившими на момент переселения в состав Виленской губ. (д. Апидомы, Ластовичи). Часть пришельцев выехали из Дриссенского, Полоцкого уездов Витебской губ. [Фурсова, Голомянов, Фурсова, 2003, с. 33–41]. В д. Бергуль Кыштовской волости Каинского уезда, согласно нашим опросам, переехали в основном выходцы из Вильно и Риги, а расположенная недалеко д. Макаровка заселялась из Виленской и Витебской губ. (ПИМА 1997. № 7. Л. 1). В ранее всего освоенном переселенцами Бергуле до приезда русских старообрядцев проживали мокшане (мордва), как считается, приехавшие ранее. Из экспедиционных материалов следует, что небольшая часть западных старообряд-

цев проехала дальше в восточном направлении и, переправившись через р. Обь, остановилась по р. Иксе, основав еще одну старообрядческую деревню – Козловку Гондатыевской вол. Томского уезда.

Потомки переселенцев обладают выраженной русской самодентичностью, подчеркивая, что на местах прежнего места жительства в Белоруссии их мужчин звали «москалями-староверцами», а женщин – «москóвками». Прибывшим, а затем и последующим поколениям пришлось смириться с полученным в Западной Сибири названием – «кержаки». Примечательно, что нам встречались и информанты, например, Макрина Калиновна Никонова*, которые утверждали, что в Виленской губернии их называли «чалдонами»: «Были Чал и Дон, место где жили люди» (ПМА 1989. № 16. Л. 31 об.).

Выделяясь в этнокультурном отношении от окружающего населения, ни васяганцы, ни козловцы в настоящее время не в состоянии идентифицировать дедовскую, обозначаемую ими как «русская», веру с конкретным согласием. Известно, что они относились к «безбрачникам», строго придерживались учения о безбрачии. Поскольку в местах прежнего проживания западных старообрядцев были распространены не только федосеевское, но и филипповское согласия, можно предположить переселение на земли Юга Западной Сибири приверженцев обоих согласий. Достаточно убедительным подтверждением принадлежности большинства членов данной группы к сторонникам именно федосеевского согласия говорят факты посещений их городскими родственниками соответствующей моленной г. Новосибирска.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МАТЕРИАЛАХ И ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ

На первых порах, после переселения в Сибирь, старообрядцы из западных губерний Российской империи в плане материального благополучия уступали чалдонам. Меньшая зажиточность проявлялась, прежде всего, в количестве вещей и особенностях их приобретения (преобладали предметы домашнего изготовления). Однако, в отличие от чалдонов, холщовая одежда не считалась в этой группе менее престижной в сравнении с покупной или сшитой из покупных тканей, во всяком случае, западные старообрядцы не считали это недостатком своего гардероба. Они говорили: «Жили хорошо, хоть и холщовое все носили, одних подушек штук пятнадцать было!»

Белорусские «москальи» выделялись особенностями костюма на фоне прочих конфессиональных групп Западной Сибири, например, кержаков, хотя их и на-

*Никонова Макрина Калиновна (1904 г. р.), д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл. В Сибирь (первоначально в с. Колбинка Кемеровской обл.) ее родители приехали из Дисненского уезда Виленской губ. в 1907 г. Русские.

зывали таким образом (по аналогии с первыми). Специфика западных старообрядцев проявилась в бытовании своеобразных видов одежды, их покрое, терминологии, а также существовании обрядовых костюмов, сохранивших до наших дней многие традиционные северно- и западнорусские черты.

Праздничный костюм хранился в сундуках всегда отдельно от будничного и отличался использованием более дорогих, качественных, тканей. Одеться нарядно в начале XX в. означало одеть чистую одежду, «с товара». В летние праздники – Петров день, Троицу на женщинах также можно было увидеть «хорошие», т. е. покупные, цветастые платки. Несмотря на запрет на ношение украшений, в эти праздники разрешалось надевать венки из цветов. Со слов Е. С. Кондрашовой*: «Из живых цветов веночек, в голову воткнешь гребенку, платок на плечи набросишь... Парни и девушки на грудь приколют цветки» (ПМА 1989. № 16. Л. 40). Зимой особенно оживляли внешний вид яркие платки и шали, надеваемые поверх шуб и полушубков – «на Рождество, Мясленку».

Люди пожилого возраста считали необходимым ограничить себя в выборе цветовой гаммы и специально подбирали материалы однотонные, темных и блеклых тонов. Кроме того, старые люди могли ходить по деревне без присутственной одежды, например, сарафана. «Старуха сидит и по улице идет в одной рубаше с прорамками, поясок, фартук повяжет и ходит» (ПМА 1989. № 16. Л. 40). После 1930–1940-х гг. комплекс с сарафаном, сарафаном-шубейкой можно считать бытовавшим в качестве моленного и погребального костюмов, а также «старушечьей» одежды. В экспедиционных исследованиях 1989–1993-го и далее в 2000-х гг. эти костюмы фиксировались только в погребальных комплексах.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

В начале XX в. среди женщин был распространен комплекс одежды с *сарафаном*. В отличие от старообрядок многих соседних селений, которые знали сарафаны закрытого типа (*горбачи*, *горбуны*), западные переселенки носили сарафаны-шубейки с цельным передним полотном на узких лямках-проймах (рис. 110, 111). Переднее полотно продолжалось немного вверх и образовывало квадратную деталь, которая называлась *огрудья* (*грудина*). В типологически более ранних вариантах лямки могли пришиваться к фигурно выкроенной детали – *спинке* либо соединяться вместе *мысиком*. Сарафаны шили как из кошенок, так и прямых полотен. Кошенок полотна располагались на спине и по бокам. Помимо этого, силуэт казался расширенным книзу за счет собранных сверху боров и складок. Старообрядческие наставники рекомендовали, где и как делать складки: полага-

*Кондрашова Евгения Сидоровна (1902 г. р.), д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл. Родители приехали из Белоруссии в 1900 г. Русские. Родственники проживают в Латвии.

Рис. 110. Костюм невесты в сарафани-шубейке и венке (реконструкция по полевым материалам) из д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Начало XX в.

лось укладывать три складки под проймами и на спинке вокруг *ремня*. С изнанки в боковые швы вшивали тесемки, которые завязывали под грудью. Традиция требовала, чтобы шубейки по своей длине были не выше щиколоток ног («никто не носил поджаро»). «Мама носила сарафаны на проймах, их вышивали по груди. Сарафаны были кошеными, а модницы носили прямые, с борами», – вспоминал о своем детстве Ф. П. Емельянов* (ПМА 1989. № 16. Л. 21). Приведем еще высказывания на эту тему: «Мама носила шубейку с грудинкой, проймами. Ранее все шубейки носили, а сарафаны только на смерть готовили» (ПМА 1989. № 16. Л. 31 об.). В 1910–1920-е гг. девушки на вечерки надевали именно шубей-

*Емельянов Фёдор Порфирьевич (1906 г. р.), д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл. Родители приехали в Сибирь в 1907 г. из Игуменского уезда Виленской губ., недалеко от г. Червень (сейчас Минская обл.).

а

б

Рис. III. Женский костюм с шубейкой. Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

а – вид спереди; б – вид сзади.

ки: «Девки на вечорки – шубейку, кофту, шубу, теплый платок завяжут под бородой» (ПМА 1989. № 16. Л. 40). Помимо того, что различия между сарафанами и сарафанами, называвшимися шубейками, заключались в сфере применения, эти варианты безрукавной одежды отличались конструкциями. Информанты считали, что сарафаны делали кошеными, а шубейки шили из трех-четырех прямых полотен ткани, т. е. «бористыми». На домашние повседневные шубейки употребляли домотканину, праздничные старались шить в зависимости от семейного достатка из ситца, сатина, бумазеи.

Под сарафаном носили рубаху, которая по покрою относилась к общеславянским рубахам со вставками-*прорамками* на плечах и соборенным воротом (см. рис. 111). Прорамки вставлялись по утку полотен рубахи, что типично для севернорусской этнокультурной группы и белорусов [Маслова, 1956, с. 607]. Повседневные и праздничные рубахи не были цельными, как и у многих русских других областей России. Их шили из двух частей: верхней, *подставы*, или *оплечья*, на которую использовали покупные, узорчатые ткани, и нижней, обычно холщовой – *станушки*, *станинки*. Увиденные нами рубахи имели одношовные рукава – скошенные книзу, без клиньев и слегка соборенные у запястья. Под мышками вшивались небольшие по размерам квадратные ластовки (5×5 см) из основной ткани. В праздничных костюмах рукава орнаментировали вышивками, низ отделявали *фанборами* (оборками). Ворот застегивался спереди на одну пуговицу и обшивался невысоким стоячим воротником-*воротком*. Нами зафиксированы и рубахи с отложными воротниками, которые, как известно, более характерны для белорусов и некоторых украинцев. Заметим, что основные технологические приемы изготовления рубах традиционны и использовались в одежде других групп старообрядцев, например, «поляков» Южного Алтая [Фурсова, 1985, с. 181, 186]. Однако у старообрядок Васюганья существовали и иные типы рубах – туникообразные, которые сохранились в погребальных костюмах.

Дополнительной деталью женского костюма являлся передник, называвшийся обычно *фартуком*. В изучаемое время он был известен как более старого вида – с *грудкой*, так и нового – без *грудки*, распространившийся, видимо, под влиянием городской моды (рис. 112–114). Фартуки служили рабочей одеждой, в которой управлялись по хозяйству в избе и во дворе. Их не позволялось надевать не только во время общественных молений, но и даже при чтении молитв в домашней обстановке.

Девушкам полагалось носить единственно допускаемую (с точки зрения русской традиции) прическу –

Рис. 112. Белорусские старообрядцы-«москалки», д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Фото из семейного архива.

Рис. 113. Коллектив фольклорного ансамбля «Северные россыпи» в шубейках из д. Бергуль Северного р-на. ПМА 1994.

Рис. 114. Фольклорный коллектив из с. Северное Новосибирской обл., рук. С. Г. Осипов. ПМА 2013.

Рис. 115. Костюм пожилых старообрядцев конца XIX в. ПМА 1999.

одну косу, а из головных уборов – платок, повязывавшийся под подбородком. Смена девичьего убора на женский происходила в первый день свадьбы в доме жениха. Типичных для сибирских кержачек головных уборов в виде шапочек-шашмур западные старообрядки не знали. Некоторые пожилые женщины Бергуля вспоминают о *капиуках*, а Козловки – о *кокошниках* как уборах своих бабушек. И те, и другие представляли собой мягкие шапочки, собиравшиеся на полоску ткани вокруг головы, которые носили дома, а при выходе за пределы двора покрывали платками.

Основными женскими уборами для 1920–1930-х гг. считались один или два платка (рис. 115). Управляться по хозяйству надевали один

Рис. 116. Старообрядки в моленных костюмах. Федосеевская старообрядческая община Новосибирской обл. ПМА 1997.

платок, если собирались выйти на улицу – два платка. При посещении моленной женщина обязана была покрыться большим верхним платком темного цвета. У старообрядок федосеевского согласия, в отличие от старообрядок-поморок, платки подкалывали под подбородком не сложенными, а развернутыми (рис. 116).

Стремлением держать дочерей и жен в «христианском смирении» можно объяснить запреты отцов семейств на ношение украшений. «Не носили ни бусы, ни серьги, ни кольца – грех. Родители не разрешали. Если наденешь бусы, родители говорили, что черт схватит. Всегда на теле крест, поясок поверх рубахи», – вспоминала Е. С. Кондрашова. Однако до настоящего времени сохранились воспоминания о стеклянных бусах-*патерках*, когда-то украшавших шею и грудь женщин. Серьги стали носить, по словам информантов, после Октябрьской революции 1917 г. и развернувшейся критики «устаревших народных традиций». Золотые или серебряные серьги в виде круглой согнутой трубочки (*дутые*) встречались нам во время экспедиционных исследований в 1980-х гг.

Рис. 117. Белорусские старообрядцы-«москали». Фото из семейного архива.

Нижнего белья в современном понимании этого слова у крестьянок не существовало. Даже такая принадлежность женского туалета, как штаны, распространилась под влиянием городской моды лишь в 1930–1940-х гг. Вспоминают, что еще в довоенное время в колхозах метали стога, застегнув на булавку полы рубашек между ног. Характерно, что многие пожилые женщины говорили нам об этой традиции с большим достоинством, что объяснялось ими «соблюдением закона». В годы тяжелых испытаний трудящимся женщинам, вдовам пришлось многое заимствовать из мужского гардероба, в том числе холщовые штаны-чембары (чамбары).

Западные старообрядки в холодное время года дополняли свой костюм вязаными *чулками* до колен. Для этого подбирали не слишком скрученную пряжу, которую пряли с помощью веретен. Наиболее умелые («мастеровые») переселенки вязали *чулки* в разноцветную – вертикальную и горизонтальную – полоску. Эти детали костюма носили подвязанными под коленями не только в зимнюю пору, но и летом для защиты «от гнуса и от гада» (змей, ужей. – Е. Ф.) (рис. 117).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужские рубахи, служившие нательной и одновременно уличной одеждой, кроили обычно с плечевыми швами и характерной русской застежкой ворота слева (встречалось и прямое расположение застежки). Ранее, как это было повсеместно в России, старообрядцам Васюганья были известны туникообразные рубахи. В разговорах их нередко называют *простыми*, тем самым подчеркивая отсутствие боров вокруг ворота (в отличие от женских). Воротник-стойка своими размерами был аналогичен известным вариантам в одежде сибирских «кержаков»-поморцев. Под мышками вшивали квадратные ластовицы 10×10 см. Праздничную одежду украшали вышивками по груди, низу подола и старались шить из фабричных материалов. «Парню сшили рубаху из покупного. О! Богатый парень!», – вспоминал о детстве П. К. Иванов из д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл. В качестве рабочей одежды бытовали рубахи из толстого изгребного холста *верхницы*, *верховья*. По сообщениям информантов, юноши подпоясывали рубахи ткаными узорными *опоясками* (рис. 118). Пожилые мужчины мало использовали яркие узоротканые пояса, но считали уместными витые пояса или ремни.

В качестве поясной одежды служили штаны-*порты* из отбеленного холста, которые выполняли функцию домашней одежды и нижнего белья. Для выполнения хозяйственных работ на открытом воздухе старообрядцы переняли у местных старожилов широкие штаны-чембары. Их шили из окрашенного в темные цвета холста и носили по-сибирски, натягивая штанины поверх пимов. Чембары раскраивали по общерусской традиции кошеными, т. е. суживающимися книзу. В начале XX в. на праздники было принято наряжаться в брюки фабричного или кустарного производства. Нижнее белье в современном понимании появилось в мужском костюме так же, как и в женском, начиная с 1930–1950-х гг.

Рис. 118. Пояса браного ткачества (основа – лен, уток – шерсть). Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Верхняя одежда была достаточно разнообразна и имела широкий спектр применения, в зависимости от ситуации. Все основные виды одежды могли быть в гардеробе и мужчин, и женщин. В старообрядческих группах Каинского уезда носили верхнюю одежду из полушерстяной домотканины – *шабур*, которая использовалась для выполнения хозяйственных работ. По своему типу шабуры повторяли известные у старожилов Западной Сибири халатообразные виды одежды. В начале XX в. их подпоясывали *браными* поясами. Однако до приезда в Сибирь эта одежда, видимо, не была традиционной для группы северо-западных старообрядцев: информанты вспоминают о *тужурках* и *пинжаках*. Тужурки шили полушерстяными, серыми или коричневыми в зависимости от цвета

Рис. 119. Рукавицы-дзянки, связанные одной иглой, из шерсти домашнего прядения. Собранные дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

шерсти, застегивали на крючки сбоку. Пинжаками называли куртки, застегивавшиеся на пуговицы.

Специфичный, не известный сибирякам вид одежды – *ангерка** – считался у старообрядцев рабочим, повседневным. Ангерка имела вид жакета прямого покроя из шерстяной домотканины, плюша или *чертовой кожи* (блестящая плотная ткань). По длине она не доходила до коленей, могла подпоясываться или застегиваться. Переселенцы первые годы проживания в Сибири пользовались ангерками на подкладке вместо шуб, которые не имели возможности приобрести.

Другой одеждой межсезонья были привезенные из Белоруссии *сачики***.

Они были длиннее ангерок, прямого покроя, с отложным воротником. Внешним видом они напоминали городское пальто, предтечей которого и являлись. Зимние меховые шубы и более короткие полушубки в значительной степени напоминали старожильческие. Шились из овчин мехом внутрь, как и тулупы, которые надевали для продолжительных отлучек из дома. Головными уборами мужчин были валяные из шерсти шляпы. В дожившей до нашего времени лирической песне поется о пуховой шляпе местного щеголя:

«Ой, и пухову шляпу одел,
Ой, и пухову шляпу одел,
Шляпушка пуховая,
Сибиричка нового сукна,
Ой, и я-я!»

(записано от К. В. Беловой, д. Бергуль
Северного р-на Новосибирской обл.).

Зимними уборами служили овчинные шапки-ушанки.

В терминологии нижних, вязанных из шерсти, рукавиц-*дзянок*, проявлялась северо-западная, белорусская специфика. В музейных собраниях сохранились

*Возможно, от «венгерка», одежды, известной в истории как короткая куртка из сукна, отделанная шнурами по швам и на груди (в подражание гусарскому костюму). Термин происходит от названия страны – Венгрия [Кирсанова, 1995, с. 62].

**Видимо, от «сак» (от фр. sac – мешок), который представлял собой мужскую или женскую одежду, короткую и просторную, с рукавами и воротником. С появлением пиджака мужской сак вышел из употребления, но оказался включенным в женский гардероб [Кирсанова, 1995, с. 239].

дзянки, вязанные одной иглой (рис. 119). Наоборот, в названии верхних рукавиц-*лохматок*, которые изготавливали из собачьей шерсти, отразилась местная сибирская традиция.

ОБУВЬ

Западные старообрядцы, в отличие от этнических белорусов-переселенцев, не носили лаптей в качестве повседневной обуви (за исключением жителей Платоновки, выделявшихся и другими чертами культуры). Однако в 1980-х гг. некоторые жители Бергуля вспоминали, что плетеные лапти все же служили покосной обувью. Их обували на покос пожилые мужчины, молодые отказывались носить из-за явной «непристизности». Старики, кроме того, предпочитали лапти любым сапогам для занятий рыбалкой («от роду так ведется»). В д. Козловка Гондатьяевской вол. рабочей обувью, по словам П. П. Колесниковой*, являлись вязанные из веревок *рычки* (*рычики*) в виде шлепанцев с завязками. «Дед лаптей не носил, а пахать рычки обувал» (ПМА 1989. № 16. Л. 48). Приведем еще сообщение, которое свидетельствует об особом удобстве такой обуви: «Из кожи сошьют на покос рычки, с портянками носили. Там змеи. На обед пришел, сел, ноги отдыхают» (ПМА 1989. № 16. Л. 23). Мужчины обували рычки с портянками, женщины носили их поверх «вязаных холщовых носок».

Особо отметим появление новых видов плетеной обуви в соответствии с местными условиями. В болотистой местности с высоким уровнем снегов русские переселенцы начали плести большие *снегоходы*, которые значительно увеличивали площадь опоры. Снегоходы, или *снегоступы*, надевали на *чарки*, *пимы* и прочую обувь (рис. 120).

В то же время сохранялись *поришни*, которые не только названием, но и покроем напоминали древнерусские, выкроенные из одного куска кожи (рис. 121). Козловцы вспоминали, что повседневно носили аналогичного вида «*борочки* из кожи на завязках у щиколотки вместе с вязаными носками» (ПМА 1989. № 16. Л. 22). Основной обувью в 1920–1930-х гг. были сибирские *чарки* (*чирки*), которые шили также из кожи и окантовывали по верху полоской холста (рис. 122). Женские чарки удерживались на ногах при помощи завязок, продевавшихся в опушки. У мужчин к кожаной обуви обычно пришивали холщовые голяшки, достигавшие колен. Чарки подвязывали под коленями, у щиколотки и носили вместе с портянками.

Крестьяне достаточно активно занимались охотой, и поэтому им требовались особые промысловые сапоги – *бродни*. Они имели высокие, выше колен, голяшки, надевались вместе с валяными шерстяными носками – *потниками* и не промокали, в отличие от валенок. «Отец на охоту носил бродни типа са-

*Колесникова Прасковья Петровна (1907 г. р.), д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл.

Рис. 120. Снегоступы (или снегоходы), сплетенные из соломы. Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

Рис. 121. Кожаная женская обувь – поршни Варвары Харитоновны Атопкиной из с. Северное Новосибирской обл. ПМА 2013.

Рис. 122. Мужская кожаная обувь – чирки. Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

пог с мягкими голяшками. Подвязывал под коленками, чтобы снег не попадал» (ПМА 1989. Л. 21).

Для сбора ягод, особенно любимой клюквы, имелись *болотные* сапоги. Их делали длиной по всей ноге и кожаными ремешками пристегивали к поясу. Праздничной мужской обувью считались сапоги, которые имели кожаные голяшки

и небольшие каблук. Что касается девушек и молодых женщин, то в соответствии с бытовавшими нормами приличия, каждая приберегала себе к празднику пару ботинок с невысокими каблуками и шнуровкой.

Пимы, или, по-русски, валенки, считались в Сибири важной принадлежностью зимнего костюма. Однако этот вид обуви был известен переселенцам и на прежнем месте жительства: как вспоминали информанты, «в Литве пимы носили с галошами, а здесь без всяких галош» (ПМА 1989. Л. 21). Валяную обувь – обычно из серой или черной шерсти – катали приходившие на заработки мастера или учившиеся от них свои сельчане. Лишь на обеспеченных крестьянах можно было увидеть «купленные белые пимы с красным рисунком», которые покупали на городских базарах. В холодное время года юноши и девушки могли появляться на вечерках в валяной обуви, но не в валенках, а в мягких и тонких *чесанках* с галошами.

ОДЕЖДА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Мальчики и девочки до 5-6 лет, по воспоминаниям информантов, в будние дни бегали в одних холщовых рубахах-*станухах* прямого покроя, рукава которых достигали запястья или локтя руки. Для праздничных дней берегли сорочки, сарафаны из покупных тканей (см. рис. 112, 117, 123). Нередко детям переши-

Рис. 123. Детские костюмы с шубейкой. Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Фото А. В. Шапрана, Новосибирский областной центр фольклора и этнографии.

а

б

в

Рис. 124. Костюм просватанной девушки с рубахой и юбкой (с двумя этажами). Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Рубаху сшила К. М. Савастеева (1918 г. р.), юбку – С. Е. Осипова (1922 г. р.). Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр фольклора и этнографии. а – вид спереди; б – вид сзади; в – вид сбоку.

вали старую, поношенную одежду взрослых. В эту традицию вкладывался особый смысл. Считалось, что использование перешитой одежды взрослых хорошо повлияет впоследствии на характер ребенка, заложит основы его бережливости и аккуратности. В многодетных крестьянских семьях нередко не хватало обуви на всех детей, что вызывало необходимость в холодное время года устраивать очередность на обувание, учитывая интересы всех братьев и сестер.

Одежда старших детей, а особенно юношей и девушек, отличалась добротностью не только в сравнении с детской, но и взрослой (рис. 124). В 1910–1920-е гг., чтобы не отставать от сверстниц, девушки отказывались в праздничном костюме от сарафана и переходили на комплект с юбкой и кофтой, которые несли в себе черты старожильской чалдонской одежды, а также городской мещанской моды того времени. Необходимым дополнением костюма были ботинки фабричной или кустарной работы, приобретенные в Томске, Барнауле, Новониколаевске, Каинске. Юноши имели в своем гардеробе праздничную рубаху, тканый пояс и штаны из окрашенной домотканины.

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Как и в других группах старообрядцев, характер и внешний вид *моленного костюма* были во многом определены поучениями «духовных отцов» иметь скромную долгополую одежду. В хранившемся у одной из бергульских семей учебном руководстве «По закону Божию» указывалось, как должен выглядеть старообрядец или старообрядка: «Мужчины носят кафтаны, женщины сарафан (русская одежда). Головы женщины покрывают платками. Не должно приходить в христианский храм в пышных модных одеждах с различными украшениями. Женщины не должны ходить в храм с завитыми волосами. Мужчинам запрещается бриться и стричься наголо» [Худошин, Яксанов, 1915, с. 28].

Женщинам на моления обязательно требовался большой платок, напоминавший византийский мофорий, который закрывал плечи и руки (см. рис. 116). Развернутый (а не сложенный наискосок) платок застегивали булавкой, при этом одним его краем оборачивали лицо. Этим федосеевки отличались от других беспоповцев края, например, поморок, которые застегивали булавкой косо сложенный платок. Тщательно следили за тем, чтобы платок закрывал щеки. Подходящими для молений считались праздничные головные уборы не только темных расцветок, но и цветастые (*с цветами набиванными*). Для молений старообрядцы должны были иметь лестовки для счета молитв и подручник для земных поклонов (согласно их объяснениям, «чтобы сохранять руки в чистоте»). В 1920-х гг. женский моленный костюм включал поликовую рубаху, сарафан или сарафан-шубейку и кофту. Для девушек и молодых женщин ткани подбирались светлых, но неярких расцветок, для пожилых – однотонные темные. Обычай требовал обязательного опоясывания, ведь, как поясняли информанты, ссылаясь на духовные

книги, «облачесь господь в силе и препоясая» (см. Чин вечерни и пр.). В изучаемое время таким пояском чаще служила сплетенная из трех шерстяных нитей *косичка*, повязывавшаяся поверх сарафана.

Мужской моленный костюм состоял из рубахи, штанов и пояса, отличаясь от повседневного чистотой и дополняясь *кафтаном* (см. рис. 115, 125, 126). Кафтан полагалось шить из шерстяных тканей домашнего производства. По своему силуэту старинные «кафтаны» выглядели столбообразными, без боров по талии, как в старинной славянской одежде «свите», по длине достигали колен [Кирсанова 1995, с. 251]. Полы с большим запахом застегивались крючками на левом боку.

После Великой Отечественной войны (и вплоть до настоящего времени) для шитья кафтанов используют хлопчатобумажные ткани темных расцветок. В ряде случаев по-иному стал выглядеть крой – с отрезной талией и борами,

Рис. 125. Старообрядец-федосеевец Ф. В. Губарев в моленном костюме. Г. Новосибирск, 1998 г. ПМА 1998.

Рис. 126. Старообрядец (слева) в присутственной моленной одежде-кафтани. Фото из семейного альбома. ПМА 1997.

застежкой на ряд пуговиц. В моленной мужчины и женщины стояли раздельно, поэтому верхнюю одежду развешивали порознь: женщины в левом углу, мужчины – в правом. Если пожилые люди старались носить традиционные костюмы постоянно, то молодежь по окончании общественных молений сменяла их на более современные наряды.

Поскольку федосеевцы относились к безбрачникам, у них не было принято таинство венчания. Отсутствовала также тщательная подготовка приданого и некоторые другие обычаи и обряды, бытовавшие у православных, посещавших церковь. Хотя свадебные костюмы, как и погребальные, относились к обрядовым, требования к ним не были столь строги, как у сторонников официальной церкви. Выбирались праздничные, часто новые одежды из недорогих по стоимости хлопчатобумажных тканей. Костюм невесты включал рубаху, шубейку, кофту, венок («купленный из парафиновых цветов»), костюм жениха – рубаху и штаны-порты. Свадебные наряды в 1920-х гг. не всегда отличались следованием традиции: невеста могла наряжаться в модные для того времени кофту с юбкой, жених – в брюки с надевавшейся навывпуск рубахой. Центром композиции свадебного наряда невесты был ее головной убор, а кульминационным из свадебных обрядов – смена девичьего убора на женский. В первый день свадьбы невеста еще сохраняла «девичий облик» – сидела за столом с непокрытой головой и с одной, «девичьей», косой, в которую для этого случая вплетали множество разноцветных лент и бантов (см. рис. 124, 127). Голову венчал обруч, увитый бантами из лент или из искусственных цветов (см. рис. 110). Украшением жениха служил цветок в картузе или другом головном уборе.

Смена «девичьего» головного убора на «женский» совершалась в ходе специального обряда, называвшегося «садить на кадку», или «ставить квашню». В доме жениха на второй день свадьбы заплетали две косы и укладывали их во-

Рис. 127. Прическа просватанной девушки (или невесты первого дня свадьбы). Собрание дома-музея им. П. П. Бажова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр фольклора и этнографии.

круг головы. Эта процедура называлась «закрутить по-бабьи». Особое значение придавалось перекрещиванию волос на затылке, чему следовали затем в течение всей жизни и рассматривали, по-видимому, в качестве оберега женщины.

Сверху голову покрывали мягким чепцом (*капиуком*, *кокошником*), а в 1920–1930-х гг. чаще повязывали узлом назад или под подбородком платок, который жених держал наготове и подавал в нужный момент. Покрывание волос символизировало будущую подчиненность жены мужу, о чем недвусмысленно говорится в постановлениях старообрядческих соборов, в свою очередь, ссылавшихся на послание апостола Павла: «...жена должна есть плат имети на главе, то есть знак подчиненности, иметь покровеную голову, разумея власть мужа» [Собор и соборное деяние..., 1891]. Ссылки на столь авторитетный источник, конечно, были важны для старообрядцев. Заметим однако, что покрывание платом невест и традиция его обязательного ношения соблюдались еще древними славянами [Сабурова 1974, с. 97].

Умершего необходимо было снаряжать должным образом, используя заранее заготовленный костюм и учитывая прижизненные пожелания на этот счет. Современный комплекс одежды, который показали пожилые женщины, включает: рубаху, сарафан-шубейку, саван, лестовку, пояс, два платка, простыню-*надгробницу* (рис. 128). К одежде, например в рубахах, пришивали тесемки, которые не завязы-

Рис. 128. Погребальный сарафан на Варваре Харитоновне Атопкиной из с. Северное Новосибирской обл. ПМА 2013.

вали. Пояс располагался поверх сарафана, с перекинутыми концами по центру. По сравнению с погребальными комплексами, просмотренными нами в этой группе в 1991–1993-м гг., в подборе материалов в 2010-е гг. наблюдалось отступление от строгих правил. Современный погребальный костюм изготавливается из покупных материалов, встречаются шубейки и рубахи, сшитые из цветастых или пастельных тонов хлопчатобумажных тканей (ранее только белые или очень светлых тонов). Вместе с тем, лестовку и саван все еще продолжают делать из белого льна, бязей – из-за отсутствия домотканых тканей используют фабричные. В ходе экспедиционных исследований 2013 г. выяснилось, что практически отсутствуют упоминания о ранее фиксировавшейся традиции шитья саван

после смерти (их не шили заранее, как другую одежду) [Фурсова, 1998, с. 90]. Сегодня встречаются саваны, сшитые из тюля в виде мешка с вырезом для лица.

Как и во многих других группах старообрядцев, весь погребальный костюм шьется вперед иголкой (живулькой) без завязывания узлов [Фурсова, 1983, с. 83]. Женщине накидывают на голову два платка, из которых нижний делают «на наличку», а верхний «лицом», но ни тот, ни другой не завязывают на узлы («Чтобы узлов не было», «Концы перекидывают справа налево»). Прически умерших женщин соответствовали их прижизненному семейному статусу: «Если умерла незамужняя девушка, одну косу плетут. Веночек не делают. У нас незамужние девушки и девочки одну косу носили и волосы не стригли. Женщины – две косы и сюда завязывали (показывает впереди головы. – Е. Ф.). Если девушка, то когда косу плетут, прядочки наверх кладут, а то вниз, когда женщина...» (ПМА 1997). К этим сообщениям можно добавить слышанные нами ранее сообщения об обычае плетения девичьей косы женщине-вдове, прожившей благочестиво 25 и более лет. По мнению Ф. К. Пудовой, таких женщин следовало хоронить и поминать девицами, т. е. приравнивать их к «христовым невестам» [Фурсова, 1998, с. 91].

В отличие от старообрядцев Среднего Приобья [Бардина, 1995, с. 176], у васюганцев запрещалось хоронить умершего с украшениями, что касалось, прежде всего, женщин. Можно считать типичным такое высказывание Е. К. Прокофьевой*: «На покойницу никаких украшений не надевали, не дай Бог, нет. Мама вообще украшений не носила, это большой грех. Это будет ящерица болтаться, вместо серёг. Это будет змея болтаться вокруг шеи, где бусы были. Не дай Бог. И обязательно штоб крестик был на смерть» (ПМА 2013). Совершенно очевидно, что эти запреты были обусловлены рекомендациями христианской церкви с ее нацеленностью на аскетизм и самоограничение, но шли вразрез с языческим погребальным обрядом северных русов X–XIII вв. [Древности Белозерья, 2010, с. 75]. Как известно, количество сопровождавших покойного вещей на протяжении XI–XII столетий постоянно уменьшалось, пока, в конце концов, не свелось к предписываемому обычаем минимуму – нательному кресту.

*Прокофьева Евдокия Карповна (1914 г. р.), родилась в д. Бергуль Кыштовской вол. Каинского уезда Томской губ. Старообрядка. Родители приехали «с Глубокого». «Русские».

Глава шестая

СТАРООБРЯДЦЫ-«ПОЛЯКИ» АЛТАЯ

СВЕДЕНИЯ О ГРУППЕ

Предки известной в Сибири старообрядческой группы под названием «поляки» почти сто лет укрывались от религиозных преследований на территории бывшей Речи Посполитой – в Стародубье, в окрестностях Гомеля, Ветки, Бердичева, Горохова и пр. (сейчас это сопредельные территории Брянской обл. России и Гомельской обл. Белоруссии) [Шмулевич, 1985, с. 57; Болонев, 1992, с. 32–55]. В 60-х гг. XVIII в. беглецы были насильственно переселены в районы Западной и Восточной Сибири – в Забайкалье и на Алтай (ведомство Усть-Каменогорской крепости, впоследствии Риддерская, Владимирская, Александровская, Бобровская вол. Бийского уезда Алтайского горного округа Томской губ.).

«Поляки» образовывали новые поселки, либо подселялись к старым, где уже проживали сибиряки и старообрядцы-кержаки – выходцы из разных мест Северного Алтая, а также других мест Сибири и Европейской России [Алексеев, 1965, с. 143]. В конце XIX в. в пяти волостях Змеиногорского округа имелось 21 «польское» поселение: в Алейской вол. – Староалейское, Шипуновское, Каменка; в Александровской вол. – Шемонаевское, Екатерининская; во Владимирской вол. – Верх-Убинское (Лосиха), Секисовка, Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская; в Риддерской – Черемшанка, Бутакова, Поперечная, Стрежная, Пихтовка, Орловка; в Бобровской – Бобровское, Тарханское, Чистополька [Швецова, 1899, с. 21]. Из этих селений, по данным М. В. Швецовой, только шесть относилось к первоначальным пунктам поселения «поляков» – Староалейское, Верх-Убинское,

Секисовка, Шемонаевское, Екатерининская и Бобровское. Остальные населенные пункты образовались из выходцев этих селений. Наиболее однородными, состоявшими из «поляков» – с незначительным включением ссыльных, казаков, «российцев» и «сибиряков» (т. е. не старообрядцев), – были селения Алейской, Александровской, Владимирской и Риддерской вол. [Швецова, 1899, с. 23]. М. В. Швецова в процессе наблюдений и расспросов выявила изначальную неоднородность происхождения группы «польских выведенцев», которые происходили как из северных и центральных областей Европейской России, так и из южной «Подолии». Первые в большей степени сохранили великорусский тип, особенности традиционной культуры Центральной России и компактно поселились в северных степных волостях Змеиногорского округа. Вторые поселенцы избрали южные гористые районы Алтая, напоминавшие им привычный ландшафт. Исследовательница отметила ярко выраженный фенотип «подолян», сохранивших особенности «малороссийского говора», а также некоторые культурные традиции [Швецова, 1899, с. 29]. Архивные материалы также свидетельствуют об изначальном сложном культурном составе старообрядцев-«поляков», включавшем выходцев конца XVII – начала XVIII в. с северных, центральных и южных губерний Российской империи (Московская, Новгородская, Белгородская, Воронежская, Смоленская, Нижегородская и пр.) [ЦГАДА. Ф. 288. Д. 555. Л. 1–5. 1736 г.; Лебедева, 1969, с. 114; Лебедева, Липинская и др., 1974, с. 79; Тарусская, 1975, с. 71; Маслова, 1975, с. 48; Власова, 1975, с. 21–22; и др.].

В ходе наших экспедиционных работ 1970–1980-х гг. в этих районах немногие вспоминали, что их прадеды «пришли из Польши», однако четко отделяли себя от кержаков. Случалось, что информанты, по-своему толкуя слово «поляки», связывали свое происхождение с проживанием у подножия гор: «в поле живем – вот и поляки» (ПМА 1981). Истории формирования группы «поляков» Алтая посвящено немало работ историков, этнографов, фольклористов и археографов. Собранные нами этнографические материалы по одежде позволили по-новому взглянуть на особенности традиционной культуры этой этноконфессиональной группы.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Основным комплексом одежды «полячек» в конце XIX – начале XX в. можно считать *сарафаны* на лямках. В зависимости от конструкции и используемой ткани они могли называться *атласниками*, *шалонниками*, *моркашниками*, *клиниками* и пр. Заметим, что указанное М. В. Швецовой наименование косоклиновых «кубовых» сарафанов – *дубасы* нам не встретилось [Швецова, 1899, с. 31].

Наиболее старинными следует признать сарафаны *туникообразного* покроя с лямками, выкроенными заодно с полотнами стана. Образец такого *дабенника* (сшитого из хлопчатобумажной дабы) с цельным передним полотном и *клинуши-*

ками на спине хранятся в фондах Российского этнографического музея [Гринкова, 1930, с. 331]. Сшитые из покупных тканей сарафаны еще в конце XIX – начале XX в. встречались у «полячек» Владимирской, Риддерской вол. в качестве праздничной одежды, а изготовленные из холста носились ими повседневно.

Косоклинные сарафаны с цельным передним полотном имели отдельно скроенные лямки, в которых лишь рудиментарно сохранилась цельнокроеная с задним полотном спинка-задушка (рис. 129). Еще в 1970–1980-х гг. сарафаны этой конструкции хранились у информантов в сундуках в составе праздничных и свадебных комплексов. Основным материалом для их изготовления служили китайские переливчатые шелка, кашемиры, сатины и пр. Шелковые ткани были настолько тонкими, что, как говорили «полячки», «без подкладки из них не сошьешь» (ПМА 1979, № 3, л. 3). Косоклинные сарафаны без переднего продольного шва были известны в севернорусских землях, а также в Вятской, Нижегородской, Ярославской губ., т. е. там, где и отмеченные ранее туникообразные формы [Бусыгин, 1958, с. 110]. Бытовали они и в более северных районах Западной Сибири – у старообрядок Среднего Приобья [Бардина, 2009, с. 138, 139].

Наиболее распространенными сарафанами «полячек» в конце XIX в. были косоклинные сарафаны со швом спереди. В центральных передних и одном заднем полотнах вырезали мысики для пришивания лямок и фигурной спинки. Для раскроя использовали от трех до семи отрезков ткани, при этом на перед шло четное число отрезков, на спинку – нечетное (рис. 130–134). С каждого из боковых полотен срезали уголки, которые при соединении всех частей сарафана вшивали в низ подола. Детали сарафанов могли соединять между собой через вязанное иглой или крючком разноцветное кружево, подобно носимым с ними рубашам (см. *кули*). В двух местах над грудью, а также по обе стороны от спинки-задушки ткань присобирали в мелкие складки или «брали боры кругом». В более старых сарафанах, изготовленных во второй половине XIX в., сборки по груди отсутствовали – вероятно, по традиции, восходящей к более закрытому прототипу

Рис. 129. Конструкция свадебного сарафана из шелка. С. Соловьево Бухтарминской вол. Бийского округа (Зыряновского р-на Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР). Изготовлен в конце XIX – начале XX в. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

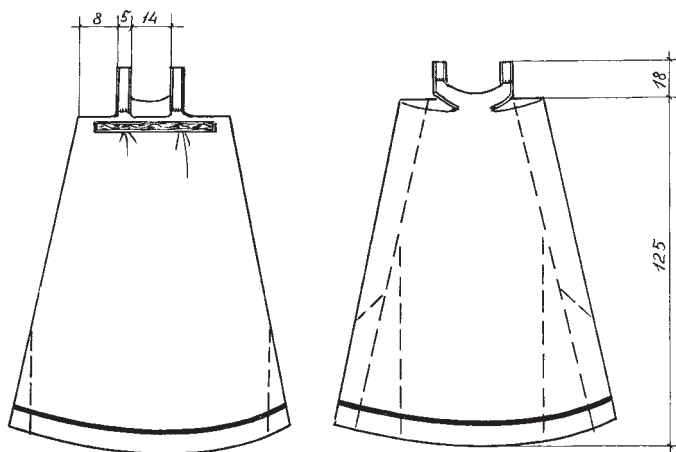

Рис. 130. Кумачовый сарафан.
ОГИКМ, № 3150.

а – конструкция с отделкой позументом;
б – деталь кумачового сарафана с застежкой; в – спинка кумачового сарафана.

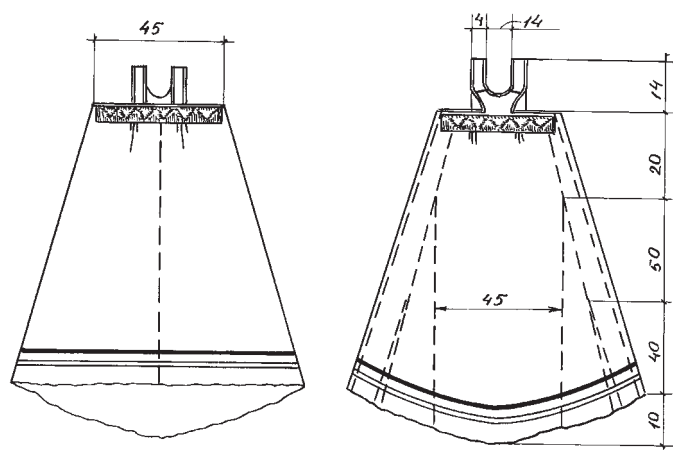

Рис. 131. Конструкция праздничного сарафана из бордового бурса. Д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа. Изготовлен в 1905 г. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 132. Конструкция сарафана из красного кашемира. С. Соловьево Бухтарминской вол. Бийского округа. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

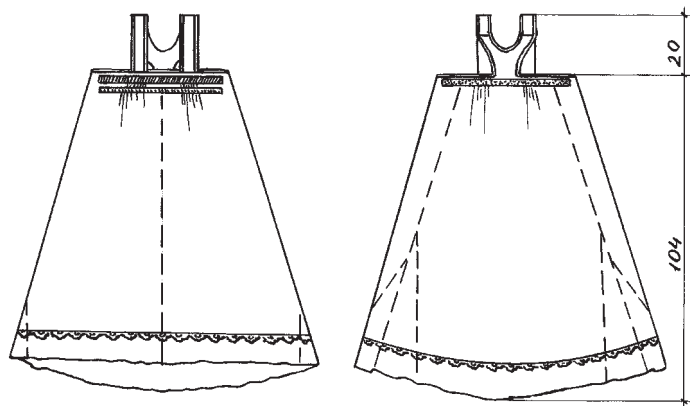

Рис. 133. Конструкция праздничного сарафана из зеленого бурса, украшенного позументом. Изготовлен в 1905 г. в д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

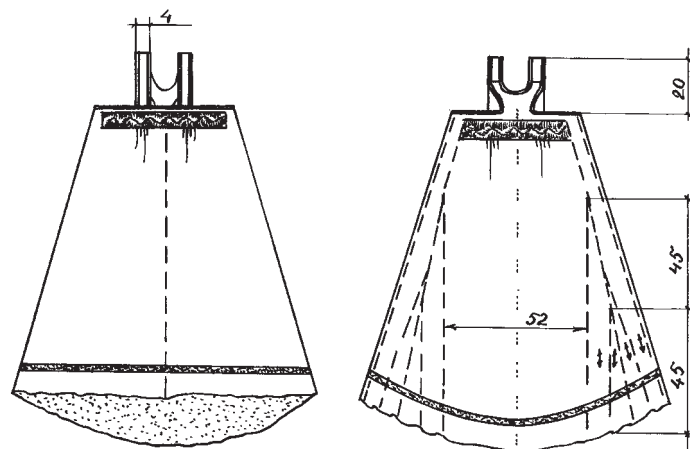
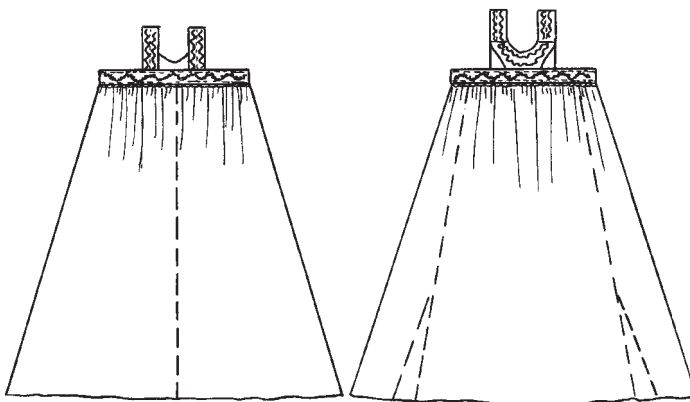

Рис. 134. Конструкция кашемирового сарафана зеленого цвета. Изготовлен в 1917–1918 гг., д. Быструха Владимирской вол. Бийского уезда. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

одежды. По-видимому, с этой давней традицией связано и негативное отношение к борам, которое в 1980-е гг. сохранялось в памяти людей старшего возраста: «борить и грешить начали не так давно» (ПМА 1979). Передний шов в таких сарафанах оставляли незашитым и оформляли в виде застежки на пуговицы и петли из гарусных косичек-плетешков. По лямкам, задушке, верху сарафанов прокладывали полосы позумента, разнообразные виды тесьмы, по подолу прострачивали фигурные строчки – *вилюшки*, *венцы* (см. рис. 130 б, в, рис. 135–136). В приалейских и приануйских селах, где кержаки и «поляки» жили совместно, кержачки называли такие сарафаны *польскими*, подчеркивая тем самым отличие

Рис. 135. Нарядный польский костюм из шелка. Д. Быструха Владимирской вол. Бийского округа. Изготовлен в 1910 г. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 136. Украшение позументной тесьмой на праздничном шелковом сарафане. Д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

от собственных *горбачей*. Аналогичные косоклинные сарафаны со швом спереди и короткой украшенной застежкой были известны у русских однодворцев юга Европейской России, например, в Курской, Воронежской губ. [Кирсанова, 1995, с. 81; Русский народный костюм..., 1989, с. 194].

Косоклинные сарафаны носили с нательной одеждой – поликовыми рубахами. Старообрядки-«полячки» называли этот вид одежды по наименованию прямоугольных вставок-*поляков* – *рубахами с поляками*. Поликовые рубахи готовили составными. Их верхние части – *чехлики*, *кули* – шили из более качественных материалов, а нижние – *станы*, *станушки* – из тканей более низкого качества. Соединения предварительно подогнутых частей рубахи делало возможным смену нескольких станушек при одной верхней части. Рубахи отличались по способам соединения поликов со станом (по утку или основе последнего) и по конструкциям рукавов – на протяжении XIX – начала XX в. эти конструктивные варианты не оставались неизменными.

Наиболее архаичными следует считать холщовые рубахи с пришитыми по основе стана поляками и рукавами из двух полотен разной длины (рис. 137). Рукава, называвшиеся *кулями*, шили с подгибом уголков большего из полотен и в образовавшуюся прямоугольную конфигурацию вшивали меньшее по размерам полотно (см. рис. 137 в). Характерно соединение рукавов и чехлика швом *в замок* (петельными стежками) и через связанные крючком или иглой кружева. Таким же образом скреплялись рукава рубашек у родственной «полякам» (в этнокультурном отношении) группы семейских Забайкалья, в южнорусских и украинских областях (ПМА 1977, 1979), (РГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 132) [Чижикова, 1984, с. 13, 14; Білецька, 1929, с. 53].

Особенностью, выделявшей «поляков» среди других старообрядческих групп региона, являлось то, что *чехлик* кроился по утку, для чего полотно разрезали посередине, вдоль нити основы. Так как в этом случае ширина не ограничивалась, то описанные рубахи были очень широкими в подоле и объемными в плечевой области. Ткань поликов, пришитых по основе чехлика, окрашивали в красный цвет, и по ним в технике «роспись», «набор» выполняли вышивки бумажными или шелковыми нитками (см. рис. 137 д). В рубахе из Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) между полотнами чехлика и поляками дополнительно вставлены куски кумача (см. рис. 137 г). Аналогичные вставки-*пельки* этнограф Н. П. Гринкова обнаружила в Воронежской обл. и установила их значение: это маркер для группы молодых женщин детородного возраста [Гринкова, 1928, с. 152]. Можно предположить, что и на Алтае кумачовые надставки когда-то несли ту же смысловую нагрузку.

Старинные кули бытовали у «полячек», проживавших по р. Убе, Ульбе в нескольких районах Южного Алтая [Фурсова, 1997, с. 37]. Вероятно, именно эту одежду наблюдали в конце XIX – начале XX в. М. Н. Соболев, А. Е. Новоселов, которые заметили на «полячках» женщинах «белые холщовые рубахи, богато расшитые на плечах и по вороту» [Соболев, 1896, с. 60; Новоселов, 1981, с. 394].

Рис. 137. Женская рубаха из белого холста. Д. Быструха Владимирской вол. Бийского уезда. ОГИКМ № 2351.

а – вид спереди; б – вид сзади; в – рукав-куль; г – вставки-пельки из кумача; д – ткань и вышивка по полику; е – конструкция (спинка).

Для периода начала XX в. фиксируется большое количество рубах, адаптированных к новым фабричным материалам (кашемир, шелковые и полшелковые ткани). В конструкциях рукавов из полотен разной длины локтевой шов делали с посадкой в области треугольной вставки, что создавало объем внизу рукава. Для одежды первой трети XX в. прослеживается несколько вариантов рукавов с использованием треугольной вставки; эти варианты можно рассматривать как переходный этап от кулей, в которых прямые срезы комбинировались с поперечными – к кошеным рукавам (рис. 138–142). Такие поликовые рубахи бытовали в тех же районах, что и остальные кули – по течению р. Уба, Ульба; встречались они и у старообрядок Бухтарминской, Верх-Бухтарминской вол. Бийского округа, куда, видимо, были занесены убинскими женщинами. Таким образом, отличающиеся внешне рубахи обнаруживают преемственность в конструкции, что свидетельствует об их принадлежности к формам одежды одной этнокультурной группы «поляков».

Рубахи из покупных тканей, как и холщовые кули, оформляли выделением швов разноцветными стежками, окаймлением рукавов у запястья плетеными косичками *плетешками* (рис. 142). Высокие воротники составляли в них важную и отличительную от прочих старообрядцев Алтая деталь и носились как стойкой, так и перегнутыми. Перегнутые воротники с застежкой на запонку можно рассматривать в качестве белорусской традиции, которая была известна полякам, украинцам, литовцам, а также южнорусским одноворцам, носившим такие рубахи с суконной юбкой типа андарака [Молчанова, 1968, с. 129].

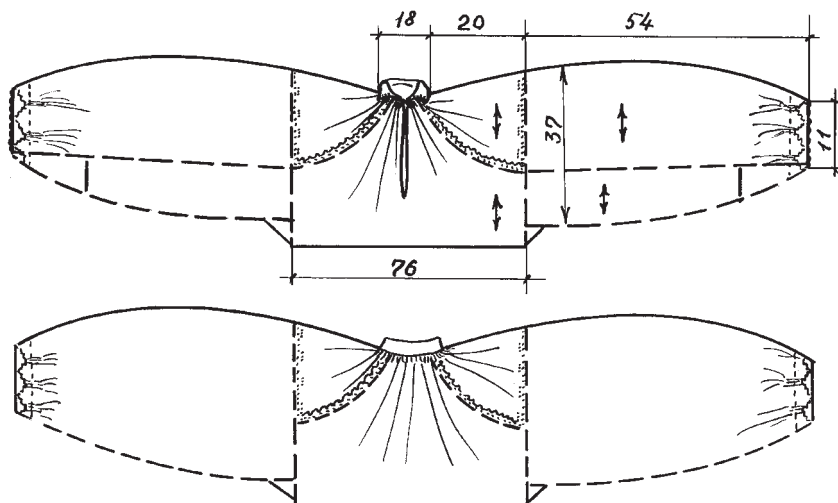

Рис. 138. Конструкция рубахи из бурса с красными кашемировыми поликами. С. Тургусун Бухтарминской вол. Бийского округа (Зыряновского р-на Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР). Изготовлена в 1920-х гг. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

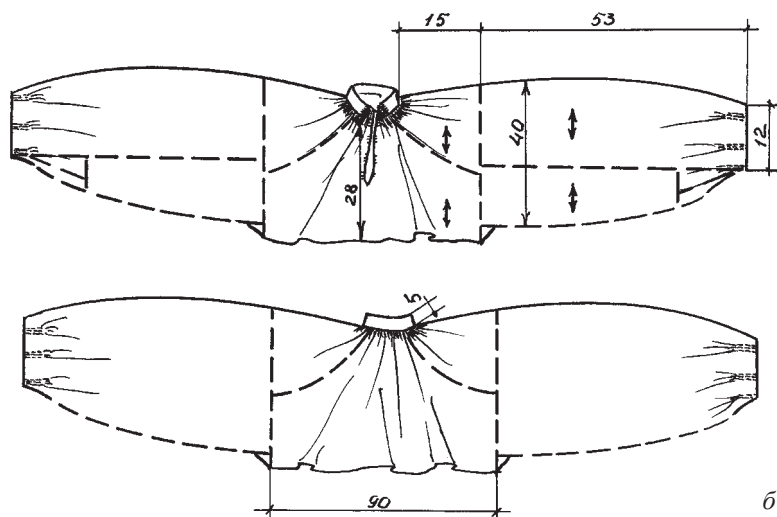

Рис. 139. Праздничная шелковая рубаша. Д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.
а – общий вид; б – конструкция.

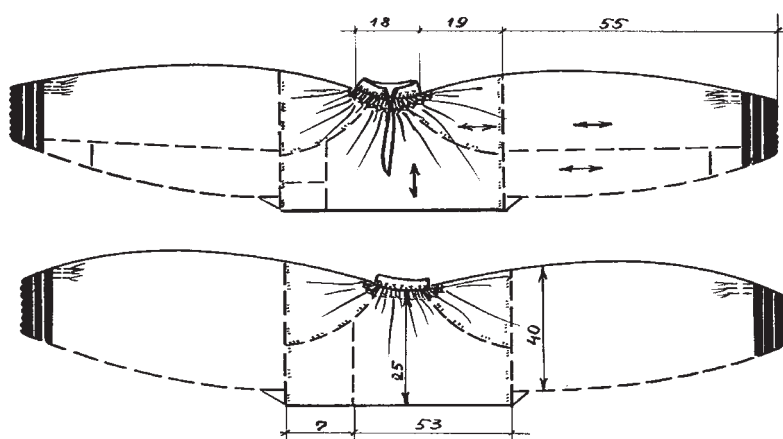

Рис. 140. Конструкция шелковой рубаша. С. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа. Изготовлена в конце XIX – начале XX в. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

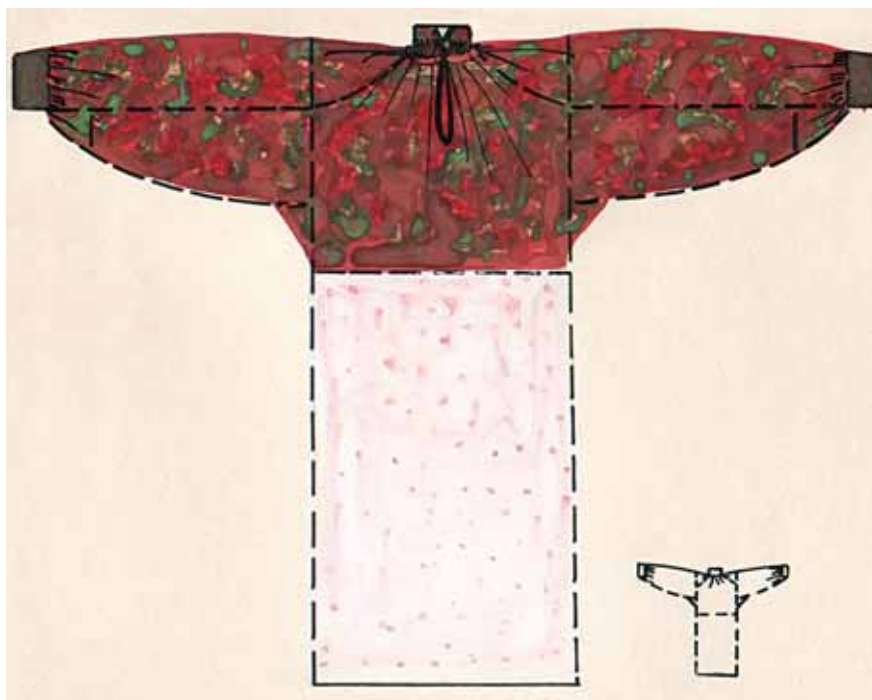

Рис. 141. Кашемировая цветастая рубаша. С. Снегирево Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Изготовлена в 1920-х гг. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

а

б

Рис. 142. Оформление рукавов-кулей с треугольной вставкой. С. Снегирево Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979.

а – стежки контрастного цвета; б – стежки в тон цвета рубаша.

Рис. 143. Праздничный сарафан из бордового хлопчатобумажного материала. С. Ново-Украинка Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

В 1910–1920-е гг. у населения бытовали сарафаны, по меньшей мере, еще двух конструктивных решений. В первом случае на перед отрезали два прямых, а на спинку четыре раскошенных полотна, получавшихся разрезанием по диагонали двух целых. Кошенные полотна сходились на спине косыми срезами, из-за чего в народе такие сарафаны называли «косоклинные», хотя, конечно, в отличие от косоклинных они не имели клиньев. В сарафанах этого типа можно было встретить элементы, бытовавшие в описанных выше сарафанах: вышивку по груди «по счету боров», обшивку лямок и спинок косичками-плетешками и т. д. (рис. 143). Пожилые женщины (в их числе – Т. А. Поломошнова*) в 1970–1980-х гг. вспоминали, что их обязательно обучали в детстве мастерству вышивания, тканья, плетения: «Узор «гуси» мать давала вышивать, еще и в голову тыкала (видимо, за нерадение. – Е. Ф.)» (ПМА 1988. № 14. Л. 53).

Вторым вариантом можно назвать сарафаны прямой конструкции (*круглые*) на узких лямках из четырех-восьми цельных полотнищ. Они были известны в качестве одежды молодых женщин и девушек. Появление таких сарафанов, возможно, было обусловлено влиянием российских переселенков, которые привезли их в старообрядческую среду. О таких сарафанах писала М.В. Швецова как об «обыкновенных русских сарафанах», которые заменили косоклинные дубасы [Швецова, 1899, с. 31]. В целом же изменения – от косоклинных к прямым конструкциям – протекали в общем русле развития русской одежды конца XIX – начала XX в. Однако в глухих, отдаленных от центров, деревнях – Малобубинка, Быструха – «полячки» говорили: «круглый сарафан – какой же это сарафан!» (ПМА 1979, № 3, л. 10). Лямки и спинка в этом виде одежды выкраивались отдельно от основных полотен, причем спинка могла представлять собой

*Поломошнова Татьяна Агафьевна (1914 г. р.), с. Большой Башелак Чарышского р-на Алтайского края. Местная.

Рис. 144. «Поляки» из г. Зыряновска Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР. Семейное фото. ПМА 1979.

упрощенный вариант в виде перекрещенных бретелей. На груди сарафаны собирались в густые сборки, которые удерживались пояском-ремнем до 10 см шириной (рис. 144). В качестве украшения широко были распространены оборки по подолу, цветные аппликации, тесьмы и кружева.

С *кошеными* и *прямыми (круглыми)* сарафанами носили поликовые рубахи и, как более поздний вариант, рубахи с кокеткой. Входившие в эти комплексы поликовые рубахи с рукавами из одного продольного полотна в Южном и Юго-Восточном Алтае (Риддерская, Владимирская, Верх-Бухтарминская вол. Бийского округа) сближали «полячек» с украинскими и белорусскими женщинами. Отличительной чертой рукавов этих рубах было то, что у запястья они собирались в сборки, которые отсутствовали в рубахах-кулях (рис. 145–150). При этом

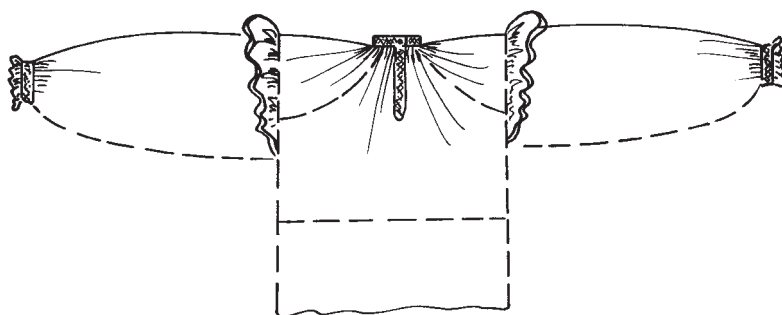

Рис. 145. Конструкция шелковой рубахи. С. Быструха Владимирской вол. Бийского округа. Изготовлена в 1910 г. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова).

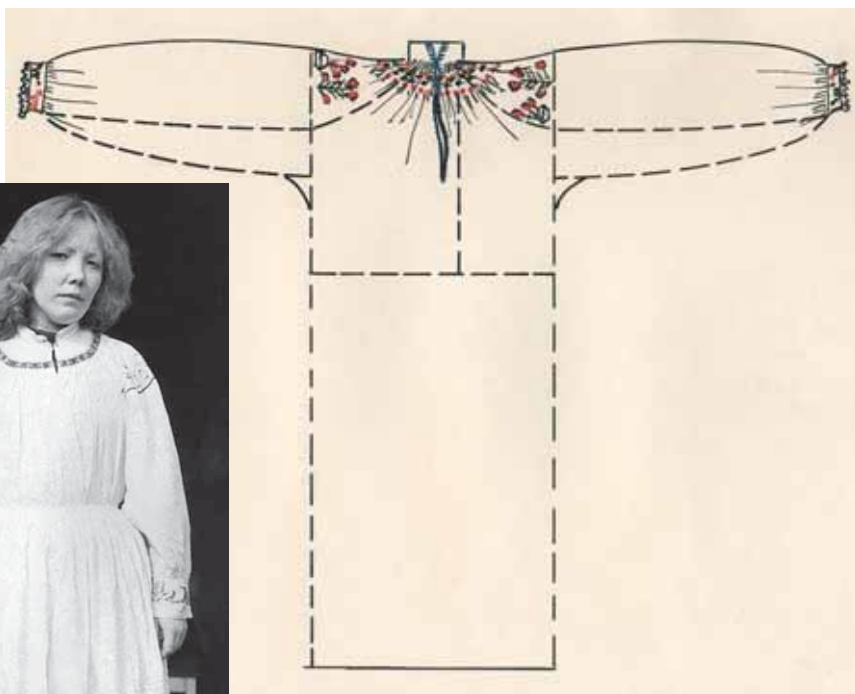
Рис. 146. Сатиновая праздничная рубаша. Д. Богатырево Бухтарминской вол. Бийского округа (Зыряновский р-н Восточно-Казахстанской обл.). Изготовлена в 1910 г. ПМА 1979. Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 147. Шелковая праздничная рубаша. Д. Быструха Владимирской вол. Бийского округа. Изготовлена в начале XX в. Филиал ВКОМ в д. Быструха Зыряновского р-на Восточно-Казахстанской обл. ГИК № 4759.

Рис. 148. Атласная рубаша. Глубоковский р-н Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР. Изготовлена в 1910-х гг. ПМА 1979.

б

а

Рис. 149. «Зонтовые рукава» из белого ситца. С. Коробиха Верх-Бухтарминской вол. Бийского округа. Изготовлена в 1917 г. ПМА 1978 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

а – общий вид; б – конструкция.

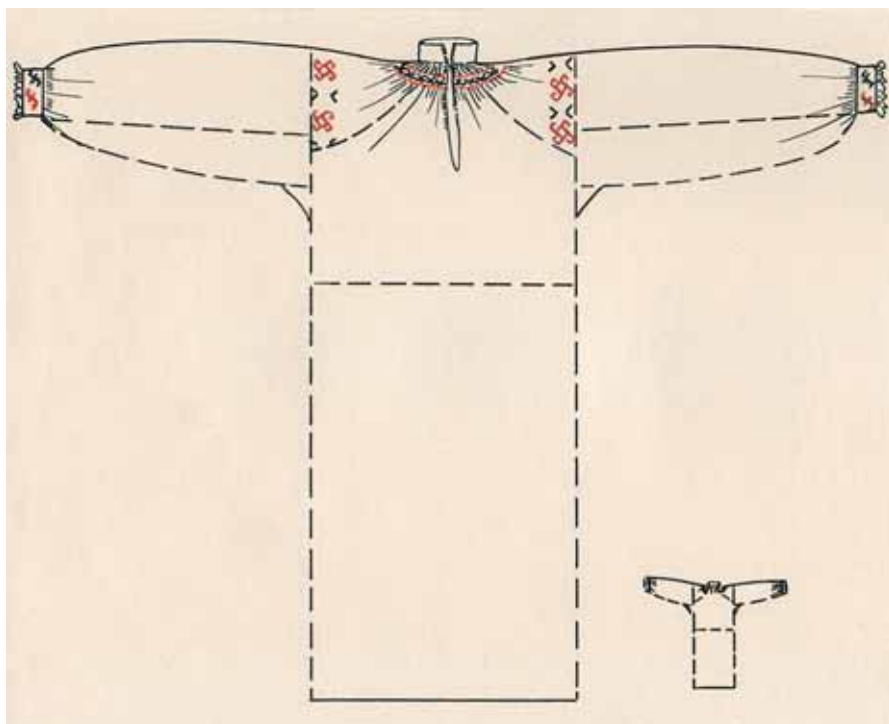

Рис. 150. Конструкция «зонтовых рукавов» из белого ситца. Д. Мяконькая Бухтарминской вол. Бийского округа. Изготовлена в 1910-х гг. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

ткань собирали на поясок или бантами (*складками*), сборками (*уборками*), а также на пришивные манжеты-*абилага*. Вдоль швов соединения рукавов с чехликом эти рубахи украшались различными отделками: тесьмами – *въюнчиком*, *сутажинками*, *прозументом*, кружевом-*связью*, вшивными оборками-*крылышками* и пр. Вдоль разреза ворота прокладывался декоративный *столбик*. Такие рубахи встречались нам изготовленными из белой хлопчатобумажной ткани, называемой *зόνтом*, *гумагой* (*зόνтовы рукава*), а также ситцев. Их носили с сарафанами также из хлопковых тканей и юбками (см. рис. 149, 150).

Рубахи на *кокетке* появились у «*полячек*» в 1930-е гг., т. е. позднее, чем в других старообрядческих группах. На эти рубахи были перенесены своеобразные вышивки, отделка тесьмами, фигурно уложенной *куколками* тканью, *позументом* с более ранних поликовых рубах. Потомки этой группы еще в 1980-е г. называли верхнюю часть рубах на *кокетке* чехликом, а нижнюю – *станом*, *станушкой*. Прямой разрез ворота, доходивший до *кокетки* или немного заходящий за ее шов, «*полячки*» оформляли декоративным *столбиком*. Упрощенный костюм, состоявший из одной рубахи-*становины* и пояса, носили пожилые женщины, обычно никуда не выходившие из дома (ПМА 1988. № 14. Л. 84).

К 1930–1940-м гг. в молодежной среде появились рубахи с плечевыми швами, что означало полный переход к новому виду одежды – кофтам. Рубахи на кокетке перешли в разряд нижнего белья, параллельно отказались от деления стана на верхнюю и нижнюю части. Когда в 1930-х гг. молодые старообрядки стали носить юбки, которые перешивали из маминых сарафанов, то это вызывало еще неприятие со стороны наставников и отцов семейств (ПМА 1988. № 14. Л. 43, 54).

После Великой Отечественной войны, как вспоминают пожилые женщины, на смену сарафанам в качестве моленной одежды пришли ранее неизвестные горбачи (ПМА 1988. № 14. Л. 12). «После войны люди стали горбачи шить и я стала шить. Мне кроят люди, я не могу...», – вспоминала А. И. Новикова* из с. Солонешное Алтайского края. Местные жители утверждали, что ранее горбачи носили в основном «пермячки». В данном случае под этим понятием подразумевали, видимо, переселенок из северо-восточных районов России.

Сарафаны подпоясывали с левой стороны поясами (*покромками*), вытканными из разноцветных шерстяных или шелковых нитей с кистями на концах (о поясах см. ниже). Подпоясывались ткаными на «карточках» или «досточках» поясами «с буквами» (то есть словами молитв, благопожеланий) (рис. 151). Отметим существование некоторых неизвестных для Сибири традиций в отноше-

Рис. 151. Карточки для тканья поясов. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. ПМА 1988.

*Новикова Агриппина Иосифовна (1906 г. р.), с. Солонешное Алтайского края. «Полячка» из д. Черемшанка Солонешенского р-на Алтайского края.

Рис. 152. Передник туникообразного покроя. Змеиногорский уезд Томской губ. Музей ИАЭТ СО РАН.
а – общий вид; б – низ передника; в – низ рукава.

нии подпоясывания: в д. Секисовка Змеиногорского уезда к поясу сзади прикалывали букетики цветов, кисти могли украшаться пуговицами и пр. [Швецова, 1899, с. 35].

Поверх сарафанов надевали передники. Наиболее архаичными по покрою были туникообразные передники с рукавами – *нарукавни*, *нарукавник(и)*. Они известны не только по сохранившимся экземплярам одежды и старинным фотографиям, но и по сообщениям информантов в 1970–1980-х гг. (рис. 152). По покрою они близки к южнорусским *запонам*, *занавескам*, но по своему наименованию они ближе к наплечной одежде северных русских. По стилю и характеру орнамента эти *нарукавни* соответствовали женским рубашам-кулям, мужским свадебным рубашам «поляков», отражая, таким образом, устоявшуюся традицию костюма. Подол в старинных холщовых нарукавнях представлял собой чередование полос ткани (браного), вышивок (цветная перевить), вязаных кружев, кумачовых *приставок*, расшитых тамбуром (*киргизским швом*), и пр. (см. рис. 152 б). До 1920-х гг. нарукавни с открытой спинкой носили только беременные женщины. В 1978–1979-х гг. в некоторых селах информанты сообщали, что в годы их молодости существовал запрет носить нарукавни девушкам до замужества.

Для изучаемого времени наиболее популярными являлись передники на кокетке – *нарукавни*, *нарукавники*, которые хранились в большом количестве в семейных сундуках еще в годы наших экспедиций 1970-х гг. Они фиксировались в тех же районах, что и туникообразные передники, вытесняя последние. Конструкция нарукавней включала кокетку (прямоугольной или трапециевидной формы), к которой пришивались два полотна, собранных в сборку или уложенных складками. Спина оставалась открытой, так как сзади полотна не сходились на 22–25 см. Под прямым углом к ко-

Рис. 153. Праздничные нарукавники из бордового сатина. Пос. Сажаевка Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 154. Праздничные нарукавники из цветастого кашемира. Музей ИАЭТ СО РАН.

кетке пришивали длинные кошенные рукава (рис. 153–158). Форма выреза горловины у полячек чаще встречалась U-образная. Многие характерные элементы украшений нарукавников на кокетке в своей основе восходят к такому в туникообразных передниках, сарафанах (аппликации в виде лент – *блонды*, аппликации зубчиками – *пилы*, оборки, позумент и пр.). В начале XX в. «полячки», как и другие старообрядки

Рис. 155. Праздничные нарукавники из зеленой шелковой ткани. Д. Верх-Мяконькая Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 156. Праздничные нарукавники из черной шелковой ткани. Д. Снегирево Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Изготовлены в 1929 г. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 157. Молодая женщина в нарукавниках из черного шелка. Д. Снегирево Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979.

Рис. 158. Нарукавники из кумача с отделкой вышивкой и аппликациями. Д. Александровка Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Южного Алтая, стали постепенно переходить на безрукавные передники в виде коротких сарафанов – *крылатиков*, названных так по пришиваемым к лякам оборкам-*крылышкам* (рис. 159). Молодые женщины, молодухи одевали их по праздникам, на полянку, на лужок, пожилые предпочитали носить нарукавники с рукавами и в первом десятилетии XX в. Позднее, с 1930-х гг., распространились передники в виде поясной одежды (рис. 160–161). Без запонов и фартуков в конце XX в. невозможно было представить повседневный костюм, однако эта одежда совершенно исключалась из моленного комплекса.

Рис. 159. Повседневный женский костюм из хлопчатобумажных тканей в 1920-х гг. Д. Парыгино Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. ПМА 1979.

Рис. 160. Праздничный девичий костюм из хлопчатобумажных тканей. Д. Парыгино Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979.

Рис. 161. Праздничный девичий костюм с хлопчатобумажным фартуком. Д. Бояновка Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979.

Рис. 162. Девичье украшение в косы – кисти из бисера и стеклянных бусин. С. Белое Верх-Бухтарминской вол. Бийского округа. ОГИКМ, № 2222, 2229.

Девичьей прической была, как и повсеместно у русских, заплетенная тремя прядями вверх коса, но в особых случаях волосы расплетали, например, при смене девичьей прически на женскую. Девушкам разрешалось в обществе ходить с непокрытой головой, в отличие от замужних женщин, для которых это считалось грехом. Помимо украшений кос лентами, «поляцкие» девушки вплетали в косы бисерные *кисти*, *подкосники*, состоявшие из плетеного шнура, концы которого заканчивались бисерными *поднизями*. Все низки соединялись между собой так, что поднизь напоминала маленькую бисерную юбочку (рис. 162). «Полячки» убо-ульбинских сел, помимо кистей, вплетали в косы небольшие шерстяные полоски, а также тесемки, расшитые блестками, бахромой, пуговицами (*подвески*). Такие нарядные уборы носили так называемые «большие девушки», «на выданье», т. е. 15–17-ти лет. Кроме этого, в изучаемое время – на рубеже XIX и XX вв. «поляцкие» девушки водружали на голову повязки. Для этого складывали платки или шали в складку в виде более или менее широкой полосы и повязывали ее по очелью, распуская концы сзади. У «полячек» бытовали также «рогатые» способы повязывания в виде чалмы с открытой макушкой. При *повивании с рогами* или *с рожками* свернутую лентой шаль накладывали на лоб, концы перемещали на затылок и завязывали узлом. Затем концы снова переводили на лоб, где их перекручивали или завязывали и, заправляя оставшиеся концы под платок, укладывали *рожки*. Все приемы укладывания шалей повторяли таковые в женских головных уборах с той лишь разницей, что в последних для закрывания затылка могли оставлять уголок (если не одевали кокошник), чего в девичьих никогда не делали. По сообщениям Швецовой, к таким повязкам прикалывали живые или искусственные цветы, цветные конфетные бумажки [Швецова, 1899, с. 32]. Повязывавшиеся подобным образом шали девушки носили во время весенне-летних праздников: на троицкие гуляния, «на полянку» и пр. Такие рогатые повязки отмечены у девушек Архангельской, Курской, Орловской, Липецкой губ., а также Белоруссии [Ганцкая, Лебедева, Парникова, 1960, с. 227].

Те девушки, которые по возрасту выходили из невест («старые девы»), хотя и заплетали одну косу, но носили ее не на спине, а вокруг головы. Платок при этом продолжали повязывать по-девичьи.

Смена девичьего убора на женский сопровождалась расплетением девичьей косы и заплетением двух «прядями вниз». Если «полячка» выходила замуж за старообрядца не из своей культурной группы, то, невзирая на недовольство родственников с ее стороны, невесту окручивали головным убором, принятым в семье жениха, т. е. не кичкой.

Рис. 163. Кичка из красного ситца.
Д. Быково Бухтарминской вол. Бийского
округа. ОГИКМ № 2508.

Рис. 164. Женщина-«полячка». С. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края.
ПМА 1988.
а – в кичке; б – в кичке и кокошнике; в – в кичке, кокошнике и шали.

В качестве нарядного носили кичкообразный головной убор, твердую основу в котором составляла *кичка*. «Кичкой окручали маму», как сообщила «полька» А. Е. Черепанова; событие относилось к 1880-м гг. (ПМА 1988. № 14. Л. 35 об.). Кичка представляла собой мягкую шапочку с твердым, поперек головы, гребнем высотой 4–7 см, который получался вследствие простегивания кудельки из льна, шерсти или смазанной в тесте бумаги. Хотя внешне гребень мало походил на рога, такие кички называли в народе *рогатыми* (или кичкой *с двумя рогами*). Кички являлись характерной принадлежностью костюма «полячек», почему их называли *польскими кичками* (рис. 163, 164 а). Надевавшиеся поверх кокошники повторяли форму кички и изготавливались из дорогих тканей – бархата, шелков и полушелков, расшивались по очелью золотой и серебряной нитями, галуном, позументом, тесьмами и пр. (рис. 164 б, 165). В конструктивном и декоративном отношении кокошники этого вида близки севернорусским уборам (рис. 166). С тыльной стороны волосы «полячки» закрывал *позатыльник* (*подзатыльник*). Позатыльник представлял собой прямоугольную полоску ткани, нашитую на простеженную основу. К верхнему краю пришивали тесемки, которыми позатыльник прикреплялся к кичке. На полоску нашивали позументную тесьму, цветной бисер, расшивали золотой, серебряной и металлической нитями и т. д. По нижнему краю выполнялась поднизь из низок стекляруса-*резунца*, бисера, мишуры, гаруса, которые могли свисать в виде бахромы или переплетаться в ажурную сетку (рис. 167).

Особого мастерства требовало повязывание головы большими шальями, которые складывали полосками, подобно девичьим повязкам (см. рис. 164 в, 168). Ва-

а

б

Рис. 165. Кокошник из желтого бархата. ОГИКМ, № 2482, 2507.
а – с позатыльником; б – вид сверху.

Рис. 166. Кокошник из Краеведческого музея Великого Устюга.

Рис. 167. Позатыльник, расшитый бисером, из коллекции А. Н. Белослюдова. ГМЭ, № 5091-9.

Рис. 168. Женщины-«полячки» Змеиногорского уезда Алтайского горного округа в праздничных головных уборах. Фото А. Е. Новоселова, 1912 г. Фотоархив ОГИКМ.

рианты повивания были очень разнообразны: с *рогами*, с *бантом*, а сами уборы напоминали повязки крестьянок Слуцкого р-на Центральной Белоруссии [Раманюк, 1981, с. 217]. Во всех случаях концы шалей с очелья перебрасывали на спину, а затем, перекрутив, обратно на темя. Недавно вышедшие замуж женщины –

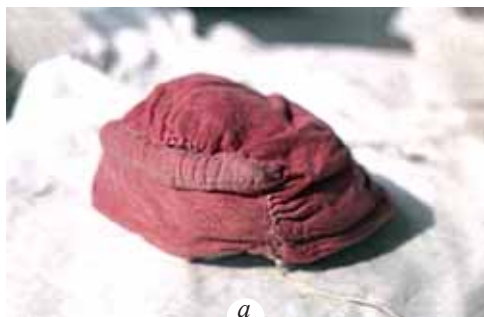
а

б

Рис. 169. Праздничный кашемировый костюм. Пос. Сажаявка Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1978.

а – вид спереди; *б* – вид сбоку.

а

б

Рис. 170. Кичка-шашмура из кумача. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. ПМА 1988.

а – вид сбоку; *б* – вид сверху.

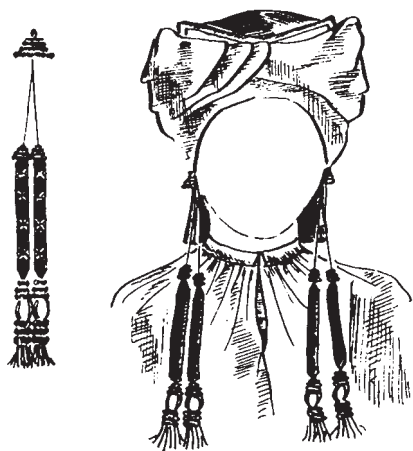

Рис. 171. Головной убор с привесками, г. Семипалатинск (реконструкция на основе музейных материалов). ГМЭ, № 5091-1.

молодухи обильно украшали свои «чалмы» цветами, брошками и другими декоративными деталями. У пожилых головы убирались проще: скрученную жгутом шаль переводили с очелья на спину, где ее свободные концы завязывали узлом (рис. 169). Кроме того, пожилые женщины носили менее высокие, «кичкообразные» уборы (рис. 170).

Еще одной характерной деталью убора «полячек» были *привески*, имевшие вид шнуров с петельками вверху, при помощи которых они прикреплялись к позатыльнику. К шнуркам подвешивали узорные низки из разноцветного бисера, а к ним низались помпончики из разноцветного гаруса; заканчивались привески бисерными кистями. Привески носили свободно висящими на груди (рис. 171).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Согласно полевым этнографическим материалам, мужской костюм «поляков» 1910–1920-х гг. включал рубаху с поясом, носившуюся поверх штанов. Сверху надевали верхнюю или присутственную одежду – *зипуны*, *кафтаны*, *подоболочки* (для молений) и пр. Голову покрывали валяными шляпами домашнего изготовления разнообразной формы. Кожаная обувь без каблуков была приспособлена для больших физических нагрузок, охоты, а зимняя валяная обувь хорошо согревала в сибирские морозы. Эти данные вполне соответствуют сведениям М. В. Швецовой, которая писала в конце XIX в.: «Домашний костюм мужчины – рубаха-косоворотка и шаровары, заправленные в высокие сапоги... Рабочая одежда шьется из пестряди или белого холста; в последнем случае рубашка большей частью бывает вышита, но и пестрядинная, и холщовая обязательно имеют цветные ластовицы, чаще из красного кумача, которым также обшивается и ворот» [Швецова, 1899, с. 30].

Просмотренные нами во время экспедиций и работы в музеях мужские рубахи туникообразного покроя сохранили многие архаичные элементы, характерные для кроя античных туник (рис. 172–178). К центральному полотну в них пришиты боковины из прямых полотен, которые могли собираться в районе пройм бориками, в том числе сложенные фигурно *куколками* (см. рис. 172–174). «Кулевидные» (подобно таковым в женских рубахах) или прямые рукава соединялись со станом через кумачовую вставку-*ластовку*. Ворота имели косой левый раз-

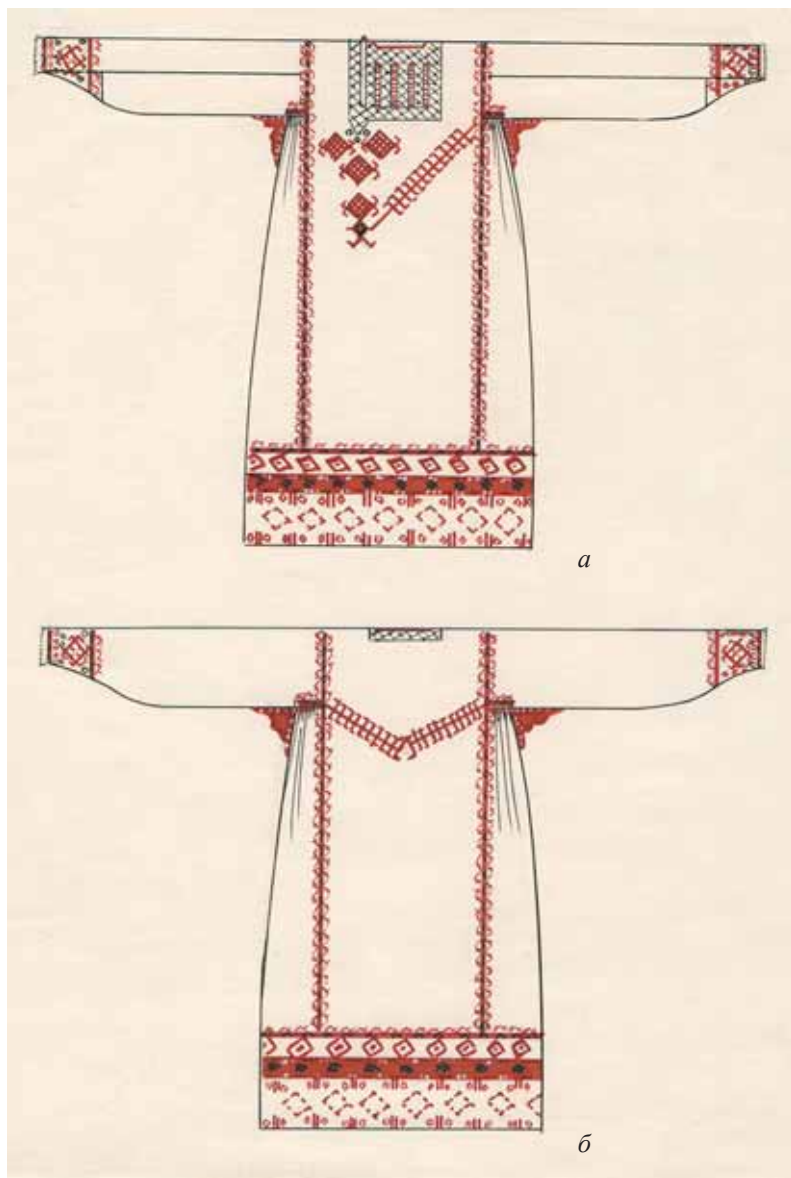

Рис. 172. Мужская холщовая рубаха. С. Бутачиха Семипалатинской губ. ГМЭ, 2699-5.
а – вид спереди; б – вид сзади.

рез. Горловину и ворот обшивали кантом из кумача или косичками-плетешками, сплетенными из красных льняных нитей.

Особенностью оформления «поляцких» рубах являлась богатая декоративная вышивка на левой или, изредка, правой стороне груди. Она представляла собой различные композиции из квадратов, которые образовывали крестообразный

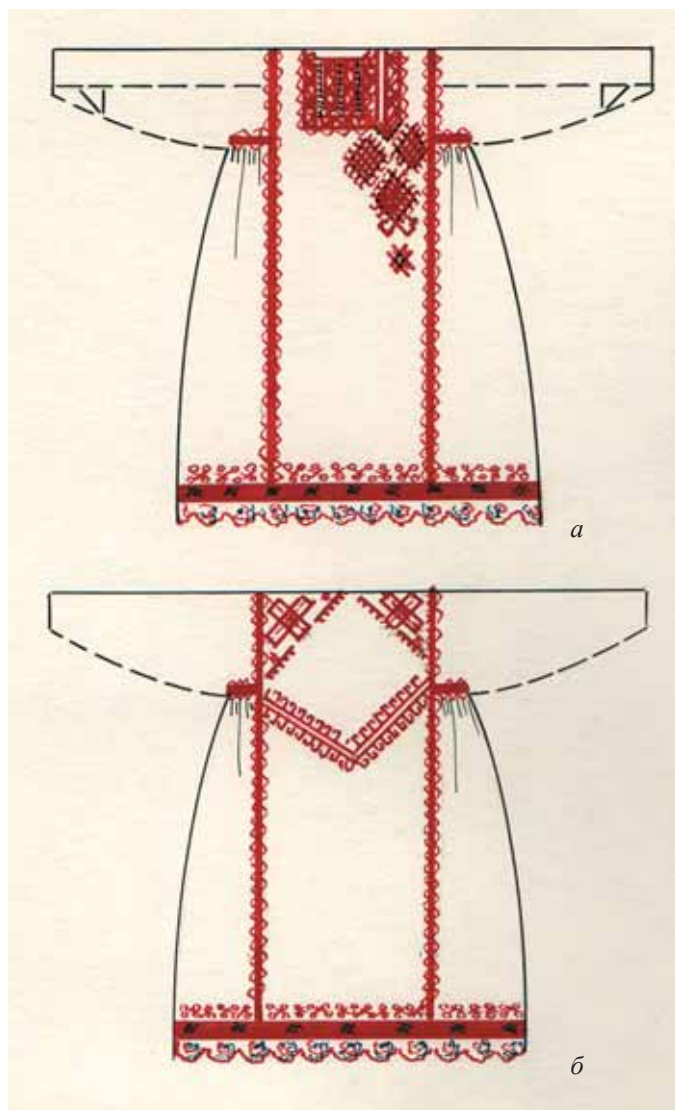

Рис. 173. Мужская холщовая рубаша (без сведений). АКМ.
а – вид спереди; б – вид сзади.

узор. Внутри квадраты делились на мелкие клетки. Очертания нагрудного креста «размыты» значительным количеством окружающих его меньших квадратов, которые представляют собой фигуры с продолженными сторонами, уходящими в бесконечность (в виде двух параллельных линий, пересекающихся под прямым углом с двумя другими параллелями), или заканчивающимися крючьями. Внизу, на уровне пояса, нагрудная вышивка обычно заканчивалась квадратом или крестообразной композицией, также образованной из квадратов (см. рис. 177–178).

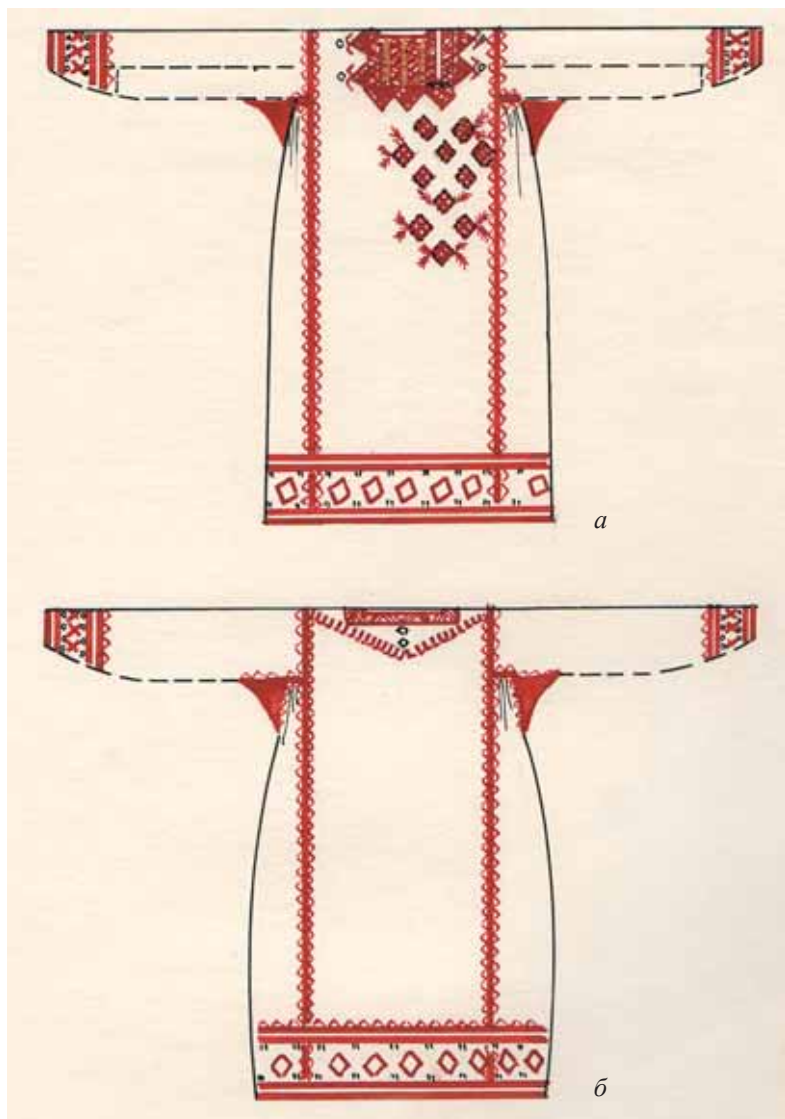

Рис. 174. Мужская холщовая рубаша. С. Секисовка Семипалатинской губ. ГМЭ, № 5091-25.
а – вид спереди; б – вид сзади.

Вышивка у прямоугольного ворота выполнялась черными и красными нитками из шелка, льна или хлопка. Она могла быть квадратной или треугольной формы, с рамками из полос в виде соединенных углами квадратов. Между внутренними полосками выполнялись ряды шашечек синего, красного и белого цветов. Края подворотной вышивки окаймляли половинками квадратов – такими же, как и те, что расположены на груди. Поверх вышивок могли нашивать бисер. Нам встречался бисер зеленого цвета, что является распространенной традици-

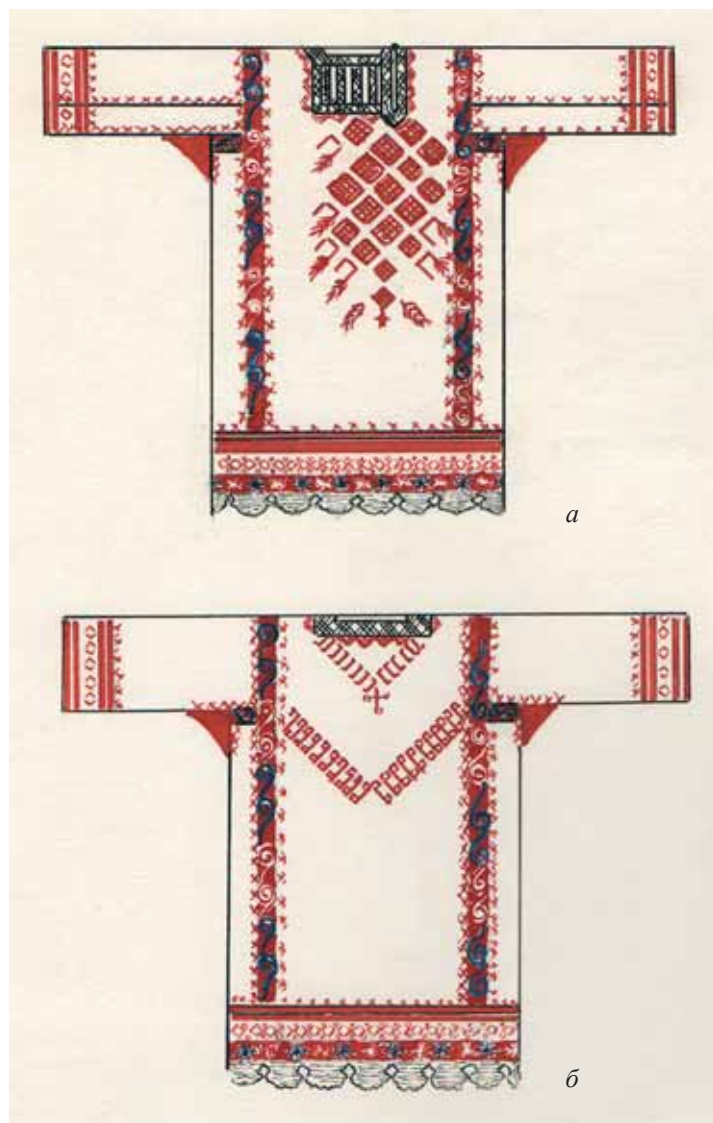

Рис. 175. Мужская холщовая рубаша. Д. Быструха Владимирской волости Семипалатинской губернии. ГМЭ, № 5091-17.
а – вид спереди; б – вид сзади.

ей в старой русской одежде [Лебедева, Маслова, 1967, с. 233]. Живописно отделявали подол и низ рукавов: полосками кумача, кружевами, вышивкой геометрических и растительных узоров в технике росписи, креста, цветной перевити.

Еще одна особенность «поляцких» мужских рубаш заключалась в наличии двух вертикальных полосок кумача, нашитых вдоль швов, соединяющих центральное и боковые полотна. Эти полоски украшались крестами, меандрами

Рис. 176. Мужчина в рубахе жениха-«поляка», середина XIX в. НГКМ, № 9718.

Рис. 177. Деталь вышивки холщовой рубахи «поляков» из Змеиногорского уезда Томской губ. середины XIX в. ОГИКМ, № 3134.

Рис. 178. Деталь вышивки холщовой рубахи «поляков» из Змеиногорского уезда Томской губ. середины XIX в. ОГИКМ, № 3497.

(орнамент в виде повторяющихся закрученных спиралей), которые были вышиты нитками белого и голубого цветов – контрастными по отношению к кумачовой ткани. Подобные мотивы напоминают изображения священнослужителей, имевшиеся в древнерусских летописях [Рыбаков, 1976, с. 95–97], а также традиционную одежду крестьян Черниговщины, Брянщины, Гомельщины – настоящих заповедников культуры восточнославянских народов. Аналогичные туники были известны в Западной Европе как вид одежды духовенства и высшей знати [Thiel, 1985, S. 87]. Еще в романский период там сложилась новая художественная система, для которой было характерно окаймление швов одежды, приобретавшей в этом случае «тектонические» черты [Кибалова, Гербенова, Ламарова, 1986, с. 101; Фурсова, 1995, с. 75–81]. С вышитыми рубахами полагалось носить холщовые вышитые шаровары, которые исчезли к концу XIX в. [Швецова, 1899, с. 30].

В 1920-е гг. в мужской праздничной одежде появились рубахи с подрезами по груди, на 10–12 см с каждой стороны, что было связано с использованием ши-

Рис. 179. Мужская сатиновая рубаха. С. Кондратьево Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. ОГИКМ, № 2496.

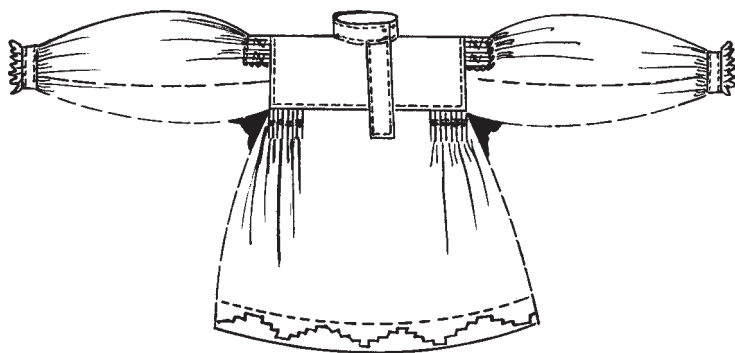

Рис. 180. Конструкция рубахи. С. Кондратьево Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. ОГИКМ, № 2496.

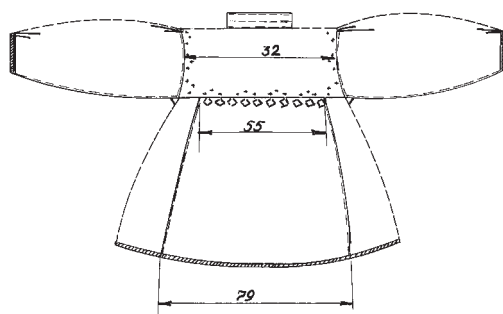
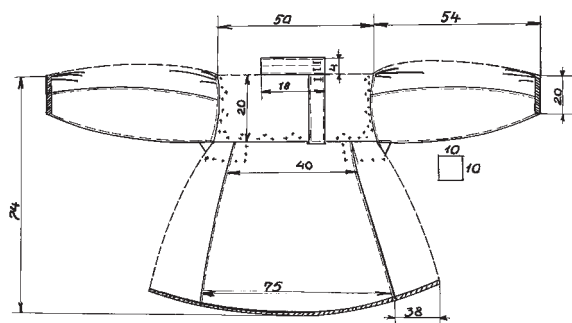
роких покупных материалов (рис. 179–180). Развитие этой конструкции привело к появлению рубах на кокетке (*пералинке*), которые наши информанты так и называли «рубахой на пералинке». Соответственно, произошли изменения и в местах расположения орнаментаций: по груди, вдоль швов кокеток (рис. 181). Возможно, что именно этот вид мужских рубах назван М. В. Швецовой «блузами». Исследовательница писала, что ситцевые и шерстяные рубашки обшивались позументом, разноцветными шнурами, а по подолу – покупными кружевами [Швецова, 1899, с. 30].

Рубахи с плечевыми швами появились у «поляков» позднее, чем в других этнокультурных группах Алтая – примерно в 1930-х гг. Вплоть до настоящего времени пожилые женщины перешивают своим мужьям современные мужские сорочки фабричного производства, умело переделывая их в косоворотки.

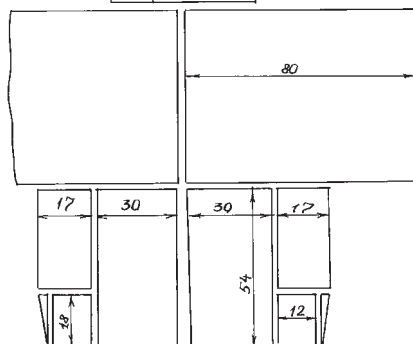
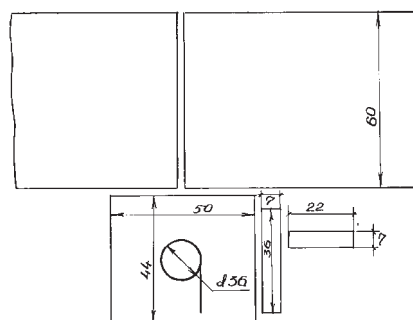
В процессе полевых исследований данной этнокультурной группы удалось зафиксировать многообразие конструкций мужской поясной одежды. По наблюдениям М. В. Швецовой, мужские праздничные шаровары в старину изготавливались из ситца (красного с зелеными и желтыми разводами), но на момент ее наблюдения, т. е. в конце XIX в., в обиход вошел плис [Швецова, 1899, с. 30]. Поясная одежда, согласно нашим полевым материалам, была известна под названиями *штаны*, *порты*, *гачи*, *чембары*, *шаровары*. Штаны (порты) из прямых и кошеных полотен с *асимметричным* расположением швов входили как в повседневный (рабочий), так и в праздничный комплексы. Их носили под рубахами на бедрах, заправляя низ в сапоги или обувь. Штаны указанного покроя определялись Г. С. Масловой как общерусские и рассматривались ею как старинная одежда [Маслова, 1956, с. 592]. Конструкция таких штанов, как уже отмечалось, не симметрична: раскошенные полотна соединяются *резами*, спускаясь острыми уголками к низу штанин (рис. 182, 185). При детальном изучении мужских портов у разных групп населения Алтая были выявлены следующие этапы их изготовления: во-первых, сшивали три полосы холщовых или пестрядинных поло-

а

б

в

Рис. 181. Рубаха из оранжевого кашемира конца XIX в. С. Бояновка Зырянского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. ПМА 1979.
а – общий вид; б – конструкция рубахи; в – раскладка кроя.

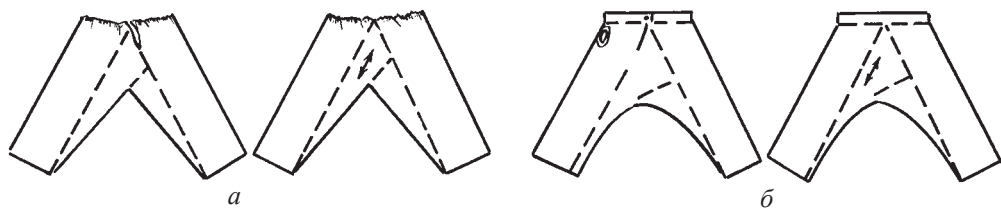

Рис. 182. Конструкция мужских штанов:

а – из пестряди. С. Шемонаиха Нарымской вол. Бийского уезда. ОГИКМ, № 3121; б – из чижовины.

С. Секисовка Владимирской вол. Бийского уезда. Музей ИАЭТ СО РАН.

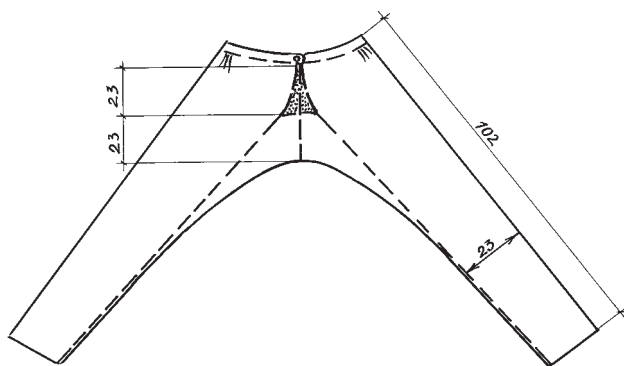

Рис. 183. Конструкция мужских штанов из конопли со вставками из хлопчатобумажной

ткани. С. Секисовка Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР.

Изготовлены в конце XIX – начале XX в. ПИМА 1979.

тен, в результате чего получалась «распашная юбка» из трех *точей*, соединение осуществлялось швом встык; во-вторых, разрезали среднее полотно по диагонали, полученные косины пришивали поперечными срезами к целым полотнам швом рубчик; в-третьих, прямые полотна перегибались вдоль по нитям основы, соединяясь с косинами швом рубчик. Наконец, в-четвертых, верхний край штанов подгибали или обшивали поперечной полоской ткани, куда продергивался гашник. Далее с правого бока прорезали карман, края которого обшивали кумачом или другим, контрастным по цвету, материалом. Сбоку, для прорехи, шов оставляли незашитым, окантовывая его также кумачом. Как видно из вышеизложенного, вся конструкция здесь была решена благодаря одному косому разрезу центрального полотна, за счет которого и осуществлялся переход от «распашной юбки» к штанам.

У «поляков» Риддерской, Владимирской вол. Бийского округа, наряду с описанными штанами, бытовали и иные, которые в готовом виде имели *симметричную* конструкцию: прямые, перегнутые (сложенные) по нити основы штанины соединялись с четырьмя клиньями по линии шага. Верхний край подгибали рубцом, куда продергивали гашник, или обшивали «по-городскому» пояском. Поясок обычно застегивался на пуговицу. Если такие штаны готовили для работы, то их

Рис. 184. Вышитые мужские штаны из плиса. Орнамент выполнен тамбурным швом. ОГИЛМ, № 3108.

шили из конопляных или грубых льняных тканей (рис. 183). Широкие плисовые штаны надевали в праздничные дни. Их расшивали тамбурными вышивками разноцветного шелка по боковым карманам и по низу, так как носили поверх обуви (рис. 184). Прорезные карманы, а также прореху спереди окантовывали полосками кумача. Если один из карманов был не прорезным, то его имитировали кантами и вышивкой. Рассмотренный вариант покроя мужской поясной одежды был зафиксирован автором и у семейских Забайкалья (ПМА 1977, № 1).

Штаны со *штанинами из кошенок полотен* отмечены у «поляков» Южного Алтая как повседневная, рабочая одежда. При раскрое этих штанов разрезали (примерно по диагонали) два уложенных одно на другое полотна, которые предварительно сметывались по краям. Получившиеся при этом остатки в виде небольших клиньев пришивались к задним полотнам, после чего стачивались боковые швы и пришивался пояс. Этот тип покроя, таким образом, отличался от вышеуказанных, так как штанины выкраивались исключительно из кошенок полотен. Абсолютно такой же покрой штанов был зафиксирован автором у семейских Забайкалья. Аналогии находим и с плисовыми шароварами, бытовавшими у русского населения Пермской обл. [Маслова, Станюкович, 1960, с. 119].

Штаны прямого покроя характеризовались тем, что конструктивную основу в них составляли прямые, перегнутые по долевой нити, штанины, которые соединялись друг с другом непосредственно или через дополнительный отрез ткани. Кошечные полотна в такой одежде отсутствовали. К этим штанам (чембары, шаровары) нами отнесены те, которые выкраивались из трех прямых полотен грубого холста, два из которых шли на штанины, а третье – на мотню-втоки. При этом штанины перегибались по нити основы, а мотня – по утку. Сшитые из трех прямых полотен чембары были такими широкими в обхвате, что при необходимости их могли надевать поверх нижних подштанников, а также заправлять полы шуб, шабуров, понитков и т. д. (рис. 185). На теле чембары удерживались с помощью конопляного гашника. Подобного покроя штаны были известны и семейским Забайкалья [Лебедева, 1973, с. 154]. У русских подобные штаны отмечены в костюме уральского казачества [Маслова, 1956, с. 593].

«Поляки» Ануйской вол., подобно чалдонам, носили в качестве праздничной одежды *шаровары*. В них, как и в чембарах, на каждую штанину отрезали прямые полотна. При этом штанины, сшивавшиеся из полутора-двух таких полотен, бывали порой настолько широки, что напоминали юбки. Для шаровар использовались дорогие ворсовые материалы (бархат, плис), шелковые и бумажные китайские ткани, а в начале XX в. – российские сатины, сукна, миткали, бумазеи и т. п.

Рис. 185. Крестьяне-старообрядцы в зимней одежде, 1912 г. Фото А. Е. Новоселова. ОГИКМ, № 4255.

Рис. 186. Мужские штаны.

а – чембары из синего сукна. С. Быково Семипалатинской губ. ГМЭ № 5158-24; *б* – кошенные штаны из пестряди. С. Усть-Чумыш Тальменского р-на Алтайского края. ПМА 1983.

[Швецова, 1899, с. 30]. В это время шаровары уже не украшались, но в тех районах, где в прошлом эта традиция бытовала, их предпочитали шить из ярких, узорчатых тканей (Верх-Бухтарминская, Ануйская вол.) (рис. 186). Шелковые и миткалевые штаны обычно подшивались с изнанки подкладочной тканью. Носили шаровары с незаправленными рубашками, заложив низки штанов в сапоги или обутки. Был известен также обычай надевать их поверх нижних кошенных штанов.

У «поляков» бытовало мнение, вполне соответствовавшее общерусской традиции, что ходить без пояса (по рубашке или верхней одежде) так же грешно, как и без креста. Пояса считались ценными подарками, их дарили родственникам, особенно по духовной линии – крестникам, кумовьям, а также при заключении брачных союзов. В конце XIX – начале XX в. пояса были

в основном домашнего изготовления: плетеные, тканые, вязаные (рис. 187–189). В зависимости от материала, способа выполнения, длины и ширины различали *покромки* (плетеные или вязаные, шириной 2–4 см), *пояса* (узкие – 1–2 см, длиной до 2,5 м) и *опояски* (широкие, 8–12 см шириной, тканые на ткацком стане) [Липинская, 1996, с. 126]. Особо ценились опояски со словесами – со словами молитвы, дарственные с посвящениями, заказные – с именем заказчика.

Головные уборы, в зависимости от используемых материалов, можно разделить на войлочные, суконные с меховой опушкой по околышу и полностью меховые. В период межсезонья и летом крестьяне носили валянные из шерсти шляпы, которые катали сами или заказывали мастерам. Они были разнообразными

Рис. 187. Свадебные костюмы.

а – свадебный костюм «поляков» Бийского уезда второй половины XIX – начала XX в. Государственный художественный музей Алтайского края; *б* – свадебный костюм из шелка. Вид сзади: д. Снегирево Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Изготовлен в первой трети XX в. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 188. Женщина с поясом закладного тканья. Г. Зыряновск, Республика Казахстан. ПМА 1979.

Рис. 189. Пояса в технике золотного шитья. Д. Быструха Владимирской вол. Семипалатинской губ. ПМА 1979 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

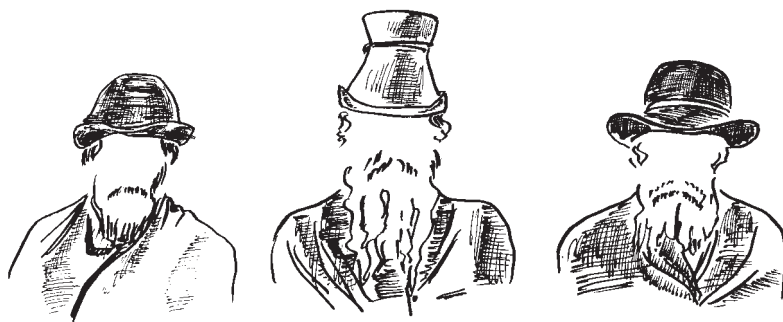

Рис. 190. Мужские головные уборы «поляков». Рисунок по фото А. Е. Новоселова, 1912 г. ОГИКМ, № 4255.

по форме: с округлой, горшкообразной, цилиндрической тульей, без полей, а также с узкими или широкими полями (рис. 190). Стариковскими считались шапки с высокой и сложной по форме тульей – усеченной конусообразной, расширяющейся вверх, в виде песочных часов и пр. Тульи шляп молодых людей, особенно женихов, было принято украшать пуговицами, лентами, гарусом, позументом, перьями, полевыми или садовыми цветами [Лебедева, 1974, с. 217]. Высокие столбообразные шапки сохранились у «поляков», видимо, как пережиток старорусских головных уборов XVI–XVII вв. [Громов, 1979, с. 209]. Этому не могли не способствовать указы Петра I о необходимости носить в присутственных

местах «шапку высокую» (Указ от 22 апреля 1722 г.) [Собрание постановлений..., 1860, с. 43, 62, 79]. В XIX в. уборы рассматриваемого вида бытовали также в белорусских, западноукраинских костюмах [Раманюк, 1981, с. 217].

Зимние головные уборы соответствовали природно-климатическим условиям Сибири. Помимо известных у чалдонов *долгоушек*, *ушанок* «поляки» носили *малахаи*, или *треухи*. Этот головной убор шили с цилиндрической тульей из сукна и четырьмя лопастью из меха, которые в опущенном положении закрывали лоб и затылок.

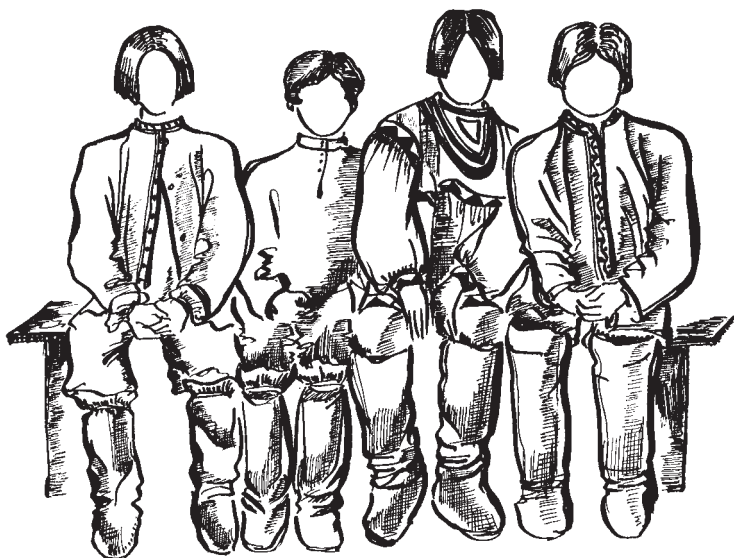
Рис. 191. Мужчина в конфедератке. С картины А. О. Орловского «Сбитенщик», 1824 г.

Уборы типа польских конфедераток носили пожилые крестьяне. Эти шапки с высоким околышем из бобровых, бараньих или лисьих лапок, каракуля имели четырехугольный верх (см. рис. 47, 191). «Старики носили конфедератки. Из бобра околыш, сверху материал и матерчатый крест», – рассказывал нам в 1988 г. коренной житель с. Солонешное Алтайского края Иван Павлович Новиков (1906 г. р.). Благодаря четырехугольной форме их прозвали «четыре апостола». Как нам объясняли, «четыре угла» обозначали четырех ангелов, а верхняя покрывка – самого Спасителя. В первом десятилетии XX в. зимние шапки-конфедератки уже практически вышли из употребления, хотя память о них сохранили пожилые люди. Четырехугольные шапки бытовали на прежней территории обитания «поляков» – Брянщине, Гомельщине, откуда, вероятно, они и были завезены в Сибирь. Примечательно, что аналогичного вида шапки были известны и у русских, живших в местности вдоль течения р. Туда Тверской губ. – местности, называемой в народе «Польшей» [Гринкова, 1926, с. 85]. Сравнительно позднее распространение эти шапки получили в тех районах России, где население занималось извозом (в Ярославской, Архангельской губ.).

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Большое влияние на верхнюю одежду старообрядцев оказали указы Петра I, особенно суровые в отношении присутственного платья: «...платье самое старинное, долгое, с долгим ожерельем и нашивками на грудях, по четверти на боках, на подоле прорехи с петлями ж...» [Собрание постановлений..., 1860, с. 43, 62, 79]. Приведем еще такую цитату: «...зипун со стоячим клеевым козырем, ферзи и однорядку с лежащим ожерельем, только раскольникам носить у оных козыри красного сукна, для чего платья им красным цветом не носить» [Там же]. Совершенно очевидно, что постановления способствовали консервации у «поляков», как и у других старообрядцев, старорусской одежды XVI–XVII вв., поскольку на местах прежнего местожительства старообрядцев местное начальство Стародубской канцелярии старалось следовать им как можно точнее [Лилеев, 1893, с. 127].

Для верхней одежды парней и молодых мужчин были характерны вышивки, что не было принято в костюме пожилых и стариков (рис. 192, 193). Кроме того, пожилые люди надевали поверх кафтанов халатообразные виды одежды, а парни шеголяли в одних кафтанах. В начале XX в. кафтаны (*моленные халаты, однорядки*) входили в праздничные и моленные комплексы «поляков». Для рассматриваемого периода эта одежда была известна исключительно как принадлежность мужского костюма. Женщины-старообрядки стали носить кафтаны с тех пор, когда им пришлось из-за отсутствия мужчин выполнять функции «духовных отцов» («наставников», «стариков»). На фоне прочих старообрядцев «поляки» выделялись употреблением в качестве верхней одежды *балахонов* из синего крашеного холста, украшенных вышивками по проймам, плечам, стоячему во-

*Рис. 192. Группа юношей-«поляков» в присутственной одежде. Рисунок по фото
А. Е. Новоселова, 1912 г. ОГИКМ, № 4255-8.*

*Рис. 193. Мужская старообрядческая подоболочка. Д. Быково Семипалатин-
ской губ. ГМЭ, № 5158-36.*

ротнику. В дождливую погоду они надевали короткие куртки, курточки, сшитые «в талию» и украшенные вышивкой, шнурами.

В конце XIX – начале XX в. в качестве рабочей и повседневной одежды «поляки» носили халатообразные зипуны, шабуры, понитки без плечевых швов. Для лучшей посадки делали плечевые вытачки, которые в надетом виде смещались на спину. Все же основным видом верхней одежды, как и у других старожилов, были халатообразные зипуны, шабуры, понитки с плечевыми швами (рис. 194, 195). Повседневные шубы, полушубки, тулупы у «поляков» не отличались от аналогичных видов одежды остальных сибирских старожилов, но те варианты, которые предназначались для праздников, выглядели наряднее: мерлушчатые или овчинные шубы крылись китайкой, дабой, мелестином, сукном, бархатом, опушались по бортам мехом выдры. Особенно красивыми считались

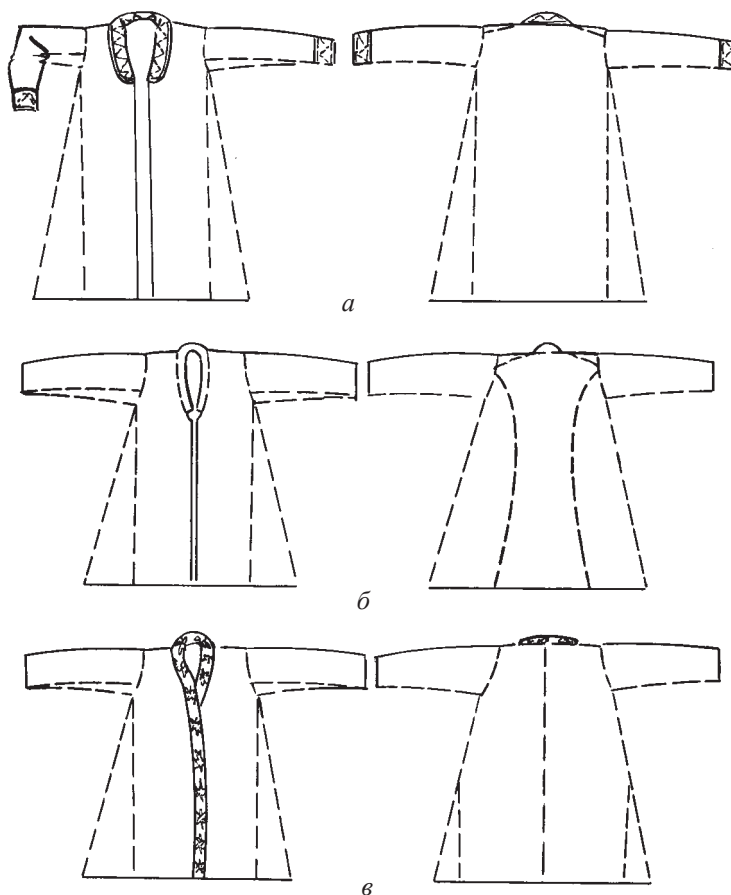

Рис. 194. Конструкции верхней одежды «поляков». ПМА 1981.

а – шерстяной зипун. Д. Быструха Владимирской вол. Бийского уезда; *б* – шабур. Д. Бутаково Пригородного р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан; *в* – простеганный на вате халат, оттуда же.

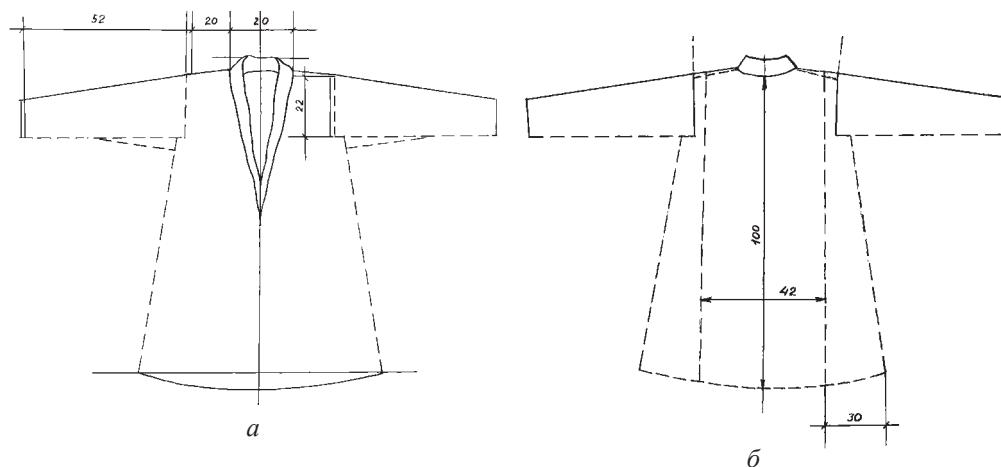

Рис. 195. Верхняя одежда из понитчины – шабур. Д. Мало-Убинка Владимирской вол. Бийского уезда. Изготовлен в начале XX в. ПМА 1981.

а – конструкция спереди; б – конструкция сзади; в – общий вид.

шубы и полушубки с полами, расшитыми вдоль краев и по подолу вышивками, шнурами, тесьмами. Во время зимних выездов укутывались в тулупы, дохи. Таким образом, нашими полевыми материалами не подтверждаются наблюдения М. В. Швецевой об отсутствии у «поляков» зимних шуб.

Для зимы шили также стеганные на шерсти и крытые шелком *халаты*, *чапаны*, у которых ворот, края бортов, а также низ обшивали полосками плиса или бархата (см. рис. 194, в). Эти аппликации обычно украшали вышивками, выстрачивали узорными строчками.

Женщины-«полячки» шили халаты и целиком из бархата, расшивая их разноцветной тесьмой. В конце XIX в. старики, по свидетельству М. В. Швецевой, носили простеганные халаты старинного покроя – с высоким воротником и *наплечниками*, вышитыми разноцветными нитками [Швецова, 1899, с. 30]. Сохраняли они и такую традицию старинной русской одежды, как длинные рукава, которые присутствовали как в крытых, так и нагольных шубах, защищали руки в морозные дни. Эти виды одежды имелись и у родственной «полякам» группы семейских Забайкалья (ПМА 1977, № 1, л. 11). Верхнюю одежду подпоясывали широкими, до 12–14 см, поясами-опоясками, ткаными на кроснах (*узоры выбираные*).

НАВЕСНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ (УКРАШЕНИЯ)

Отношение «поляков» к украшениям в костюме наглядно демонстрирует, как протекали процессы отказа от народных традиций под влиянием старообрядческих духовных наставников. Во второй половине XIX в. в среде «поляков» еще встречался архаичный способ ношения гайтанов поверх рубаш, но более распространенным был обычай прятать их за пазуху. *Гайтаны*, низанные разноцветным бисером или в виде плетеной тесьмы с висющими на них крестом и *ушекоткой*, носили и мужчины, и женщины. Основными мотивами узоров гайтанов являлись кресты, свастика, ромбы. Края обшивали плетеными тесьмами-*плетешками* из шерсти, шелка (рис. 196).

«Полячки» имели склонность к богатым нагрудным украшениям, чем отличались от кержачек и многих других старообрядок юга Западной Сибири. М. В. Швецова писала об этих украшениях так: «*Бисера*, т. е. ожерелья, очень разнообразны, начиная от золотых и серебряных монет до дешевеньких стеклянных бус...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 61. Л. 57). Большое количество поднизей считалось красивым: на праздники иные любительницы украшений надевали по 5–8 штук *бисеров*, ян-

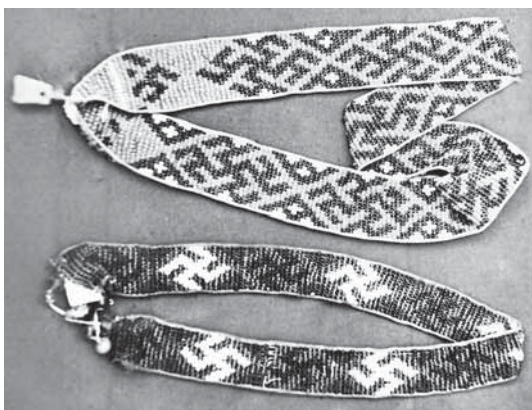

Рис. 196. Мужские гайтаны, низанные бисером. Д. Язовая Верх-Бухтарминской вол. Бийского уезда. ПМА 1978 (рук. экспедиции Л. М. Русакова). Музей ИАЭТ СО РАН.

Рис. 197. Стеклянные бусы и бисерный гайтан. Восточно-Казахстанская обл. Республики Казахстан. ПМА 1978.

тарей, которые, случалось, доходили до самого пояса (рис. 197). Несмотря на сложившуюся издавна традицию, наставники смотрели на бисерá как на греховное искушение, которому не следовало поддаваться. Нагрудные украшения были особенно яркими у молодых женщин, девушки надевали более скромные, а пожилые не носили их совсем.

Во второй половине XIX в. «полячки» носили поверх рубахи старинный вид нагрудных украшений – *ряску*. Ряска представляла собой круглую пелерину из разноцветного бисера, стекляруса. Ее плели сеточкой, создавая геометрические узоры – ромбы, кресты, концентрические ромбы. Подобные украшения свидетельствуют о включенности южнорусских традиций (рис. 198).

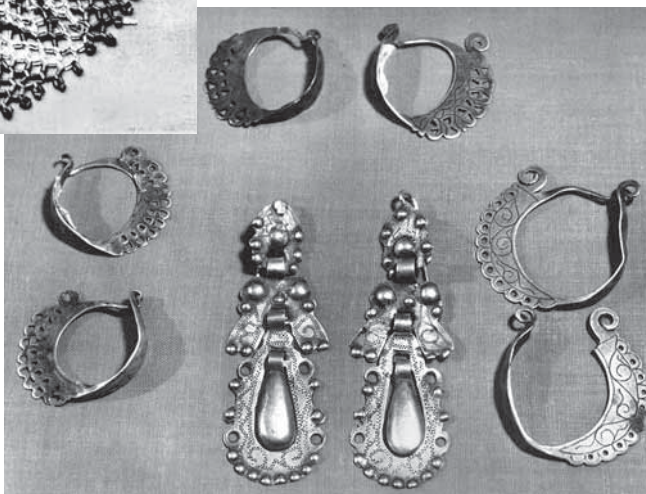
Негативно относились старообрядцы к серьгам из драгоценных (золото, серебро) и прочих металлов, которые были привезены с прежних мест жительства и передавались в семье по наследству или изготавливались местными мастерами. Молодые женщины и в отношении этого вида украшений отступали от запретов духовных наставников и носили, бывало, по две пары серег разной формы. Распространены были серьги в виде крупных колец (*дутые, плескатные, с гребешком*), а также плоские с длинными подвесками, с использованием цветного стекла (рис. 199).

Еще в конце XIX – начале XX в. сохранялись старинные славянские украшения с птичьим пухом, перьями, цветами. Гусиные *пушкí* валяли в муке, комочки

Рис. 198. Женское украшение – ряска из стекляруса. Д. Белое Верх-Бухтарминской вол. Томской губ. ОГИКМ, № 2243.

Рис. 199. Типичные для региона женские украшения – серебряные серьги.

просушивали и, надевая на иглу, прикрепляли к серьгам. Перья домашней птицы, обычно селезня (*косички, кудри*) девушки подтыкали спереди под шаль, называя это *чёлкой*. Украшения цветами живописно описаны М. В. Швецово: «Главным украшением являются цветы, преимущественно живые... и искусственные. Их носят и мужчины, и женщины на головных уборах и поясах, благодаря чему «хоровод», как здесь называют собирающуюся на игрища толпу молодежи, парней и девушек, кажется живым, движущимся цветником: цветы на головах, милостивые цветущие лица девушек, яркие колеры одежды – все это гармонирует одно с другим и не режет глаз, составляя художественное целое с зеленой лужайкой, залитой горячим светом почти южного солнца» [Швецова, 1899, с. 34]. Молодые женщины накалывали на шали *броши*, которые в этом случае совмещались с цветами или заменяли их (см. рис. 168). Украшены также были и костюмы парней, молодых мужчин, которые втыкали за околыш шляпы перья, цветок или яркую конфетную бумажку.

На троицкие гуляния, «на полянку» молодые люди надевали по несколько колец, которые им на один вечер одалживали девушки, сердечно расположенные к ним. У каждой девушки имелись колечки, перстни. Как писала по этому поводу М. В. Швецова, «разве какая из бедных решится выйти на игрище без колец на пальцах». Обязательно носили колечки замужние женщины. Обилие подобных украшений не только служило выражением чувств, свидетельствовало о состоятельности семьи, но и донесло до нас древние славянские традиции земель Брянщины, Гомельщины.

ОБУВЬ

Обувь у «поляков», помимо общих для старожилов чирков (обуток) и пимов, включала плетеные лапти. Во Владимирской, Риддерской вол. лапти обували при выполнении ряда работ, где они были удобны (на сплаве леса, на сельскохозяйственных работах). При неблагоприятных условиях эксплуатации этой обуви хватало на неделю. Различие повседневной и праздничной обуви заключалось в степени изношенности: новую надевали в праздники, на моления, поношенную носили в будни, в ней управлялись по хозяйству.

В мужских чирках кожаные или холщовые голенища подхватывались ткаными поясами или кожаными ремешками с металлическими наконечниками. Для удобства обувь также подвязывали в петли у щиколотки. Такие пояски с узорами ткались просватанными девушками, наряду с собственно поясами для своих женихов.

С женскими вариантами чирков, т. е. без голенищ, надевали шитые или вязанные из отбеленного льна чулки, которые подвязывались под коленями веревочками. Отличительной чертой рабочей обуви «полячки» было ношение чирков с *голяшками* (голенищами). Ранее, по рассказам информантов, в середине XIX в.

не только женщины, но и мужчины носили узорчатые чулки из разноцветной шерсти, обшитые по краю бахромой, которую выпускали поверх сапог. Зимой под высокие сапоги *бутылы* мужчины надевали мягкие валяные чулки-*потники*, которые расшивали розовой и белой шерстью.

Старинную невыворотную обувь *чоботы* шили из жестких бычьих или коровьих кож, подбивая подошвы деревянными гвоздями. В чоботах хозяйничали во дворе, ухаживали за скотом, обували в дождливую погоду (сыромятная кожа не пропускала воду).

Помимо пимов, мужской зимней обувью были *ичиги*, конструктивно не отличавшиеся от чирков, но изготавливались они из овчин шерстью внутрь (перед и голенище) и кожи (носок, задник, подошва, кайма по краю голенища).

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

До 4-5 лет дети бегали дома в рубашках с поясами, позднее костюмы различались соответственно полу. В группе старообрядцев-«поляков» одежда детей 9-14 лет уже была практически такой же, как у взрослых, включая украшения (рис. 200). На головы девочки-подростки повязывали украшенную головную повязку – *примазенку*.

Рис. 200. Группа детей-«поляков» из Змеиногорского уезда Томской губ., 1912 г.
Фото А. Е. Новоселова. ОГИКМ.

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

На невесту к венцу накидывали красное покрывало или реписовые, кашемировые шали с кистями в роспуск. По мнению Е. Г. Кагарова и ряда других исследователей, свадебное покрывало имело в costume невесты апотропейное значение, это был «универсальный прием защиты от сглаза и злых духов» [Кагаров, 1917, с. 648]. Именно такую функцию покрывала выполнял «поляцкий» платок (из коллекции А. Е. Новоселова) – к его четырем углам прикреплены по три ажурных поднизи из разноцветного бисера с колокольчиками. Вдоль краев платок также украшен бисерными низками с небольшими кисточками (ОГИКМ № 3841). М. В. Швецова писала, что более обеспеченные люди делают подвенечное покрывало довольно длинным, длиной в три аршина, употребляя для этих целей тонкую кисею, коновату [Швецова, 1899, с. 33].

Свадебный обряд сопровождался переодеваниями, для чего, помимо венчального платья, готовили «переменные парочки». Надевали те же виды одежды, что и в праздники, но сшитые из хороших покупных материалов. В случае использования холста одежду расшивали мастерски выполненными вышивками, украшали вязаными кружевами, позументом и пр. «Полячки» Ануйской вол., наряду с переодеванием, после венца проделывали следующее действие: подбирали сарафан и подтыкали вдоль пояса маленькими складками-куколками. Наверное, будет логичным предположить, что этот элемент имел особое значение в costume невесты. Традиция надевания невестами передников-нарукавников с открытыми спинками, по нашим сведениям, также символизировала переход от девичества к брачной жизни. Costume жениха включал нарядную расшитую рубаху-тунику, порты, широкую опояску, шляпу, украшенную разноцветным гарусом, бисером, красным сукном (см. рис. 187, а).

В конце XIX в. сохранился обычай изготовления невестой холщовой вышитой рубахи в виде туники и вручения этой рубахи жениху [Швецова, 1899, с. 31]. Одежда жениха и невесты на второй день свадьбы была в значительной степени символичной: если невеста оказывалась «честной», то ей повязывали на голову красный платок, а жениху на руку красную ленту. Красными платками могли «отметиться» также крестная невесты и вся родня с ее стороны. В случае «нечестности» невесты ее родственникам по женской линии повязывали на головы белые платки.

Одежда, предназначавшаяся для надевания в молельню, имела название «моленной». Мужчины имели для этого случая рубаху-косоворотку, черную подболочку или поддевку, шаровары, пояс (*пояс крученный*). Молодые крестьянки шли молиться в косоклинные сарафанах и поликовых рубахах, на голову надевали кичку, кокошник и накидывали кисейное покрывало. «Перед образом Божиим в сарафане стою», – с гордостью рассказывала Анна Антоновна

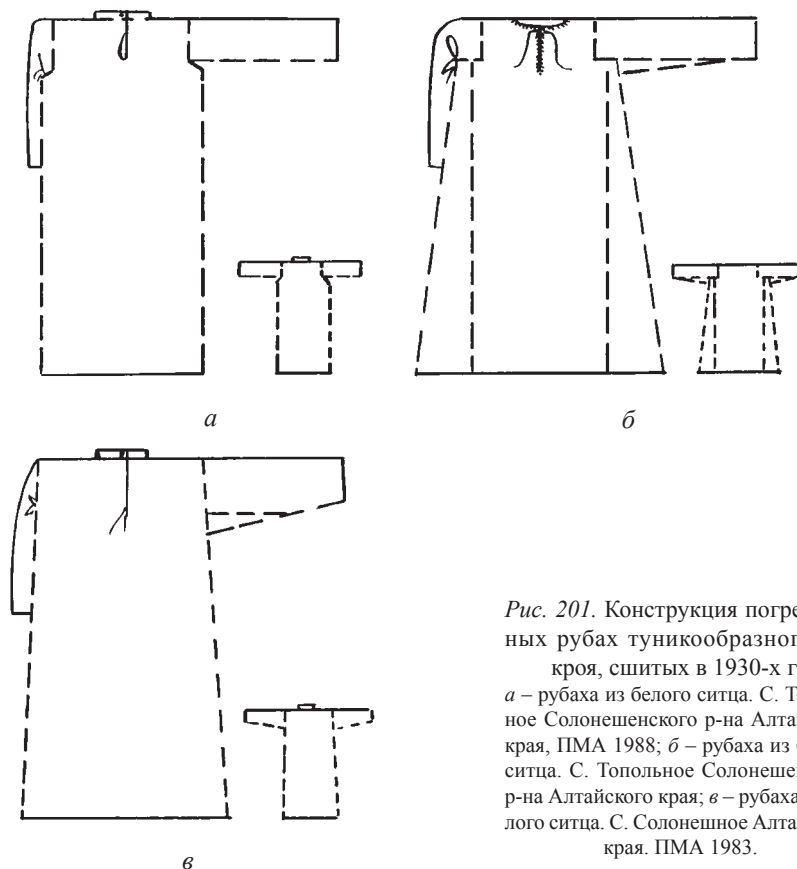

Рис. 201. Конструкция погребальных рубах туникообразного покроя, сшитых в 1930-х гг.

а – рубаха из белого ситца. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края, ПМА 1988; *б* – рубаха из белого ситца. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; *в* – рубаха из белого ситца. С. Солонешное Алтайского края. ПМА 1983.

Филиппова* (ПМА 1988. № 14. Л. 22). Пожилые женщины дополняли костюм подболочкой. Одним краем большого платка-покрывала могли обвязываться вокруг лица, скрепляя его под подбородком застёжкой. В период постов придерживались обычая носить одежду темных расцветок, в праздники – наоборот, предпочитали яркие цвета.

На похороны девушки и женщины приходили в одежде неярких расцветок, в белых кисейных покрывалах, накинутых (в развернутом виде) на голову и подколотых под подбородком. В погребальном костюме «поляков» значение «своего рукоделья» сохранялось вплоть до недавнего времени. *Саван, крышку с подстилкой* (холстинки), туникообразную рубаху, косоклинный или кошенный сарафан (у женщин), штаны (у мужчин), обутки шили из сурового полотна, а платки и накидки на голову из тонкого «ленного» полотна (рис. 201, 202). Погребальная обувь – обутки – по внешнему виду напоминала кожаную,

*Филиппова Анна Антоновна (1918 г. р.), д. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края. Относится к Спасову согласию. Называет себя «отписной», «славянской».

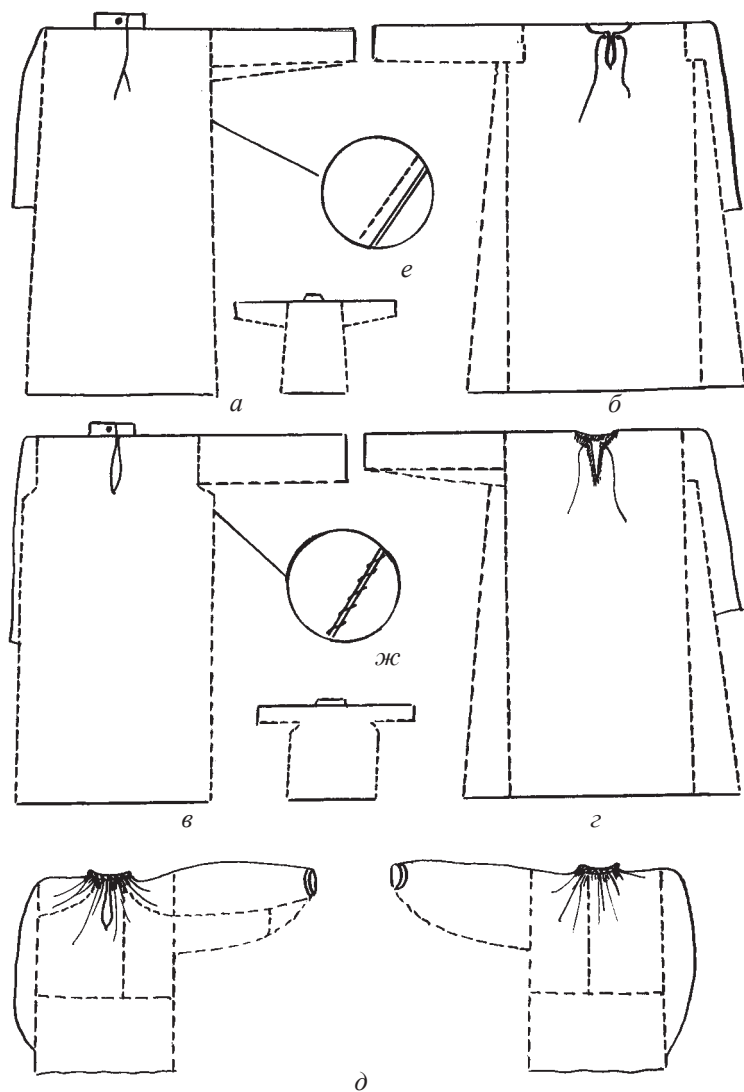

Рис. 202. Конструкции погребальных рубах.

а – рубаха. С. Солонешное Алтайского края; *б* – рубаха. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; ПМА 1988; *в* – рубаха. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; ПМА 1988; *г* – рубаха. Д. Катанда Усть-Коксинского р-на Республики Алтай. ПМА 1981; *д* – рубаха. С. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края; *е* – шов «живулька»; *жс* – шов «встык», или «через край». ПМА 1988.

но отличалась наличием центрального, вдоль стопы, шва. Такая обувь могла быть также вязаной.

Перед шитьем холсты обязательно прополаскивали в реке. Ни в коем случае не использовали холсты, тканые из «греховной» пряжи, т. е. спряденной

в Святки. К изготовлению такого вида одежды предъявлялись особые требования: как уже указывалось, ее полагалось шить своими руками («Грех на машинке шить»). Если при шитье свадебной или другой одежды использовались обычные швы *втачку*, *замок*, *рубчик*, *слепой* и др., то погребальный комплекс шили только стежком вперед иголкой, или *живулькой*. Объяснение по поводу этого обычая нам удалось услышать несколько раз: «Чтоб с того света не вращивался» (ПМА 1978). Однако встречались информанты, которые указывали на более детальную дифференциацию в технологии. *Смертное*, заготавливавшееся впрок, шили стыковым слепым швом, соединяя полотна косым стежком через край. Для *смертного*, которое приходилось шить для неожиданно умершего человека, использовали шов *живулькой*. Подобные различия в изготовлении погребальной одежды, скорее всего, были наследием прошлого, когда покойников делили на «чистых» (умерших своей смертью) и «заложных» (умерших не своей смертью) [Зеленин, 1917, с. 399]. Следует еще добавить, что при изготовлении погребальной одежды соблюдался принцип некоторой «недошитости»: нитки в иголке не завязывались узелками. Этот же принцип прослеживался в обычае не заканчивать швы в рубашках, штанах, саванах, что делалось, видимо, с охранными целями. Некоторые из наших информантов считали, что если заготовленную впрок одежду дошить до конца, то человек может умереть раньше времени.

«Полячки», в отличие от остального старообрядческого населения, расшивали смертные костюмы красным льном. Орнаментальные мотивы располагались по вороту, поликам, низу рукавов. Информанты не раз подчеркивали, что «на смерть» шили «пропускное», не делали горизонтальных швов. Кроме того, в погребальных рубашках и штанах отсутствовали красные и иных цветов ластовицы, что отличало их от повседневных и праздничных. И в мужском, и в женском костюмах рубашки подпоясывали поясом, не завязывая узелков (перекидывали концы). Рассказывали, что покойника можно подпоясывать по телу, под рубахой.

В одежде этого назначения у «полячек» присутствовали рубашки со слитными поликами, известные в этнографической литературе как «бесполиковые» (рис. 203). В *смертных* комплексах такие рубашки изготовлены из белого льна. Стан выкраивали *цельным* из двух-трех полотен холста, ворот завязывали на тесемки. Рукава в бесполиковых рубашках кроили заодно с поликами и пришивали непосредственно к вороту. Полики, таким образом, соединялись со станом по утку. В качестве погребальных рубах были известны и такие, в которых полотно, равное по длине двум рукавам и одному полику, разрезали по уступообразной линии и, срезав клин, пришивали к этому же полотну. Прямые полотна стана в этих рубашках как бы вставлялись в «уступы» рукавов.

Саваны, будучи необходимым атрибутом погребальных костюмов, могли иметь некоторые конструктивные отличия, но по форме всегда напоминали мешок (рис. 204). У «поляков», в отличие от кержаков, не повивали (не перекре-

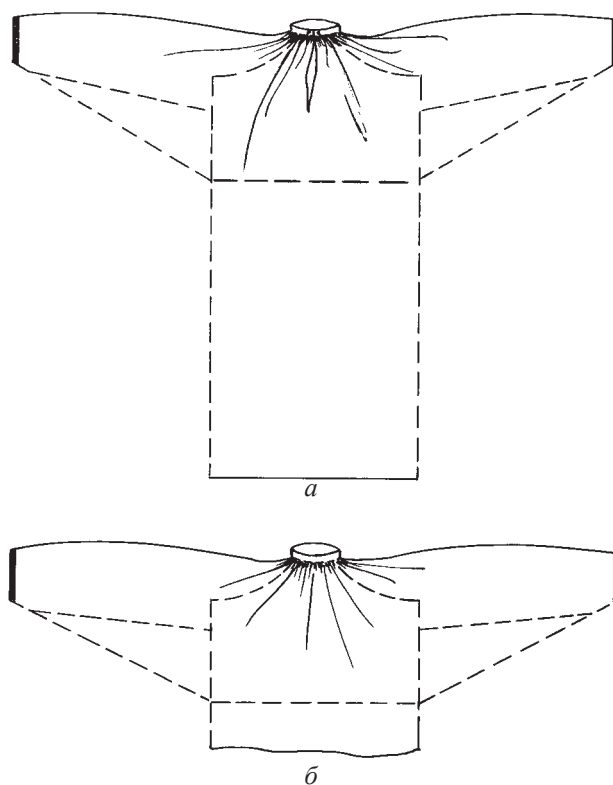

Рис. 203. Конструкция женской погребальной рубахи из холста. Изготовлена в 1902 г., в д. Быструха Владимирской вол. Филиал Восточно-Казахстанского историко-этнографического музея, № ГИК-IX.
а – вид спереди; б – вид сзади.

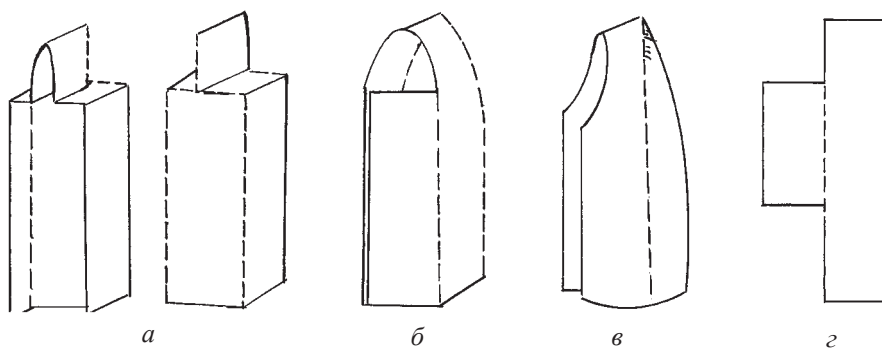

Рис. 204. Конструкции погребальных саванов из белого холста.
а – саван. С. Секисовка Владимирской вол., начало XX в. ПМА 1978; б – саван. Г. Зыряновск Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан, 1920-е гг. ПМА 1979; в – саван. С. Захарово Залесовского р-на Алтайского края, 1920-е гг.; з – саван. Змеиногорский уезд Томской губ., конец XIX – начало XX в. ОГИКМ, № 3137.

шивали) саваны жичками – веревками из домопряденной шерсти. По воспоминаниям, «поляки» укрывали умершего полами савана. «Поляки» Ануйской вол. также не повивали, но укладывали жичку поверх савана в виде большого креста (а точнее, крупной крестообразной фигуры). Умерших девушек обряжали одним платком поверх расчесанных и сколотых «кустиком» волос или легким покрывалом с венчиком на очелье, концы которого не скреплялись («Волосы не заплетали, так как не венчана»).

Благодаря археологическим находкам было установлено, что на территории нашей страны существовали кожаные саваны. В Европейской России и на Украине накидки саванообразного покроя были известны в качестве не только погребальной, но и свадебной одежды [Маслова, 1984, с. 90]. Л. Нидерле считал, что слово «саван» имеет славянское происхождение [Нидерле, 1924, с. 139]. Подобные мешкообразные виды одежды, видимо, восходят к широко распространенным в прошлом у многих народов плащам, которые в реликтовой форме сохранились в свадебно-похоронной обрядности.

В изучаемый период времени на шею умершим еще вешали гайтаны в виде плетеных из холщовых ниток косичек с крестом и ушекопкой (маленькой деревянной палочкой для чистки ушей). Эти атрибуты, известные по славянским археологическим материалам XI–XII вв., отражали восходящие к глубокой древности взгляды крестьян на загробную жизнь как логическое продолжение жизни земной [Седов, 1982, с. 266–267].

Глава седьмая

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ СЕВЕРНОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (Архангельской, Тверской, Вологодской, Пермской, Вятской и пр.)

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ

Выходцы с Русского Севера представляли в основном Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую губ. По данным сельскохозяйственных анкет 1916–1917 гг., выходцы из северорусских губерний проживали «вкраплениями» на территории Барнаульского, Каинского, Томского уездов (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 131. Св. 38. Л. 1–124; ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 117. Св. 15. № 24, без нумерации 100 д/х; ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 326. Св. 28. Л. 1–255).

Вятские переселенцы, по данным П. А. Голубева и П. М. Головачева, в 1860–1870-х гг. составляли основной контингент мигрантов в Сибирский регион [Голубев, 1892, с. 148, 159; Головачев, 1894, с. 31–59]. По данным Н. М. Ядринцева, вятские переселенцы с 1870 по 1879 г. по количеству переселившихся в Томскую губернию занимали первое место [Ядринцев, 1880, с. 129].

Анализ современных этнографических материалов подтверждает исторические сведения о приоритетном направлении в заселении вятскими переселенцами Алтайского горного округа, а именно Барнаульского уезда (по нашим данным, д. Александровка, Маслянино, Пеньково, Изырак Николаевской вол.; Легостаевская, Верх-Чумышская вол. и пр.). Н. А. Ваганов сообщал, что в большинстве своем эти переселенцы представляли собой мигрантов из Котельнического (Гвоздевской, Игуменовской вол.), Сарапульского (Ижевско-Нагорной вол.), Орловского уездов Вятской губ. [Ваганов, 1882, с. 97].

Потоки переселенцев из **Пермской губ.** по массовости были в 1850–1860-х гг. на десятом месте, в 1870-х гг. на пятом [Ядрин-

цев, 1880, с. 129]. В 1885–1889 гг. выходцы из Пермской губ. занимали по численности в общем переселенческом потоке второе место (8 %), в 1890–1894 гг. – шестое место (15 %), в 1895–1899 гг. девятнадцатое место (10 %), в 1900–1904 гг. двадцатое (7 %) место [Переселение в Сибирь, 1906, с. 16]. Значительное количество приехавших составляли жители Чердынского, Осинского и Соликамского уездов Пермской губ. [Ваганов, 1882, с. 5, 7]. В Перми до революции была известна ул. Сибирская, через которую шел Сибирский тракт. Отдельные домохозяйства пермских переселенцев отмечены анкетами сельскохозяйственной переписи населения за 1916–1917 гг. по Томскому и Каинскому уездам (пос. Рыбкинский Гондательевской вол., с. Чулымское Иткульской вол., с. Скалинское Чаусской вол. и пр.). Очень редко выходцы «с Перми», заселив населенный пункт, были в преобладающем числе (как, например, с. Киряково Гондательевской вол. Томского уезда).

В старожильское с. Киряково Гондательевской вол. Томского уезда и губернии в 1916–1917 гг. к местным сибирякам на протяжении 1881–1912 гг. приезжали выходцы из Пермской губ. Носители фамилий Киряковых, Телеповых в архивных списках значились и как старожилы, и как переселенцы из Пермской губ. (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 117, № 25, без нумерации 73 д/х). Судя по архаичным, характерным для старообрядцев, именам (Маркел, Иов, Ивоила, Сафон, Логин, Моисей), Киряковы являлись местными кержаками, что также было подтверждено в ходе полевых этнографических работ. Случалось, при записи происходила путаница: например, Киряков Феодот Филиппович (№ 55 д/х) сначала по ошибке был записан старожилом, затем исправлен на «переселенца из Пермской губернии». Логично предположить, что к единоверцам Киряковым-старожилам периодически подъезжали семьи Киряковых-переселенцев из Пермской губ. Из 73 домохозяйств Киряковы составляли большинство (в количестве 18 домохозяйств), треть из которых числилась по переписи старожилами. В 1902 г. в село приехала многочисленная группа вятских переселенцев, в итоге составивших 11 домохозяйств. Остальные вновь прибывшие находились в меньшинстве: восемь семей из Гродненской губ., по одной семье из Воронежской, Волынской, Ковинской, Минской, Тамбовской губ.

В отличие от вятчан, выходцы из Пермской губернии плохо сохранили семейные предания о малой прародине, довольно быстро забыли свою «пермскую» идентичность, вследствие чего быстро растворялись в среде старожильского населения. В ходе полевых работ не обнаруживаются даже «края» с названиями «Пермь», то есть с указанием на компактное поселение североуральцев [Фурсова, 2004, с. 95–97].

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, МАТЕРИАЛЫ

Первое поколение приехавших в Сибирь северных русских (**архангелогородских, вологодских, костромских, тверских**) еще донашивало привезенную с малой родины одежду. Основным материалом считался холст домашнего из-

Рис. 205. Праздничный севернорусский (поморский) костюм из шелка. Историко-архитектурный и художественный музей-заповедник Кижи.

готовления. Женщины из переселенческой среды, как, например, В. А. Сажина (1928 г. р.) из с. Кочекорино Большерецкого р-на Омской обл., утверждали: «У чалдонок-сибирячек, у их всё покупное было, а мы всё холщовое носили» (ПМА 2007). Потомок вологодских переселенцев – А. С. Паршикова* могла с первого взгляда по одежде отличить чалдонок от своих «расийских», хотя считала, что у них было много общего. Приведем ее рассуждения на эту тему: «Сарафаны больше расийские носили. Сибирячки, как и мы, юбку с кофтой. У хахлов понявы были. Расийские отличались, а мы с сибиряками в костюмах ближе были. Чалдоны как поаккуратнее, шили по моде...» И далее: «Отличались от чалдонок, у них было свое заведение. Они одевались, хоть и также, но идет не такая уж как мы...» (ПМА 1990. № 1. Л. 54 об.) (рис. 205).

Тверчанка Анна Ивановна Кондратьева (урожденная Жилкина), привезенная в 1908 г. в двухгодовалом возрасте из Тверской губ., рассказывала, что ее мама и бабушка неизменно ходили в привезенных сарафанах на узких лямках. По покрою эти сарафаны, однако, отличались от сибирских тем, что имели отрезную верхнюю (нагрудную) часть, а присборенный по талии подол состоял из 4–6 прямых полос ткани (рис. 206). Если повседневные сарафаны шили из тканей домашнего производства, то на праздничные старались купить различные ситцы, сатины, дешевые шелка (рис. 207). Однако сама Анна Ивановна одевалась уже в соответствии с местной молодежной модой – в кофты и юбки.

*Паршикова Анна Степановна (1907 г. р.), д. Усть-Луковка Ордынского р-на Новосибирской обл. Родители приехали с «Волговской» губ. Родители мужа – из Курской губ.

Рис. 206. Сарафан из домотканой пестряди с лифом. Д. Травное Новосибирской обл. Новосибирский государственный художественный музей. На узких лямках, застегивается спереди на две пуговицы.
а – общий вид; б – деталь.

Рис. 207. Праздничная парочка (сарафан с рубахой) из шелковой ткани, украшенной вышивкой. Рубаха поликового покроя, сарафан прямой, бористый, на узких лямках. НГКМ.

Переселенкам приходилось прясть и ткать значительно больше, чем старожилкам, о чем даже пелось в песне: «Не вы бы кросна, не хворать бы мне молодой...» (ПМА 1989. № 16. Л. 65 об.). **Костромчанка** Ольга Павловна Симакова вспоминала, что ее мама носила в 1905–1906 гг. «сарафан из сводедельщины в четыре ниченки», головной убор типа кички-сашмуры (ПМА 1989. № 16. Л. 2 об.) (рис. 208). Повседневно носили холщовую рубаху (верх – рукава, низ – становина) с домотканой юбкой. При полевых работах, на покос надевали холщовую рубаху-станинку с поясом. Если работали всей семьей, т. е. с участием детей и мужчин, то из этических соображений надевали сверху юбку.

Потомки **вологодских** переселенок также в основном помнили холщовые юбки и рубахи как основную одежду своих матерей, о сарафанах сведений практически не сохранилось (рис. 209). Украшать одежду вышивками, как считали информанты, не было принято, но «узоры вытыкали». Юбку шили из клетчатой или полосатой пестряди: «Любо посмотреть! Всякими красками ткали, да еще с уборкой! Вверху борами шло» (ПМА 1990. № 1. Л. 54). Юбки, как и у старожилков, были широкие и длинные, но без «хвостов». Открытые ноги считались верхом неприличия, поэтому говорили с укором такой «бесстыднице»: «Ты чего, Настасья, лыдки голки оставила?» По покрою юбки были прямыми и, при на-

Рис. 208. Женский головной убор (кокошник) переселенцев из Костромской губ. Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

а – общий вид; б – вид сверху.

б

а

Рис. 209. Вологодские переселенцы из д. Сушиха Ордынского р-на Новосибирской обл. Фото из семейного альбома. ПМА 1991.

личии широких бёрд, на юбку хватало двух полос, при узких бёрдах требовалось три (ПМА 1990. № 1. Л. 54). Поверх рубахи и юбки надевали холщовые-*пестринные* или сатиновые кофты с застежкой спереди. По покрою они относились к одежде с плечевыми швами, имели длинные рукава. В будни повязывались холщовыми фартуками «с уборкой», в праздники, на службу в церковь их заменяли чистые, вышитые по низу подола («выше уборки»). Для полевых работ имелись холщовые *нарукавники* и *поголешки*

для защиты рук и ног от порезов и царапин. И те и другие шились в виде короткого рукава с завязками с двух сторон. «Нарукавники завязывали во всю длину руки для вязки снопов. В поголешках по полю ходили, там ведь репуха».

Девушки заплетали косу, в которую вплетали одну или несколько разноцветных лент. На свадьбе молодую покрывали *уалью*, после чего в статусе замужней женщины ей полагалось носить платок «по-бабьи» (концы завязаны назад или под подбородком). Женщины из Вологодской и других севернорусских губерний старшего поколения в 1920-х гг. были окручены шашмурами с платками, в которых их и хоронили (ПМА 1990. № 1. Л. 54). Второе же поколение рожденных в Сибири от ношения шашмур отказалось. Расшитые золотыми или серебряными нитями шашмуры-кички были известны информантам, но сохранились только в музейных собраниях.

В изучаемое время замужние женщины повязывали голову по будням холщовыми платками: в молодости назад концами и выставленными наружу ушами, в старости – вперед узлом. Особо ценились платки «цвятные» и теплые шали с кистями. Носили также одновременно два платка, повязанных описанными способами. В праздники накрывались шерстяными платками-*катетками* с вышитым уголком-*косяком* (ПМА 1989. № 16. Л. 9). Хлопчатобумажные набивные платки покупали на ярмарках по 10–15 копеек за штуку (ПМА 1993. № 16. Л. 67 об.).

Если у женщины первенцем оказывался сын и не было дочерей, то еще три года она считалась «молодухой» и только по прошествии этого срока ее начина-

ли считать «бабой». Если рождалась первой дочь, то матери сразу присваивался статус «бабы» (ПМА 1992. № 25. Л. 17). Соответственно с этими статусами молодая женщина носила головные уборы. Согласно воспоминаниям людей преклонного возраста, подстригать волосы коротко крестьянки стали «после Колчака», т. е. в 1920-х гг. «Старые девы», которыми считались девушки после 25 лет, повязывались платками под подбородком, т. е. как женщины. Пожилые люди носили платки темных расцветок (черные, синие), без каких-либо рисунков.

Вятские переселенки, включая старообрядок, традиционно носили комплексы с сарафаном, с платьем (сарафаном с рукавами) и *горбачом*, аналогии которым можно увидеть в музейных собраниях г. Кирова (Вятки). Сарафаны шили на узких лямках с короткой застежкой спереди (рис. 210). «У кого на узких лямках сарафаны, у кого на широких. Кто как сумеет сшить. Лямки выкраивали отдельно» (ПМА 1990. № 1. Л. 7). В отличие от пермских традиций, сибирские сарафаны не называли *московником* или *набивником**. Носили их поверх поликовых рубах или сшитых на кокетке с закрытым (глухим) воротником. Верх назывался *рукавами*, низ – *становиной*. Аналогичного вида рубахи хорошо известны по му-

Рис. 210. Вятские переселенцы. Фото М. А. Круковского, 1911–1913 гг.

*Кировский краеведческий музей, сарафан из синего холста с набивными узорами, № 2038.

Рис. 211. Пояс закладного тканья. Музей «Вологодский кремль».

зейным коллекциям Вятского края, однако отличительной чертой их, в сравнении с сибирскими, является наличие узорнотканых вставок внизу рукавов* (ПМА 1992. № 9. Л. 3 об.). Фартук повязывали по талии, под грудью и могли украшать его вышивкой. Привезли с собой в Сибирь севернорусские переселенки также традицию различной техники тканья поясов (рис. 211–213). Вместе с тем, нам встречались информанты – не старообрядки, утверждавшие, что женщины в их семьях не носили сарафанов, но приехали «с Вятки» в кофтах и юбках – так говорила М. М. Ишимова** (ПМА 1990. № 2. Л. 46).

Горбач для службы надевали поверх рубахи и подпоясывались. Судя по коллекциям Кировского краеведческого музея, сибирские горбачи были во многом подобны вятским, но отличались более высокой линией кокетки на спине***. Эта конструктивная деталь делала сибирский вариант менее прилегающим к телу, но более широким в подоле. В моленном костюме фартук исключался, но мог присутствовать в праздничном и непременно – в повседневном.

Еще во время экспедиционных работ 1992 г. пожилые люди показывали платье с рукавами типа халадея, которые хранили со времен молодости. Как и у чал-

*Кировский краеведческий музей, рубаха из белого холста, № 22773; рабочая пестрядинная рубаха, № 4129.

**Ишимова Мария Михайловна (1905 г. р.), с. Маслянино Новосибирской обл. Родилась недалеко от г. Вятка, была привезена в Сибирь в 1907 г.

***См.: Кировский краеведческий музей, сарафан из пестряди, КОМК № 20334.

Рис. 212. Пояс закладного тканья. Кирилло-Белозерский музей-заповедник.

Рис. 213. Тканый пояс со словами молитвы. Музей «Вологодский кремль».

донов, эти платья-рубашки шили на кокетке-*пералинке* с длинными, собранными у плеча рукавами, глухим воротником-стойкой. Их носили поверх аналогичного вида рубах из белой холщовой или ситцевой ткани, без воротника (ПМА 1992. № 25. Л. 26).

Девушки украшали косу одной распущенной лентой, а просватанные девушки вплетали несколько разноцветных лент по всей длине косы. Замужние женщины-старообрядки покрывали голову головным убором-шашмурой и платком назад (повседневно) или вперед (при молениях) концами. Вятские крестьянки, не относившие себя к старообрядчеству, не выходили из дома без шапочки-наколк или повойника, расшитой *вилюшками* (тесьма типа «выюнчика»), бисером. Девушка, родившая ребенка без замужества, продолжала носить одну косу («пока не венчана»): «Как была, так и ходила всю жизнь с косой, раз родила в девках» (ПМА 1990. № 1. Л. 9). Аналогичным образом заплетали одну косу так называемые «старые девы», не вышедшие до 24–25 лет замуж. В качестве навесных украшений женщины вятского происхождения носили серьги, кольца, кресты на гайтанах.

К свадьбе невеста готовила одежду себе и рубаху для жениха – *гульну рубаху*. Однако, как вспоминают пожилые женщины, вышивкой занимались подружки, а не сама невеста. Кроили рубаху из «чистого, хорошего льна», т. е. спряденного с соблюдением всех запретов. «Скроишь себе и жениху, не измеряя ничего. Не боялись, что не подойдет» (ПМА 1990. № 1. Л. 7 об.). Венчальную одежду берегли всю жизнь для погребения, кроме того, она считалась действенным средством от болезней. Со слов Е. Н. Богатыревой, «Чё-нибудь сколет – «вон, венчальную надень рубаху, – поможет в болезни» (ПМА 1990. № 1. Л. 7).

Пермские женщины (особенно старообрядки) в конце XIX в. одевались в широкие кошеные сарафаны-*дубасы* из пестряди, либо из покупной ткани. Второй компонент этого комплекса – поликовые рубахи или рубахи на кокетке были близки к пермским с глухим воротом и воротником (хотя в коллекциях дома-музея Н. Г. Славянова и Пермского краеведческого музея встречались и более открытые рубахи). Другим комплексом одежды сибирских пермчанок (не старообрядок) могли служить холщовые кофта с юбкой, украшенной широкой оборкой-*фанборой*. В музеях Пермского края в качестве повседневной одежды были представлены домотканые холщовые юбки и рубахи на кокетке, что говорит в пользу предположения о перенесении этой традиции на сибирские земли. Объединяет одежду сибирячек с пермской незначительное количество (часто – отсутствие) вышивок.

Пожилые пермчанки покрывали голову чепцом, одетым таким образом, чтобы уши оставались открытыми, а также платками (ПМА 1989. № 16. Л. 79). Что касается украшений, то к праздникам надевали серьги и бусы. Но старообрядки, кроме обручальных колец, ничего не носили, считая украшения греховным дополнением костюма. Кольца не считались украшениями. Некоторые виды одежды играли и продолжают играть важную роль в хозяйственных обрядах, выполняя охранно-продуцирующие функции. Например, до сих пор еще сохраня-

ется обычай прогонять корову «через фартук или платок, видно, чтоб дом знала» (ПМА. № 25. Л. 8).

Мужчины из **севернорусских семей (архангелогородские, вологодские, костромские)** надевали отбеленные холщовые рубахи-косоворотки, которые к праздникам шили из пестрядинной или «базарной» ткани. Рубахи носили поверх брюк с кошеными штанами из домотканины. Среди молодых можно было увидеть одетых в модные галифе, которые не наблюдались у местных сибиряков или переселенцев вятско-пермского происхождения. Поясная одежда была отбеленной или темных цветов (черной, коричневой и пр.). **Вологжанка** А. С. Паршикова о *шароварах* своего отца и дядьев рассказывала, сравнивая их с одеждой сибирских крестьян: «Мужчины наши ходили в церковь в шароварах из черного материала. А у сибиряков черный плюс (плюш. – Е. Ф.) блестел. Как блестит, значит сибиряк идет в церкву в плюсовых штанах» (ПМА 1990. № 1. Л. 54 об.). Шаровары, как и прочие виды мужской поясной одежды, заправлялись в сапоги.

Мужчины-**вятчане** и **пермчане** одевались также, как правило, в «своедельщину» (см. рис. 210). Как говорили информанты, «ходили в своей одежде», т. е. в рубахе из пестряди с разрезом-застежкой слева, в черных штанах. Косить сено было принято в одних нижних *подштанниках*. У сибиряков быстро переняли необходимые в сибирских условиях верхние рабочие штаны-*ченбары*. Подчеркнем, что, судя по этнографическим коллекциям Пермского края, здесь не были известны *шаровары* или *ченбары*. К праздникам переселенцы приберегали чистые нарядные рубахи-косоворотки. У носителей пермско-вятских традиций, особенно у старообрядцев, застежка и грудь рубах вышивками не украшались. Композиционным центром костюма был пояс. Подпоясывались «поясами с пышными кистями» («накищенными поясами»), «гарусными поясами»*, которые внешним видом напоминают известные по музейным коллекциям (Пермь, Кунгур, Чердынь). Мальчикам не возбранялось до трех-четырёхлетнего возраста ходить в одних рубахах.

Верхняя межсезонная одежда **архангелогородцев** и **вологжан** отличалась от сибирской и вятско-пермской более сложными конструкциями и разнообразием обозначавших ее терминов. Праздничные виды выглядели более модными, щегольскими. *Казакином*** называли женскую одежду из *риписа* (мелкого вельвета), сшитого в виде жакета с грибовидными рукавами, объемными у плеча. Известны были также *бекеши**** из бостона или *каверкота* в виде легкого полу-

*Пояса, тканые из покупной шерсти высокого качества.

**Казакином в истории костюма называют мужской или женский полукафтан, приспособленный по талии, застегивавшийся до талии на крючки. В. И. Даль относил его к деталям казачьего быта [Кирсанова, 1995, с. 108].

***Бекеша представляла собой верхнюю мужскую зимнюю одежду в виде короткого кафтана со сборками на спине и меховой отделкой по краю воротника, рукавов, карманов, подолу. По мнению Р. М. Кирсановой, название произошло от имени венгерского дворянина Каспара Бекеша [Там же, с. 36].

пальто. Привезли с собой переселенцы также простеганные на вате или льняной кудели зимние пальто (из *шивьёта*). Пальто по силуэту были полуприлегающими, отрезными по талии с накладными карманами. Рукава назывались *с пышкой*, т. е. с объемом у плеча (ПМА 1991. № 21. Л. 20). В качестве повседневной верхней одежды выходцы из западных районов Вологодчины носили шерстяные зипуны. Их шили «сплошными» (неотрезными по талии) с застежкой спереди и воротником-шалькой («то воротничок, то обложишь так»). Для крепости и морозоустойчивости их топтали в горячей воде, чтобы получить войлок. «И сибиряки, и волговские, и расейские ходили в зипунах. В зипуне больше работали» (ПМА 1990. № 1. Л. 55). Были известны также в качестве рабочей одежды (со слов В. А. Сажинной*) *балахоны*: «Вот лён-то оснуют, а уже потыкали-то этим, шерстью, ну и вот так, из этого балахны делали, из черной шерсти. Не отрезной, прямой. По краям тесьмой не обшивали. На работу идешь, просто поясом привязывали. А тут шов был, тут рукав вшивался. Пуговички были. В нем идешь на работу. Называли балахон, или балахны. Он был без капюшона» (ПМА 2007, 2013).

Повседневной верхней одеждой для хозяйственных работ **вятских** и **пермских** переселенцев были аналогичные сибирским виды одежды: *шабуры* (у мужчин), *понитки* (у женщин). В мужских шабурах ворот застегивался у шеи, в женских понитках запахивался в виде шальки. Эту халатообразную одежду мужчины носили с широкими *опоясками*, женщины – с более узкими поясами (рис. 214). Мужчины выделялись тем, что могли «подбодриться», заткнув полу за пояс. Праздничной верхней одеждой мужчин считались *тужурки* в виде куртки с двумя карманами и застежкой спереди.

Черные и дубленые шубы для зимы во многих семьях приобрели уже в Сибири. Переселенческие шубы были похожи на сибирские, так как, видимо, шили их у одних и тех же мастеров. У женщин шубы доходили до середины голеней, у мужчин – немного длиннее. В праздничных шубах воротники, опушки рукавов, низ подолов отделывали мерлушкой. Полушубками называли короткие дубленые шубы шерстью внутрь. В дальнюю дорогу, при поездках за дровами, снопами сена мужчины надевали собачьи или козьи дохи мехом наружу (рис. 215). Женщины-переселенки с Русского Севера носили простеганное на вате пальто из сукна с меховым воротником, которое по неизвестным причинам называли *шубой*. Было известно и более короткое пальто – *сак*.

Многие информанты вспоминали, что приехали в лаптях, от которых не отказались и на новом месте. **Тверичи**, **воложане** обували их на рыбалку, охоту, покос, объясняя это так: «С онучами не жмет и не давит». Переселенческие лыковые лапти можно увидеть во многих краеведческих и школьных музеях (рис. 216). Повседневно севернорусские переселенцы, как и сибиряки, вятчане,

*Сажина (уроженная Крутакова) Валентина Афанасьевна (1928 г. р.), с. Кочекорино Большереченского р-на Омской обл.

Рис. 214. Пояса браного тканья. Музей «Вологодский кремль».

Рис. 215. Мужчина в шубе. Д. Ночка Венгеровского р-на Новосибирской обл. ПМА 1993.

пермяки, носили собственного изготовления *обутки*. У мужчин их шили с холщовой голяшкой до колен, у женщин с опушкой до щиколотки. Мужчины намазывали поверх портянку-поголенку, а также носили шерстяные носки до колен. В обутках также ходили на рыбалку или охоту, надев предварительно на ноги *кошмы* из валяной шерсти («и ноги не мерзнут, и вода не попадет»). В кожаных *болотных сапогах*, *броднях* с ремешками под коленями вятские и пермские переселенцы ходили на рыбалку, сплавливали лес.

Женщины имели холщовые, до колен, чулки или вязанные из льняной пряжи носки. Покупные чулки берегли для церковных служб, для больших праздников.

Рис. 216. Обутки и лапти косого плетения. ПМА 1999.

«Его и бережешь ко Христову дню этот чулочек. Сходишь ли в церкву, на гуляночку, снимаешь его и положёшь до следующего раза» (ПМА 1990. № 1. Л. 55).

К свадьбе, значимым праздникам мужчины и женщины имели сапоги домашнего изготовления. Парни мечтали о покупных хромовых сапогах, возжеланной мечтой каждой девушки были ботинки на каблуке, что повышало ее статус как невесты, делало полноправной участницей вечеров.

Зимой ходили в *валенках*, а с 1930–1940-х гг. и в *чёсанках*. Как и сибиряки, северные русские специально ездили в губернский город Томск покупать *пимы в рисунках* или *расписные пимы*. «Базарные пимы с вышивками все больше в церкву носили. Даже на гуляночки не всякий раз надевали» (ПМА 1990. № 1. Л. 55). Наиболее бедные из вологодских переселенцев могли на первых порах не иметь валенок, по причине чего даже в сильные морозы обувались в обутки, чего никогда не делали местные сибиряки. Но большинство севернорусских переселенцев все же имели зимнюю обувь в виде валенок (пимов).

Глава восьмая

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЮЖНОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской и пр.)

Переселенцы из южнорусских губерний с 1852 по 1863 г. составляли в Томской губ. абсолютное большинство. По числу переселенцев места распределялись следующим образом: Тамбовская (первая), Воронежская (вторая), Орловская (пятая) и Курская (шестая) губ. [Ядринцев, 1880, с. 125, 129]. Значительная часть этих переселенцев была помещена в волостях Каинского (Усть-Тартасской, Нижне-Каинской и пр.), Барнаульского (Верх-Чумышская, Лосихинская, Титовская, Порошенская) уездов. Проживавшие на прежней прародине вперемешку с украинцами, выходцы из этих местностей освободились на сибирских землях от прозвища «кацапы». Однако здесь, несмотря на свою русскую самоидентичность, они нередко получали новое имя – «хахлы» («воронежские хаклы», «хахлы орловские» и пр.).

В отличие от выходцев с Русского Севера, южнорусские обычно расселялись довольно многочисленными группами. У большинства переселенцев маршрут следования включал два этапа, первый из которых представлял проезд на переселенческий пункт в Томскую губ., а по прошествии двух и более лет – обоснование в более южных селениях Алтайского горного округа. «Все ехали в Сибирь зарабатывать. Потом, которым понравилось, переезжали в Сибирь», – вспоминала детские впечатления и рассказы родителей М. А. Свистунова* (ПИМА 1990. № 1. Л. 34 об.).

*Свистунова Мария Ананьевна (1912 г. р.), родилась в д. Еренеево Шацкого уезда Рязанской губ. Приехала с родителями в 1925 г. в с. Плотниково Ординской вол. Барнаульского уезда. Переехала в д. Верх-Ирмень той же вол.

Относительно **рязанских** переселенцев полевые этнографические материалы показывают, что в начале XX в. они подселялись к старожилам в Барнаульском уезде Томской губ.: в Ординскую (д. Усть-Луковка, Верх-Ирмень), Николаевскую (с. Маслянино), Малышевскую (д. Новошмаково), Верх-Каёнскую (д. Марай) волости. В Томском уезде их присутствие было заметно в Кайлинской вол. По данным Н. А. Ваганова, в селе Кайлы Кайлинской волости Томского уезда в конце XIX в. проживало лишь четыре крестьянина из Сапожковского уезда Рязанской губ. [Ваганов, 1882, с. 82], но, согласно экспедиционным материалам, в годы перед Первой мировой войной они составляли уже значительный процент населения и были известны под именем «рязаны (резаны)». Анкеты сельскохозяйственной переписи также подтверждают наши наблюдения по поводу многочисленности в с. Кайлы рязанцев, составлявших здесь 25 % населения за период заселения 1881–1914 гг. (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 129. № 26. Л. 1–248). Большая группа переселенцев из Рязанской губ. проживала в с. Шубенское Шубенской вол. Бийского уезда, где до сих пор память жителей хранит название края – «Рязань» (ПМА 1981–1986. № 12). Немногочисленные группы рязанцев обосновались в с. Большое Оешинское, Скалинское, Вандакурово Чаусской вол. Томского уезда, с. Чулымское Иткульской вол. Каинского уезда и пр.

Тамбовские выходцы из Лебедянского, Моршанского и Елатомского уездов Тамбовской губ. проживали как в южных районах Приобья (Ординская, Чингинская, Верх-Чумышская вол. Барнаульского уезда), так и в более северных, например, Чаусской, Бугринской вол. Томского уезда [Ваганов, 1882, с. 29, 116]. Компактная группа «тамбашей», представлявшая почти 90 % населения, поселилась в д. Алексеевка Легостаевской вол. Барнаульского уезда; около 30 % населения составляли тамбаши в д. Верх-Чемская Бугринской вол. того же уезда (ГАНО. Ф. 38. № 43. Л. 78–79).

Более 30 % выходцев из Тамбовщины проживали в с. Скалинское Чаусской вол. (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 131. Св. 38. Л. 1–124). В с. Чулым Иткульской вол. Каинского уезда тамбовские переселенцы составляли 7 % населения, в с. Чингисы Верх-Чингисской вол. – 5 % (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 326. Св. 28. Л. 1–304). Пос. Собиновский Гондатыевской вол. Томского уезда был основан семьями из Орловской, Курской, Тамбовской губ. в 1907–1914 гг. (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 117. № 50, без нумерации).

Воронежцы приехали в Ординскую вол. из Козинской вол. Валуйского уезда и Верх-Лубянской, Хмелевской вол. Бирючского уезда; в д. Агафонию Кайлинской вол. Томского уезда из Нижнедевицкого уезда [Ваганов, 1882, с. 104]. Согласно экспедиционным материалам, довольно много потомков воронежских переселенцев проживают на землях бывшей Бурлинской вол. (д. Прыганка, Долганка и пр.), а также в Причумышье (Тальменский, Залесовский, Тогульский р-ны Алтайского края). В миграционных потоках из Южной Руси могли быть не только помещичьи крестьяне, но и экономические (монастырские) из центральных губерний России [Толкачёва, 2003, с. 21–31] (рис. 217).

Рис. 217. Переселенцы из Воронежской губ. Фото М. А. Круковского. 1911–1913 гг.

Курские переселенцы занимали в переселенческом движении в 1885–1889 гг. первое место, дав 43 % общего числа переселенцев, в 1890–1894 гг. передвинулись на второе место (14 %, после Полтавской губ.), в 1895–1899 гг. вышли на третье место (7 %) и в 1900–1904 гг. поместились на пятом месте (6 %) [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 15]. Курыне прибыли в начале 1880-х гг. в Бурлинскую вол. Барнаульского уезда (ныне Панкрушихинский р-н Алтайского края) из Стакановской, Краснополянской, Покровской, Хохловской, Никольской вол. Щигровского уезда, Афанасьево-Похонской, Успенской вол. Тимского уезда, Средне-Опоченской вол. Старооскольского уезда; в Ординскую вол. того же уезда из Стакановской, Никольской, Верхдойменской вол. Щигровского уезда; в Легостаевскую вол. того же уезда (ныне Искитимский р-н Новосибирской обл.) из Котовской и Барановской вол. Старооскольского уезда [Ваганов, 1882, с. 19, 68, 103]. Действительно, при знакомстве с анкетами сельскохозяйственной переписи, например, по с. Панкрушиха Александровской вол. (ранее Бурлинской вол.) заметно, что переселенцы из Курской губ. составляли большинство (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 75. Св. 8. Л. 537). Прибывшая в 1897–1907 гг. в д. Карасево Гондатыевской вол. Томского уезда масса крестьян из Курской губ. на момент сельскохозяйственной переписи составляла примерно половину населения – 45 из 100 домохозяйств (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 117. Св. 15. № 24, без нумерации 100 д/х).

Наши экспедиционные изыскания и архивные материалы дополняются данными С. П. Швецова, например, о проживании в Карасукской (ныне Краснозер-

Рис. 218. Переселенцы из Курской губ. Фото М. А. Круковского. 1911–1913 гг.

ский р-н Новосибирской обл.), Нижне-Кулундинской вол. курских переселенцев из Старооскольского уезда (д. Гилев Лог, Утичье, Илинское и др.) [Швецов, 1899, с. 14, 16, 20] (рис. 218).

Орловские переселенцы, согласно сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., проживали компактными группами в пос. Иркутский Кайлинской вол., пос. Собиновский, пос. Рыбкинский, пос. Овражный Гондательевской вол. Томского уезда*. Из более крупных населенных пунктов можно назвать с. Чулым Каинского уезда, где они составляли 11 % населения (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 172. № 11, без нумерации, 145 д/х). В процессе полевой работы орловские крестьяне встречались в Черно-Курынской, Верх-Чингисской вол. Барнаульского уезда (с. Новая Курья, Чингисы), Чаусской вол. Томского уезда (с. Скалинское) и пр.

О численности и местах выхода переселенцев из **Смоленской** губернии в опубликованных обзорах было известно мало. По нашим полевым данным, они проживали в д. Ваничкиной, Лаптёвке Иткульской вол. Каинского уезда. «Смоляне» продолжали прибывать и в конце 1920-х гг.: по данным ОАСТА Коченевского р-на, они «самовольно прибыли» в пос. Александровский, в д. Ерми-

*Пос. Рыбкинский Гондательевской вол. Томского уезда был заселен в 1907–1916 гг. выходцами из Орловской, Черниговской, Пермской, Гродненской губ. (ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. №. 117. № 46, без нумерации).

ловку и т. д. (по рассказам информантов, спасались от репрессий, раскулачивания) (ОАСТА Коченевского р-на Новосибирской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30, 60, 78).

Потомки этих переселенцев до сих пор помнят данные им местными сибиряками названия, недвусмысленно указывавшие на место выхода переселенцев («тамбаши», «орлы», «куряне» и пр.). Заметим, что по такому же принципу называли себя различные группы переселенцев и формируемые ими сообщества на территории Сибири в XVII в. (поморцы, поволжцы, терцы, уральцы, донцы и др.). На момент заселения у южнорусских была направленность на заключение браков среди своих земляков или близких в культурном отношении переселенцев из других южных регионов. Например, у А. И. Ужовой* из д. Верх-Ирмень Ордынского р-на родня по отцовской линии была тамбашами, а по материнской – пензяками (ПМА 1990/1. Л. 25), у С. К. Присекина** из с. Крутиха Алтайского края – тамбовские и курские (ПМА 1990. № 1. Л. 19) (рис. 219).

Рис. 219. Группа переселенцев из Боровлянской вол. Барнульского уезда. Школьный музей д. Ярки Черепановского р-на Новосибирской обл.

*Ужова Анна Ильинична (1908 г. р.), д. Верх-Ирмень Ордынского р-на Новосибирской обл. Отец приехал из Тамбовской губ., мать – из Пензенской, поженились в Сибири в 1897 г.

**Присекин Степан Корнеевич (1900 г. р.), с. Крутиха Алтайского края. Деды по отцу приехали из Липецкого уезда Тамбовской губ., отца привезли в возрасте 12 лет (в 1873 г.). Бабушку по линии матери привезли в возрасте 5 лет из Курской губ.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Южнорусские переселенцы, хотя и выделялись бросающейся в глаза бедностью, однако в большинстве своем были мастеровые люди, что помогало им обустроиться на новом месте. Одни информанты вспоминали, что их отцы и деды были овчинниками, другие – портными, третьи – пильщиками, четвертые – плотниками и пр. Южнорусским приходилось прилагать большие усилия, чем многим другим переселенцам, чтобы адаптироваться к новым климатическим условиям. Информанты, родившиеся в начале XX в., давали любопытные характеристики костюмов носителей разных традиций. Приведем сообщение, свидетельствовавшее о разнообразии одежды жителей с. Ногино Первомайского р-на Алтайского края: «Сибирячки в сарафанах, чалдонки – в юбках, хвост тащится... Мордва в одной рубашке, вышивка по низу, по вороту. Хахлы орловские в рубашках вышитых и юбках, фартуках. У кержаков сарафаны на ошейниках с пералинкой. Застежка спереди посредине. Женщины из харьковских переселенцев ходили в «хахлацкой» одежде» (рис. 220). Сравнение переселенцев с сибиряками в устах наших информантов часто оказывалось не в пользу первых: «Сибиряки и по одежде были хорошие. Аж пол шоркали песком! А российские были не такие опрятные...» (ПМА 1983. № 12. Л. 123 об.). Однако встречались и другие мнения, отражавшие факты мастерства, которым переселенцы делились со старожилами. По словам М. А. Свистуновой, «Россия приехала и их всех научила. Они же были богатые, а мы лопатаны... Зятьев сначала научили» (ПМА 1990. № 1. Л. 35).

В 1910-х гг. большинство южнорусских переселенок носили комплекс в виде юбки и кофты. Вместе с тем, собрания региональных краеведческих музеев хранят экспонаты привезенных в Сибирь традиционных видов одежды, несомненно, обладающих спецификой мест исхода. Об этом свидетельствует даже просто внешний осмотр одежды курских, орловских и воронежских переселенцев (рис. 221). Приведем краткую характеристику традиционной одежды отдельных групп.

Рязанские переселенки привезли в Сибирь *панёвы*, но, увидев, что здесь такой вид одежды не носили, перешили их на юбки. Приведем воспоминания А. М. Лагуткиной* об этой поясной одежде: «У свекрови панева – синие и белые клетки, мелкие. Тада сами ткали из шерсти. На паневу брали полотнищ в зависимости от ширины бедра. Если бедра широкие, то четыре полосы, если узкие – три» (ПМА 1990. № 1. Л. 59 об.). По всей видимости, рязанские панёвы

*Лагуткина (урожденная Игнатова) Анна Михайловна (1905 г. р.), д. Кирза Ордынского р-на Новосибирской обл. Родилась в д. Канино Ямской слободы Сапожковского уезда Рязанской губ. Привезли в Сибирь в 1913 г. По отцовской линии дед был кузнец, по материнской – дьякон.

Рис. 220. Костюм южнорусских переселенцев Николаевской вол. Барнаульского уезда из тканей домашнего производства начала XX в. ПМА 1988.

а – костюмы парня и девушки; б – костюм молодой женщины; в – костюм молодой женщины в сороке; г – костюм молодой женщины в платке.

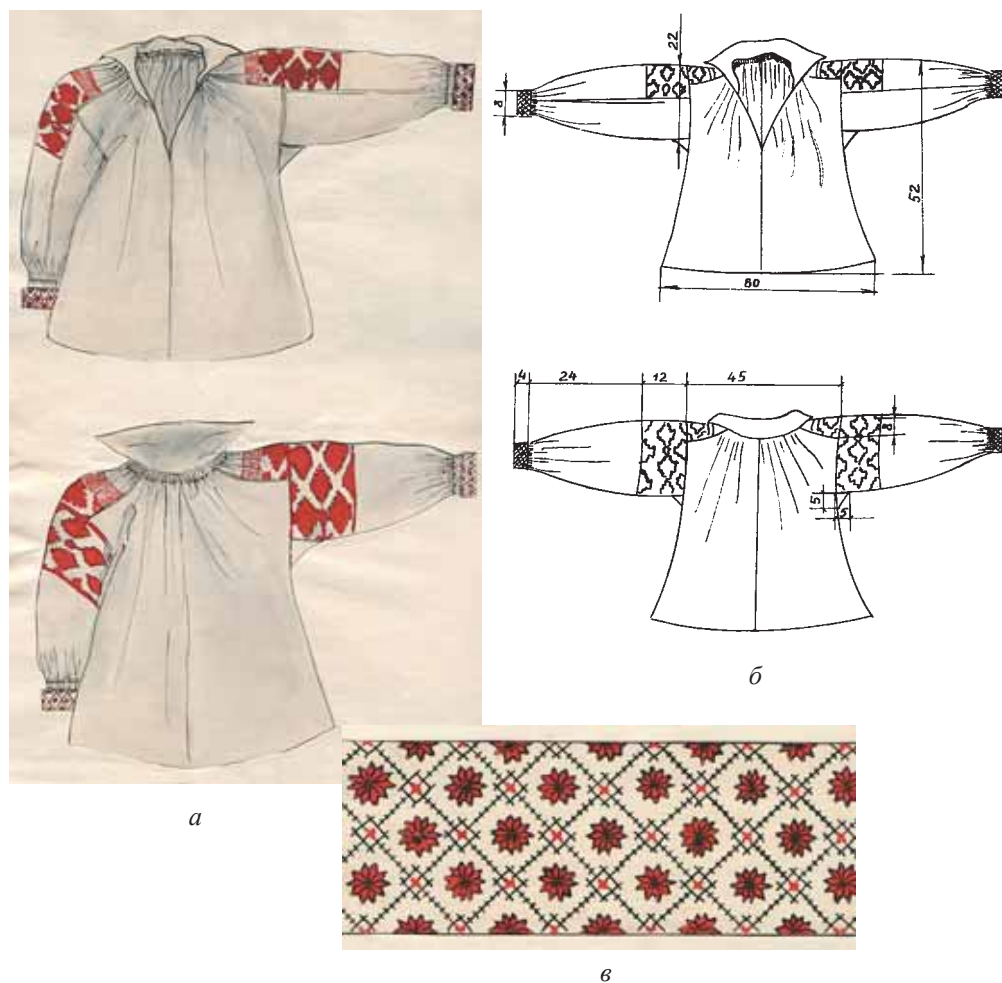

Рис. 221. Женская рубаша орловских переселенцев с прямыми поликами, орнаментированными в технике браного ткачества, первая четверть XX в. НГКМ, № 2207.
а – общий вид; б – конструктивный чертеж; в – вышивка манжет двухсторонним швом, гладью, счетным крестом.

были «с прошвой», т. е. со вставным спереди полотном отличного от основной ткани материала, так как информанты говорили: «Раньше напереди разные полотна вшивали». В полевой практике изредка встречаются оставленные в семье «на память» куски тканых панёв (рис. 222).

Информанты делились своими наблюдениями относительно отказа от одежды прежнего вида как не соответствующей местным традициям: «Это в России носили паневы и пряли и ткали... Как в Сибирь приехали, увидели, что здесь так не носили. А тут мы приехали, все – юбка, кофта» (ПМА 1990. № 1. Л. 60). В Тальменской вол. Барнаульского уезда в качестве повседневной одежды рязан-

Рис. 222. Отрез понёвы, хранившийся у рязанских переселенцев. ПМА 2001.

ские женщины (со слов Е. А. Ярцевой*) носили рубахи и холщовые юбки в черно-белую клетку, как мелкую, так и крупную (ПМА 1990. № 2. Л. 29). Пожилые жители из д. Пурyseво Тальменского р-на Алтайского края вспоминали, что раньше старухи носили *рубахи с лифтом* – со сборками по горловине и с длинными рукавами. Верх – *рукава* – делали из тонкого холста, «как на полотенца», *станушку* – из толстого, менее качественного полотна. Вышивать рубахи было «не положено», но мастерицы «вытыкали» поперечные узорные полосы (ПМА 1990. № 2. Л. 29). Юбки *на опушке* собирали на поясok из кошeных или прямых полотен. Разрез с завязками располагался слева. Сзади на талии у подола собиралось побольше сборок, чем спереди, и спинка провисала «как хвост у сороки». Этот вид одежды шили с карманами, куда клали носовые платки, мелкие вещи. Евдокия Андреевна Ярцева рассказывала, что юбки «паневами» не звали, но об этом виде одежды она слышала от матери («в Рязани носили»). Кофты повседневного назначения шили из самотканого холста. Кофта кроилась немного ниже талии, с рукавами на буфах. Застежка шла спереди или на плече и вдоль проймы. Кофту носили как заправленной в юбку, так и навывпуск.

Праздничные *обтяжные кофты*, как правило, шили из покупных тканей – сатина, ситца (*сарпинки*, т. е. в мелкий рисунок, черные, бордовые). В праздничные и воскресные (выходные) дни кофты заправляли под ремень. Приведем описание этого вида одежды: «Рукава у кофт узкие, по запястью прошвочки**, застегались по плечу, пройме и сбоку» (ПМА 1990. № 2. Л. 29 об.).

*Ярцева Евдокия Андреевна (1915 г. р.), д. Верх-Ирмень (Шарованово) Ординской вол. Барнаульского уезда. Родители приехали из Рязанской губ. в 1900 г. Дразнили «Рязанью».

**Прошвами называли самовязанные кружева.

Обычай предполагал обязательное наличие фартука. «В праздник одевали сатинетовые, украшенные кружевами. Из канифасовой, кубовой ткани...» (ПМА 1983. Л. 6). Не стали носить в Сибири привезенные с прежних мест жительства *безрукавки* (*жилетки*).

Девушки плели одну косу; единственный день, когда этого не делали, был праздник Благовещения («скалывали кустиком»). Таким образом, рязанцы буквально следовали пословице: «Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет» (ПМА 1990. № 2. Л. 61). Женщины носили головной убор с обручком («сзади на вздержке»), называвшийся *накол*, *повойник* или *шапмура*. Поверх повязывали платок концами назад – «по-бабьи». Потомки рязанских переселенцев в Ордынском р-не вспоминали, что их бабушки и матери постоянно носили на голове *кокошник* и платок. «У матери волос большой был и она носили кокошник все время. Это маленькая шапочка на голове, прикреплялась шпильками. Сверху покрывалась белыми или черными файшонками. Мама так и в церковь ходила» (ПМА 1990. № 2. Л. 29 об.). При выезде в общественные места поверх всего накидывали шерстяные платки, гарусные шали (*канаевые*). Вдовы носили только черные платки.

Мужские рубахи по покрою мало чем отличались от старожильческих. Длинной доходили до середины бедер, имели воротник-стойку. Качество и привлекательность одежды определялись финансовыми возможностями. Кроме того, в переселенческих рубахах больше внимания уделялось вышивке. Некоторые информанты из переселенок даже утверждали, что сибиряки, в отличие от них, не вышивали совсем. Про рубахи для мужчин мастерицы рассказывали, что их орнаментировали по воротнику-ошейнику, манжетам и разрезу-застежке. В районе плечевого пояса делали подкладку: «Носили косоворотки с приполочкой, холщовые» (ПМА 1983. № 12. Л. 59 об.). Действительно, рубаха из коллекции Новоалтайского краеведческого музея из синего атласа вышита по вороту и планке («столбик») вдоль застежки красными и синими хлопчатобумажными нитками. Вышиты также низ рукавов и подол рубахи. Рукава длинные, суживаются внизу. Проймы вырезные, округлого контура. Подпоясывали рубахи ткаными на кроснах поясами (с геометрическим орнаментом, «в ёлочку»), а также покупными на ярмарках, которые были хорошо известны во многих других районах Сибири (например, в Тобольской губ.) [Лебедева, 1974, с. 215]. В изучаемое время головными уборами служили войлочные шляпы.

Информанты подчеркивали, что сибиряки одежду такого вида, как у них, не носили: «Рязань везет, а сибиряки перенимали, что лучшее!» Зато в 1920-х гг., когда рязанские дети стали взрослеть и пришла пора ходить в школу, их стали одевать «по-сибирски» (без узорнотканых рубашек, в одежду из покупных тканей).

Отличительной чертой верхней одежды мужчин и женщин была приталенность, что не было характерно для старожильческого костюма. Такая конструк-

ция называлась *с перехватом*. Как рассказывали, «только сзади на спине прилегала, а спереди было прямо». Осенью и зимой носили самотканые *зипуны*, подпоясываемые опояской. «Зипуны с борами, шубы с борами» (ПМА 1983. № 12. Л. 59). Межсезонной одеждой служили также шабуры. Переселенцев удивляла отменная закалка местных сибиряков, которые могли носить эти виды одежды в морозы. Например, отец М. А. Свистуновой говорил с удивлением: «Мать, ну какие сибирячки крепкие! Вы в борчатках ходите, а здесь вон в зипунах!» (ПМА 1990. № 1. Л. 34 об.). Для зимы в зависимости от степени состоятельности шили шубы и полушубки. В семьях, где родители умели мастерить, шить одежду, одевались, как правило, лучше прочих. Так, у М. А. Свистуновой, у которой отец был овчинником, т. е. выделывал шкуры (обычно овчины), семья была обеспечена шубами. Когда информант выходила замуж в 1933 г., у нее была в приданое шубка: «Мы-то в шубах ходили. Они легкие, мягкие, как бархатные. мех внутрь. Воротник каракулевый из ягушечек маленьких. Длинной чуть ниже колен» (ПМА 1990. № 1. Л. 36 об.). Шубы заказывали шить портным, которые делали индивидуальные мерки: «Сошьют по тебе шубку – любо посмотреть!»

В 1930-х гг. распространилась мода делать белые мерлушчатые опушки вдоль застежки и такой же воротник. Мужчины носили шубы с серой или черной каракулевой шапкой (ПМА 1990. № 1. Л. 37). Женщины из обеспеченных семей носили бархатные или покупного сукна *жакетки** в виде стеганой одежды до середины бедер. Теплые полупальто из плюша назывались саки [Кирсанова, 1995, с. 239]. Подобная одежда до середины бедер именовалась *полусак* (ПМА 1983. Л. 5 об.). В 1940-х гг. появились простеганные на вате *куфайки*.

В отличие от сибиряков-старожилов, южане обували лапти, за что заслужили прозвище «лапотников» (рис. 223). Как известно, великорусские лапти, в отличие от белорусских и украинских, имели косое плетение – «косую решетку», тогда как в западных районах бытовал более консервативный тип – прямое плетение, или «прямая решетка». Если на Украине и в Белоруссии лапти начинали плести с носка, то русские крестьяне делали заплетку с задника, так что о месте появления той или иной плетеной обуви можно судить по форме и материалу, из которого она изготовлена [Большая Советская Энциклопедия, 1973, с. 165].

Зимние лапти переселенцев отличались от летних только тем, что их надевали с войлочными чулками-*суконками*, которые ткали из шерсти и валяли. «Летом лапти с оборами, зимой тоже лапти», – вспоминали многие информанты. Приведем еще высказывание на эту тему: «Летом – лапти, зимой и в праздники – валенки, а больше шерстяные оборы и лапти с замоткой оборами до коле-

*М. Фасмер считал, что в западноевропейские языки это слово попало из арабского [Кирсанова, 1995, с. 102].

Рис. 223. Плетеная обувь.

а – лапти косого плетения южнорусских переселенцев, начало XX в. Музей педколледжа г. Болотное Новосибирской обл.; *б* – лапти прямого плетения. Куйбышевский краеведческий музей; *в* – плетеная из лык обувь в виде сапога с коротким голенищем (вид сверху). Музей педколледжа г. Болотное Новосибирской обл.; *г* – лапти из пеньковой веревки (чуни). Музей педколледжа г. Болотное Новосибирской обл.

на». Видимо, российские переселенцы испытывали определенные неудобства, осознавали непрестижность лаптей, так как до наших дней дожила частушка на эту тему:

«Эх, лапти мои, лапоточки!
Эх, не знал бы про вас,
Не обул бы я вас!»

(ПМА 1983. № 12. Л. 145).

Кожаные *обутки* носили только зажиточные переселенцы, немногочисленные на первых порах поселения в Сибири. По этой причине пожилые люди, вспоминая о своем детстве, говорили, что «большинство босые ходили». Иван Алексеевич Пойлов из с. Тогул Алтайского края рассказывал, что в их семье пимы имелись в единственном числе на всю семью (ПМА 1983. № 12. Л. 123 об.). Иная ситуация наблюдалась в обеспеченной семье Анны Михайловны Лагуткиной из д. Кирза Ордынского р-на, в которой обувались в кожаные сапоги и полусапоги, так как отец работал и кузнецом, и кожевником (ПМА 1990. № 1. Л. 60) (рис. 224).

Рис. 224. Мужские лакированные сапоги из кожи. С. Усть-Тарка Новосибирской обл., конец XIX в. ПМА 1992.

К свадьбе невеста готовила жениху рубаху, а себе парочку из кофты и юбки в цвет рубахи жениха. «Жениху готовила розовую рубаху. Поясок не готовила, но только розовую рубаху. Себе юбку с кофтой – тоже розовые» (ПМА 1990. № 1. Л. 59 об.). В обязанности невесты также входила подготовка новых носков и онучей. Когда ехали к венцу, то невеста распускала волосы, а по возвращении в дом жениха ей меняли прическу («окручивали»). Посадив девушку за стол, свахи заплетали одну косу, которую закручивали на затылке *шишкой*. Из шелковых лент делали цветок и прикрепляли его к шишке. При этом старались, чтобы этот цветок повторял цвета свадебной одежды. На церковные службы надевали праздничную, более дорогую, чем обычная, одежду. Для погребального костюма хранили венчальную одежду – парочку или платье. Традиционно соблюдалось требование закрытых рук для моленной и смертной одежды, для чего рукава шили длинными («нельзя с голыми руками»).

Информанты вспоминали, что **тамбовские** переселенки носили холщовые юбки и рубахи с длинными широкими рукавами, каких у местных жителей не соблюдалось (ПМА 1983. № 12. Л. 87). Кроме того, в отличие от местных старожилов, эти рубахи были вышиты по рукавам, «обшлагам» красными и черными нитками (рис. 225). Верх рукавов назывался *приставок*, низ – *становина*. Ворот собирался в мелкие сборки, «воротник-обшивка шириной в палец» орнаментировался и завязывался на «веревочки». Юбку из черного сукна называли *понёва*. Повседневный костюм дополнял «фартук с крылышками» на плечах и *грудинкой* (ПМА 1983. № 12. Л. 87 об.). Л. С. Писарева* вспоминала, как одевалась ее мать-сибирячка – в сравнении с тамбовской бабушкой со стороны отца.

*Писарева Людмила Сергеевна (1908 г. р.), с. Кытманово Алтайского края. Отца 12 лет от роду привезли из Тамбовской губ.

Рис. 225. Девушка в костюме южнорусских переселенцев, начало XX в. Краеведческий музей с. Белое Карасукского р-на Новосибирской обл.

Сибирячка носила более бористые юбки из четырех или даже двенадцати полос ткани, а тамбовская одевалась скромнее, носила менее пышные холщовые юбки (ПМА 1983. № 12. Л. 88).

Девушки заплетали одну косу, украшавшуюся по праздникам лентами, а в Троицу еще и венком. С. И. Присекин рассказывал как в их семье сестры плели венки: «Венки по-домашности делали. Дома носили. Венки плели из огоньков» (ПМА 1990. № 1. Л. 19). В отличие от сибирского, женский головной убор тамбовских бабушек назывался «кокошник». «Кокошник на ошкурочке, а там как колпачок. На подкладе, без твердой части» (ПМА 1983/12. Л. 87 об.). Поверх повязывался платок узлом под подбородком.

Тульские переселенки донашивали рубахи из белого холста с вышитым *приполочком* (верхней частью. — Е. Ф.). «У бабушки ворот с палец и вышивка вокруг ворота обязательно, завязка на веревочки», — вспоминала Нестеренко из с. Жуланиха Алтайского края (ПМА

1983. № 12. Л. 94). Рукава делали прямыми с «клиньями» (ластовицами, т. е. вставками под мышками. — Е. Ф.). Объяснение наличия ластовиц касается удобства при поднятии рук («без ластовок не поднимаются руки-то»). Поверх надевали широкую юбку. «Юбки широкие, сзади наборки, как с хвостом» (ПМА 1983. № 12. Л. 124). В краеведческом музее с. Тогул Алтайского края хранится праздничная юбка из бирюзового кашемира А. Н. Шаромовой. Сшита из трех прямых полотен, собранных у талии на поясok шириной 1 см. По низу проложена оборка шириной 15 см, присобранная пучками на расстоянии примерно 10 см друг от друга.

В первые годы проживания в Сибири кофты поверх рубах не носили («а кофту уже не надеём»), чем отличались от сибирячек (рис. 226–227). Впоследствии, однако, также стали дополнять юбку кофтой поверх рубахи, которая перешла

в этом случае в разряд нижней одежды. Типичной для начала XX в. можно считать бордовую кашемировую кофту А. И. Кусковской из Тогульского краеведческого музея. Кофта с плечевыми и боковыми швами, расширенная книзу, имеет спереди застежку на пуговицы. Подкладка выполнена из хлопчатобумажной ткани. Рукава двухшовные, длинные, оканчиваются фигурными отворотами из темно-синего бархата. Низ обшит покупным черным кружевом.

Вспоминали, что обеспеченные могли позволить себе плисовые безрукавки с «позолоченными пуговицами», совершенно неизвестные сибирским женщинам. Фартуки дополняли костюм как в будни – «в работу», так и в праздники – «кружевной» (имеется в виду с отделкой кружевами. – Е. Ф.).

Девушки заплетали косу с лентой на конце, повязывались платком («Без платка – спаси Бог!»). В начале XX в. женщины выполняли неукоснительный обычай покрывать голову «венчальной шашмурой». Эта мягкая шапочка имела по очелью обруч-колотушку толщиной в палец с утолщением надо лбом в два пальца. Затягивалась по голове на веревочку и держала волосы. Сверху завязывали сложенный с угла на угол платок «по-молодушечьи», т. е. с узлом под подбор-

Рис. 226. Повседневный костюм переселенки из Тульской губ. Д. Ново-Зыково Красногорского р-на Алтайского края. ПМА 1982.

Рис. 227. Девушка в рубаше из холста домашнего производства. Д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. ПМА 1989.

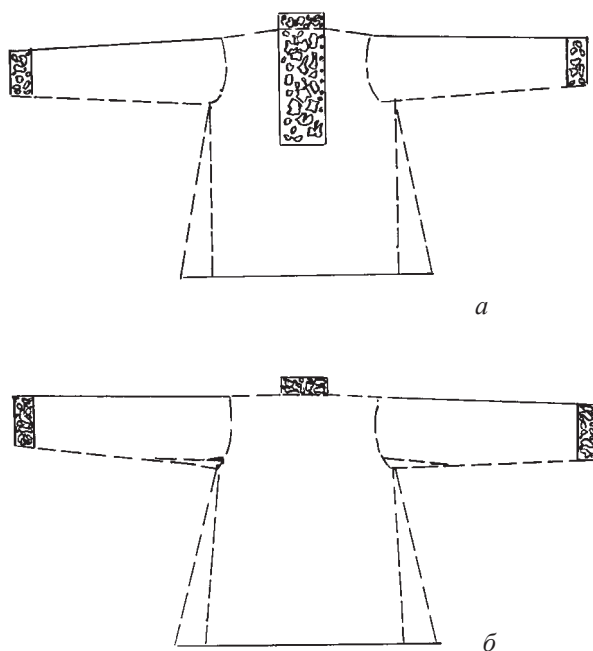

Рис. 228. Конструкция мужской рубахи южнорусских переселенцев. Д. Старый Тогул
Уксунайской вол. Барнаульского уезда. ПМА 1983.
а – вид спереди; б – вид сзади.

родком (ПМА. № 12. Л. 95). По сообщению Пойловых*, в отличие от сибирячек, носили самотканые полушалки, которые застегивали булавкой под подбородком (ПМА 1983. № 12. Л. 123).

Мужские рубахи также были украшены вышивкой (рис. 228). Подпоясывались *опоясками*: по будням льняными примерно «в три пальца» шириной, в праздники – суконными, ткаными «кругом полосками» (ПМА 1983. № 12. Л. 96). Отмечая умение местных женщин красиво ткать, И. А. Пойлов говорил: «Опояски натыкали всех сортов».

В межсезонье повседневной одеждой у туляков, как и у сибиряков, считались полушерстяные шабуры. Эту халатообразную одежду бедных людей подпоясывали опоясками. Кроме того, мужчины и женщины носили зипуны со сборами сзади. В отличие от шабура, этот вид одежды застегивался на пуговицы. Были известны также полушерстяные и полульняные *поддевки* (праздничные из покупной ткани – *материи*). Их шили прямыми, ниже колен, с отложным воротником и застежкой по центру (ПМА 1983. № 12. Л. 124 об.) (рис. 229).

*Пойловы Иван Алексеевич и баба Маруся (1903 г. р.), с. Тогул Алтайского края. Родители Ивана Алексеевича приехали из Пензенской губ., деды бабы Маруси – из Тульской. Родители бабы Маруси родились уже в Сибири.

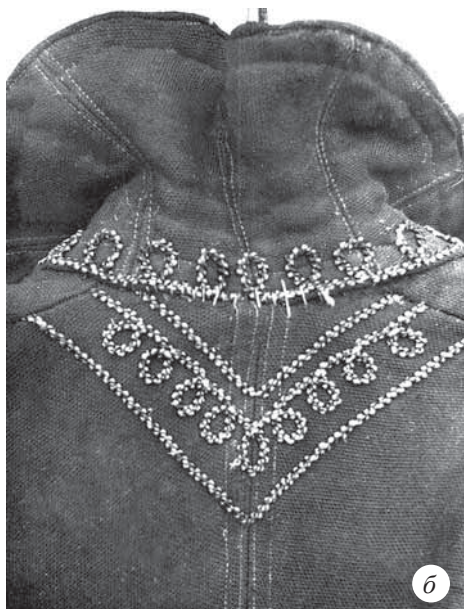

Рис. 229. Верхняя одежда переселенцев из полушерстяного полотна. Д. Коурак Тогучинского р-на Новосибирской обл., первая четверть XX в.
а – общий вид; б – деталь спинки.

Девушки и молодые женщины наряжались по праздничным дням в широкие *кацавейки* (у богатых – *камлотовые*). Известны были также (со слов Нестеренко*) полушерстяные полусаки, которые могли иметь простеганную подкладку (ПМА 1983. № 12. Л. 96). Эта одежда имелась не у всех, а только в зажиточных семьях. Девушки зимой ходили в длинных шубах мехом внутрь, как вспоминали: «Шуба до щиколоток, шаль большая – и идешь на вечерку!» Мужчины ходили в морозные дни в тулупах. Туляки считали, что шубы «подрезные», с борами были только у вятских переселенцев, а у тульских и «хахлов» прямые.

Летом женщины носили холщовые чулки, которые завязывали веревками под коленями. Осенью и зимой одевали связанные из шерсти чулки, как правило, орнаментированные в полоску или «в ёлку». Как вспоминали наши информанты, пимов было мало, чаще ходили в «кошменных чулках с обутками» («ходили в лес и ноги не мерзли») (ПМА 1983. № 12. Л. 94 об.–97 об.).

*Нестеренко из с. Жуланиха Жуланихинской вол. Алтайского горного округа. Она и ее мать родились в Жуланихе. Отец из «харьковских хохлов» был привезен в Сибирь 15-тилетним подростком. Мать – потомок тульских переселенцев.

Воронежские переселенки, как и многие другие южане, привезли с собой традиции одежды своей местности. Однако в Сибири из-за непонимания со стороны местных жителей, у которых бытовали иные традиции, носить ее, видимо, не пришлось. Об этом свидетельствуют рассказы информантов и хорошо сохранившиеся комплексы воронежских костюмов в сельских краеведческих музеях (рис. 230, 231). На основе этих экспонатов можно изучать традиционную одежду русских Воронежской губернии с характерной для них графичной черной или цветной вышивкой рубах, клетчатых тяжелых понев или юбок, украшений и пр. Отличительной чертой женских холщовых рубах воронежских крестьянок считаются особенности их покроя с прямыми поликами, пришитыми по утку или основе (у этнографической группы цуканов) основной ткани [Чижикова, 1984, с. 13; Толкачёва, 2003, с. 22]. Целые рубахи шили из двух, четырех полотнищ, составные включали верхнюю часть – *стан* и низ – *подставу*. Рубахи шили с широкими прямыми рукавами, которые внизу собирались на *брыжи* (узорно уложенные края с оборкой по низу). Судя по характеру орнаментации рубахи из Маслянинского краеведческого музея, можно предположить, что она была привезена переселенцами из Бирюченского уезда, междуречья Тихой Со-

сны и Потудани. Одежда местного населения с черной вышивкой являлась своеобразной визитной карточкой Воронежского черноземья [Чижикова, 1979, с. 12; Толкачёва, 2012, с. 91]. Рубахи с красно-черной вышивкой гладью или крестом из Ордынского краеведческого музея, скорее всего, были завезены воронежскими переселенцами украинского происхождения.

В музейных собраниях шерстяные поневы со вставкой-прошвой встречаются как в крупную клетку, так и в более мелкую, сочетающуюся с полосками. Судя по музейным экспонатам, их обладательницы прибыли в Сибирь из Бирюченского, Нижнедевицкого уездов Воронежской губ., возможно также,

Рис. 230. Женский костюм воронежских переселенцев из Ордынской вол. Барнаульского уезда, начало XX в. Ордынский краеведческий музей.

Рис. 231. Женский костюм воронежских переселенцев из Николаевской вол. Барнаульского уезда, начало XX в. Маслянинский краеведческий музей.
а – вид спереди; б – вид сзади; в – ластовица.

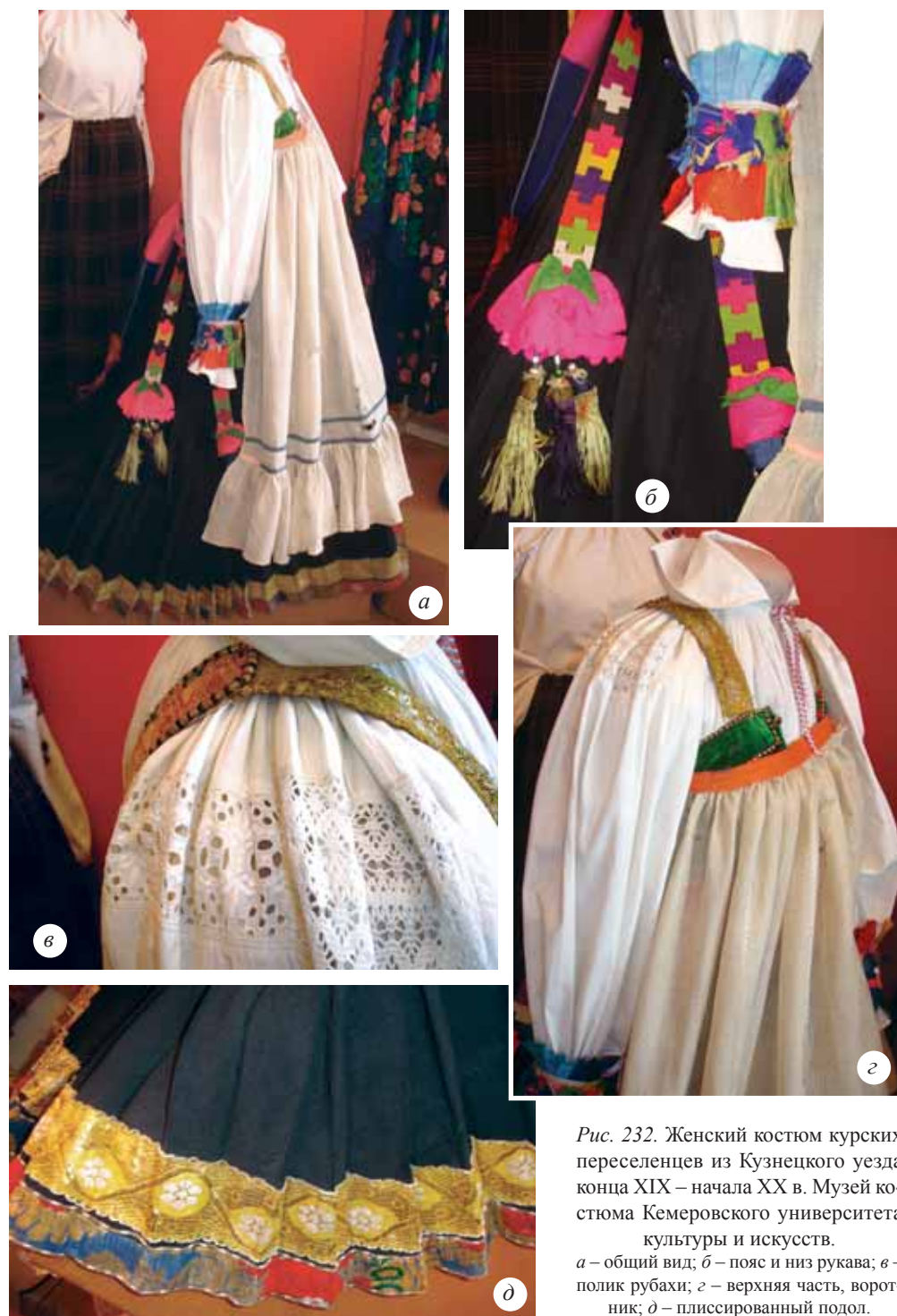

Рис. 232. Женский костюм курских переселенцев из Кузнецкого уезда конца XIX – начала XX в. Музей костюма Кемеровского университета культуры и искусств.

а – общий вид; *б* – пояс и низ рукава; *в* – полик рубахи; *г* – верхняя часть, воротник; *д* – плиссированный подол.

Рис. 233. Женский костюм из Беловского р-на Курской губ. конца XIX – начала XX в. Частное собрание, г. Новосибирск.

а – общий вид; *б* – вид сзади; *в* – свадебный венок.

что были среди них однодворцы-«талагаи» [Толкачёва, 2012, с. 91, 148]. Сложный головной убор в Сибири подвергся упрощению: к изучаемому времени он состоял из одного платка или шлычка с платком – убор, известный в Нижнедевицком уезде Воронежской губ. [Толкачёва, 2012, с. 64]. О традициях мужского костюма сведения практически отсутствуют. У информантов сохранились праздничные сапоги, которые берегли как семейную реликвию (см. рис. 224). Валянную из шерсти обувь – валенки стали катать уже на сибирских землях.

Курские переселенки, по словам информантов, приехали в Сибирь одетыми «в расейском», а уже на новом месте стали шить юбки и кофты по-сибирски

Рис. 234. Костюм жениха из Курской губ. конца XIX – начала XX в. Частное собрание, г. Новосибирск.

(рис. 232). Приехали в холщовых рубахах-рукавах и холщовых же с уборкой юбках. На рубахи использовали белые холсты, на юбки шла суконная *пестрядь* в сине-красную клетку-*пешечку*. Судя по описанию, рубахи относились по покрою к поликовым со сборенным воротом. На плечах было принято вставлять красные вставки, а низ рукавов украшать шелковыми лентами, делать бры-

а

Рис. 235. Верхняя женская одежда – холодайка из Беловского р-на Курской губ. конца XIX – начала XX в.

а – общий вид. Частное собрание, г. Новосибирск; б – общий вид. Музей костюма Кемеровского университета культуры и искусств.

б

жи. Со слов А. А. Левиной*, про вышивку большинство пожилых женщин не помнят (ПМА 1990. № 1. Л. 44). Приехали в самотканой верхней одежде – *зипунах*, которые на первых порах жизни в Сибири носили зимой. Одна часть информантов утверждала, что их матери не носили сарафанов, другие подтверждали факт ношения этого вида одежды. Курский костюм с сарафаном сохранился в Музее костюма Кемеровского Университета культуры и искусств, в частных собраниях Новосибирска. Судя

*Левина (урожденная Бирюкова) Акси́ня Афанасьевна (1897 г. р.), д. Верх-Ирмень Ордынского р-на Новосибирской обл. Привезли из Курской губ. в годовалом возрасте, т. е. в 1898 г.

Рис. 236. Одежда южнорусских переселенцев Алтая. Государственный художественный музей Алтайского края.
а – общий вид; б – вид спереди; в – вид сзади.

по музейным собраниям, курский комплекс с сарафаном включал рубаху, сарафан, передник, пояс, головной убор. Те сарафаны, которые сохранились в музейных собраниях, сшиты из черной шерсти или шелка, отделаны позументом, бархатом, шнуром, полосками узорной шелковой ткани по лямкам, низу подола и груди с разрезом (рис. 232, 233). Обращает внимание подол, собранный складками в виде плиссировки, что составляло отличительную черту одежды курских переселенков и выделяло их на фоне прочих групп сибирского населения, включая также старожилов. Передник с уборкой или аппликациями, кружевами по низу повязывался над грудью, чем курянки также отличались от своих соседей. Ярким дополнением костюма были пояса, вытканые закладной и другими техниками, с украшенными концами – в виде пышных кистей, бантов и маленьких «юбочек» из шелковых тканей и пр. (рис. 234). Верхнюю летнюю одежду женщин – *холодник* изготавливали из домотканого сукна, красного штофа, сатина, а отделывали бархатом, галунами, декоративными строчками (рис. 235). Праздничная мужская одежда из домотканого или покупного фабричного синего, коричневого, черного сукна или плиса называлась *кафтаном*. Она была длиной до колен, приталенная, со сборками сзади и с боков, с сужающимися книзу рукавами. Этот вид одежды застегивался налево на крючки или большие медные пуговицы. Свадебные кафтаны отделывались по карманам, обшлагам, воротнику и борту позументом, металлизированной тесьмой (рис. 236).

Глава девятая

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ (Витебской, Гродненской, Минской, Могилёвской и пр.)

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ

В районы Барабы и Кулунды выходцы из Могилёвской, Витебской, Минской и некоторых других западных губерний Российской империи приехали в начале XX в., а также в годы столыпинской аграрной реформы. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., белорусы составляли в Западной Сибири 0,23 % [Население Западной Сибири, 1997, с. 150–154]. Однако впоследствии всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916–1917 гг. выявила значительный процент белорусов в селениях Кайлинской, Гондательевской вол. Томского уезда, Усть-Тартасской, Иткульской (с. Никольское, Куликовский, Васильевский), Кыштовской вол. Каинского уезда Томской губ. [Фурсова, 2011, с. 24]. В начале XX в. белорусы компактно жили в целом ряде поселков и деревень районов Новосибирского округа: Ужанихинского (Дубечинский, Сидоркино, Семено-Островский и пр.), Чулымского (Васильевка, Куликовка, Дубрава, Рождественка). Чаще всего белорусы селились вдоль рек в лесных и болотистых районах, напоминающих родные места. В новых условиях уже в первом поколении белорусы переходили на русский язык. Совершенно очевидно, что переселения из белорусских земель продолжались и в более позднее время, на рубеже 1920–1930-х гг. [Там же, с. 26].

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ, МАТЕРИАЛАХ

Долгое время после приезда в Сибирь, вплоть до 1930-х гг., белорусы сеяли лен и ткали, поэтому у некоторых пожилых людей

Рис. 237. Женский костюм белорусской переселенки, начало XX в. НГКМ.

Рис. 238. Женский костюм белорусской переселенки, начало XX в. НГКМ.

всё еще хранятся целные, корневые прялки. В отличие от старожилок-чалдонков, которые не слишком обременяли себя работой со льном, многие белорусские женщины по памяти могут рассказать весь процесс ткачества, назвать орудия льноводства. «Пока рубашку оденешь – лен двести тысяч раз возьмешь в руки», – вспоминала П. И. Бондарева из д. Колбаса Кыштовского р-на. Если лен требовалось отбеливать, то шерсть обычно красили в красный, оранжевый, синий, черный цвет. Сохранившиеся образцы тканины дают представление о разнообразии рисунков для одежды, среди которых встречаются средние, мелкие и крупные клетки, полосы, более сложные ромбовидные фигуры и пр. (рис. 237–242). Помимо наиболее распространенных красно-черно-белых цветовых сочетаний, в музейных коллекциях и в частных собраниях потомков переселенцев хранятся сине-красно-белые, красно-сине-зеленые, хотя полихромия в целом не типична для белорусского костюма [Молчанова, 1968, с. 131].

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

В Сибирь были привезены комплексы белорусской одежды, которые, как нам известно, сформировались к середине XIX в. [Молчанова, 1968, с. 126]. Женские

Рис. 239. Костюм белорусской переселенки из Гомельской губ. Пелагеи Степановны Ковган (1915 г. р.). Д. Надеждинка Северного р-на Новосибирской обл. ПМА 1994. Сорочка, юбка, фартук орнаментированы ткаными и вышитыми узорами.
а – вид спереди; б – вид сзади.

Рис. 240. Костюм белорусской переселенки, начало XX в. С. Кыштовка Кыштовского р-на Новосибирской обл. Сорочка, шерстяная домотканая юбка в полоску. Кыштовский краеведческий музей.

Рис. 241. Белорусские переселенцы Екимковы из д. Останинка Северного р-на Новосибирской обл. ПМА 1994.

Рис. 242. Костюм белорусской переселенки, начало XX в. С. Кыштовка Кыштовского р-на. ПМА 1994.

костюмы из белорусских губерний (или те, которые точно повторяли традицию на новом месте поселения) включали: рубаху (*сорочку*), юбку или сарафан (*панёву*, *андарак*, *саян* и т. д.), головной убор, обувь. Хранящийся в Кыштовском краеведческом музее комплекс одежды переселенки из Могилёвской губ. состоял из домотканых сорочки с прямыми поликами, юбки-андарака (без головного убора *намитки*) (см. рис. 240). Сохранялся в сибирских селах сложившийся в Белоруссии обычай делать сорочку короче верхней (горничной) одежды типа юбки или сарафана.

Образцы нательной белорусской одежды относились к рубахам («сорочкам») общеславянского типа с прямыми поликами (по утку основных полотен) и бореным воротом, которые отличали славян от финских и тюркских народов. Во времена Древней Руси слова *срачица*, *сорочица* обозначали как нательную, так и верхнюю одежду, изготовленную из полотна или сукна. В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» слово «сорочица» по-

стоянно упоминается, когда речь идет о необходимом атрибуте свадебного и погребального костюмов: «...а как царь выходит из мыльни, в то время возлагают на него срачицу и порты...»; «Когда умирает царь, на его тело одевают срачицу и порты и царское одеяние...» [Котошихин, 1859, с. 10, 16].

Могилёвские переселенки про нательную и повседневную домашнюю одежду говорили: «Рубахи тканые носили з лямками». Те могилевские выходцы, кто считал себя и своих предков русскими, называли вставки *прорамками*; те, кто относил себя к белорусам – *паляками* (рис. 243–245). Крестьянки хорошо помнили термины, связанные с названиями частей женской рубахи: верх – *стан*, низ – *подстава*, манжета – *ковнерец*, стоячий или отложной воротник – *ковнер*, что соответствует названиям в белорусской традиции, за исключением низа (по-белорусски это *подточка*) [Молчанова, 1968, с. 130, Виннікава, Богдан, 2009, с. 104]. Воротники и манжеты застегивали на пуговицы или запонку. Сорочки, сшитые из разносортной ткани – более тонкой для верха и грубой для низа – были широко известны среди русских и прибалтов. Так называемые *суцельные* сорочки не получили распространения, – вероятно, потому, что они отсутствовали в местной сибирской среде. Вместе с тем,

Рис. 243. Женщина в сорочке поликового покроя, характерной для переселенцев из Виленской губ. Д. Бергуль Северного р-на. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

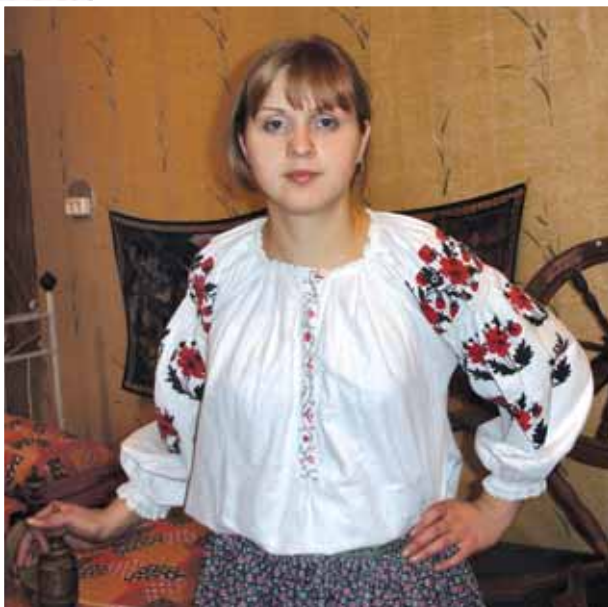
Изготовлена Секлетиньей Ефимовной Осиповой (1922 г. р.) из отбеленного холста со вставкамибраного ткачества и вышивкой в технике белой перевити. Вышивка счетной гладью по поликам, воротнику-стойке, низу подола. Орнамент геометрический (ромбы, ступенчатые ромбы, ромбы с продолженными сторонами, квадраты и пр.).

Рис. 244. Рубаха белорусской переселенки из Ояшинской вол. Томского уезда и губернии. Начало XX в. Музей педколледжа г. Болотное Новосибирской обл.

Рис. 245. Костюм белорусской переселенки из Ояшинской вол. Томского уезда. Начало XX в. Музей педколледжа г. Болотное Новосибирской обл.

в собраниях музеев хранятся рубахи не только составные, но и с цельным станом (см. рис. 243–244). Верхнюю часть женских рубах традиционно старались орнаментировать ткаными или вышитыми узорами – по поликам, оплечью, воротнику, рукавам. Части рукавов соединяли посредством узоротканых декоративных вставок, края воротников и манжет обшивали швом «в замок» (рис. 246, 247). Узоры выполнялись обычно красными бумажными (*заполоччу*) или льняными отбеленными нитками. Преобладающим орнаментом был геометрический – в виде крестов, ромбов, зигзагообразных линий и пр. (рис. 248).

Приведем описания некоторых экземпляров женских рубах, бытовавших в первой четверти XX в. Холщовые рубахи белорусских крестьянок в покрое, орнаментации и технологии сохранили не только традиционные славянские черты в достаточно полном виде, но, что важно, наиболее архаичные элементы, восходящие к ранним этапам культуры крестьян-земледельцев. Сорочки шили до середины голеней и носили без нижнего белья, т. е. без штанов, так как их ношение

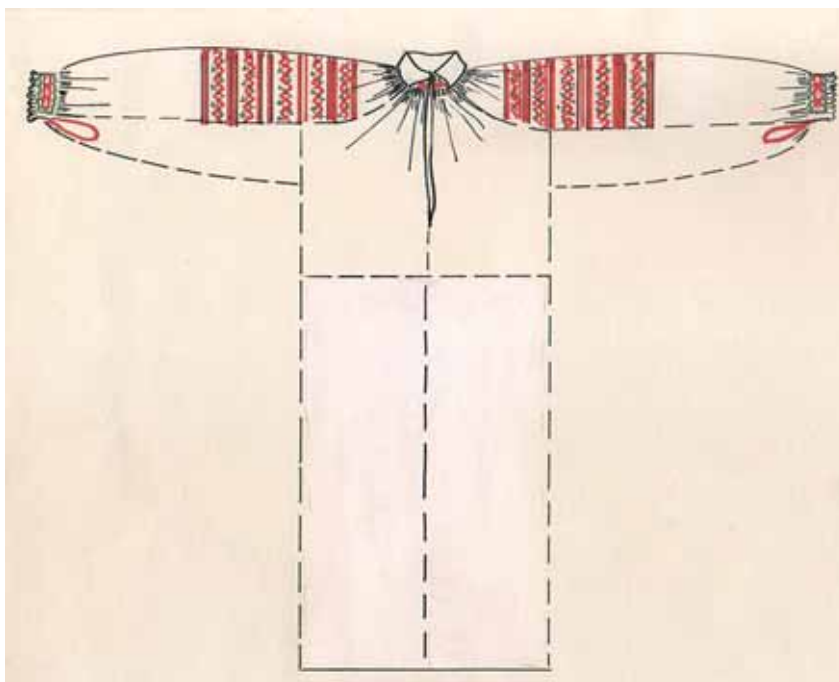

Рис. 248. Холщовая сорочка. С. Камышенка Петропавловского р-на Алтайского края. Вторая половина XIX в. Алтайский краеведческий музей.

для женщин было запрещено. В музее педколледжа Болотнинского р-на Новосибирской обл. хранится рубаша из соседней д. Большеречка (см. рис. 244). По покрою она относится к поликовым с цельным станом из трех отрезов холста (*суцельная*), так что на изготовление потребовалось девять кусков ткани (без учета двух ластовиц). Прямоугольные полики расположены по утку основных полотнищ стана. Рукава обычной для сибирских белорусов конструкции состоят из двух отрезков ткани (полотна 41 см шириной и дополнительной надставки в 8 см); соединяются со станом предварительно собранными мелкими бориками. Верх рукавов и часть поликов со спины узорно вытканы красными нитками, орнамент – ромбы с продолженными сторонами. Воротник-стойка выполнен в виде неширокой обшивки; такой же примерно ширины и манжеты – в виде сложенной пополам полоски ткани. Воротник вышит крестиком, красными нитками, застегивался на брошку или запонку. Традиционно для рубаш с цельным станом по низу подола проложена мережка, а немного выше – вышивка, которая в местах соединения вертикальных полотен пересекается вышивкой с таким же орнаментом («кривулькой» по-белорусски).

Нечасто встречаются – если судить по сибирским материалам – женские сорочки особого покрою (на кокетке), известного в Белоруссии как *на гестках*. Этот вид одежды бытовал в южных районах Могилёвской, Гомельской, Витебской губ. и рассматривается белорусскими этнографами как поздний, появившийся под влия-

янием города или украинских соседей [Молчанова, 1968, с. 129, 131]. В отличие от православных соседей, белорусы-католики из д. Тынгыза Кыштовского р-на не расшивали свои рубахи ни узорным тканьем, ни вышивкой. Как известно, неукрашенные сорочки встречались в начале XX в. в ряде районов северо-западной и центральной Белоруссии (северные районы Гродненской и Минской обл., западные районы Витебской обл.) [Молчанова, 1968, с. 131].

В комплексе с поликовой рубахой белорусские переселенки носили полотняную или шерстяную юбку, которую называли *панёвой*. Например, в среде гомельских переселенцев нам встретились полотняные юбки в черно-белую клетку и панёвы в красно-сине-белую клетку, которые считались праздничной одеждой. Могилёвские использовали для юбок ткани и в клетку, и в полосу, причем сшитые как из льняного полотна, так и из шерсти – все виды набедренной одежды они называли *юбками*. Однако шерстяные юбки и здесь считались праздничными (см. рис. 240).

Андарак, вид поясной женской одежды, который также упоминался в старобелорусских письменных памятниках XVI в., был известен в Сибири как *андрак*. Некоторые исследователи (например, языковед и этнограф Ф. Е. Карский) не считали этот термин общеполорусским и находили его корни на востоке [Карский, 1904, с. 175], другие ученые полагали, что по происхождению это слово восходит к немецкому «Unterrock» [Молчанова, 1981, с. 70]. По мнению Л. А. Молчановой, в средние века андараки являлись одеждой богатых слоев общества и поэтому обычно изготавливались из импортных тканей [Молчанова, 1981, с. 69].

Среди потомков белорусов систематически встречаются упоминания о том, что поверх рубахи минские и витебские переселенки надевали юбку-*саян* (вариант: *сыян*) и *кохту* из шерсти домашнего изготовления. По волокнистому составу эта домотканина была смешенного происхождения: основа – *портяная*, уток – шерстяной («подтыкають шерстю»). Саяны были узорноткаными, в клетку или полосу. Такой тип женского костюма носили не только матери современных пожилых людей, но и поколения второй половины XIX в.

Заметим, что сам по себе факт упоминания в Сибири саянов уникален, ведь многие факты говорят в пользу их очень древнего происхождения. Частое упоминание о них в старобелорусских памятниках письменности XVI в. дало повод исследователям говорить об их раннем широком бытовании [Молчанова, 1981, с. 67]. Однако в XIX в. одежда с аналогичным названием была уже явлением редким, в то время как юбка с пришитым лифом (или без него) широко бытовала у населения северо-западной Белоруссии [Молчанова, 1981, с. 69]. В настоящее время такой вид одежды можно встретить и в собраниях сибирских музеев (рис. 249). Поверх сорочки и юбки надевали также еще один вид поясной одежды – *фартух*, или *хвартух*, который к настоящему времени практически не сохранился.

Могилёвские крестьянки поверх рубахи носили плечевые виды одежды – *сарахван* или *кабат*. Длинный *сарахван* на узких лямках шили из раскошенных полотен; по груди он немного собирался в борки. Верхнюю часть (лиф) могли делать как цельной, так и отрезной. Кормящие матери пользовались для кормления детей

Рис. 249. Кабат. Д. Индустрия Прокопьевского р-на Кемеровской обл. Фото Г. Г. Гербер.
а – вид спереди; б – вид сзади.

небольшим разрезом-застежкой между лямками. Основным материалом для изготовления сарафана являлась полусуконная ткань («Ленным снуешь, а с овечек шерстью подтыкаешь»), которая была одноцветной либо тканой в клетку, полоску.

Судя по описаниям Е. Е. Жуковой*, кабат представлял собой сшитые вместе безрукавку и юбку («Как сарахван одеётся, юбка сшита с лифом») (ПМА 1997. № 19. Л. 18, 20 об.). Как и на прежнем месте жительства, кабат шили из домотканнины, приготовленной из шерстяных волокон – в основном черного или коричневого цветов («Шерсть выткуть и сошьют этот кабат»). По рассказам некоторых других информантов, кабат могли шить из ткани в клетку (см. рис. 249). Описанные выше виды горничной и повседневной одежды носили и зимой, и летом.

Безрукавки, появившиеся, как считают исследователи, в Белоруссии в XVII–XVIII вв. благодаря польскому влиянию, в Сибири практически неизвестны – возможно, потому, что они не получили одобрения среди местного старожильского населения.

По талии поверх горничной или повседневной одежды женщины подпоясывались тканым поясом. К началу XX в. в белорусских семьях практически

*Жукова Елена Епифановна (1921 г. р.), д. Тынгыза Кыштовского р-на Новосибирский обл. Родители из д. Ельня Могилевской губ. Мать привезли из России в возрасте 12 лет.

не сохранилось старинных плетеных и тканых поясов из растительных волокон и шерсти, которые были известны на территории Белоруссии еще по археологическим находкам XI–XII вв., а также шелковых поясов, распространившихся начиная с XVIII в. из г. Слуцка (*слуцкие* пояса) [Молчанова, 1959, с. 25]. На Могилёвщине и Витебщине, откуда в основном прибывали белорусы в Сибирь, были известны как древняя техника плетения «торганне» (всё делается руками при участии двух человек), так и ткачество. Орнаменты белорусских поясов близки русским, особенно хорошо сохранившимся в Сибири в старообрядческой среде. Встречаются разные узоры линейного и геометрического характера: варианты пересекающихся линий, косых крестов, ромбов, розеток и пр. Размеры поясов весьма разнообразны: от узких (около 2–3 см) до широких (около 15 см). Поясом охватывали талию – один или несколько раз (если пояс был длинным), и завязывали сбоку (рис. 250).

По древней славянской традиции, прически девушек и женщин различались количеством кос: у девушек одна, у женщин две, закрученные вокруг головы в форме венка. Традиция закручивания волос на твердый обруч – *тканку* или *кибалку* – ушла с первым поколением переселенков. Еще в 1980-х гг. многие женщины помнили, что их бабушки и мамы покрывали голову *чепцами*, как называли мягкие шапочки, которые держались на голове при помощи шнурков («Мать к смерти себе сшила из марлочки чапец»). Поверх чепца повязывали под подбородком платок-хустку (платки с таким названием были известны не только белорусам, но украинкам и полякам (*husta*), который был хорошо известен по белорусским письменным источникам XVI в., причем не только в качестве головного убора: он обозначал отрез полотняной ткани [Молчанова, 1981, с. 99]. Многослойные покровы женщина носила в силу древнего запрета, который для изучае-

Рис. 250. Одежда из кумача. Омская обл., 1925 г.

мого времени объяснялся соображениями «совестливости», «стыда», «что кто-то посторонний увидит волосы не своей жены». Платок считался важнейшим элементом костюма женщины, был желанным подарком от отца, а потом, при сговоре – жениха, впоследствии – мужа. Для изучаемого времени уже не употреблялось старобелорусское обозначение головного полотенца – *намитка*, забылось и старое название, и сам убор *чапец*, а сибирское обозначение шапочки *шашмура* не прижилось. До 1930-х гг. женщины носили модный вязаный платок-хвайшонку, а после Великой Отечественной войны большинство пожилых женщин стали носить только один фабричный набивной платок.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужской повседневный костюм включал холщовую рубашу (*сорочку*) и штаны (*штаны* у православных, *бручи* у католиков) из черного или коричневого полусукна (основа портяная, уток шерстяной). В отличие от сибирских, в белорус-

ских рубашах делали разрез-застежку по центру, а низ рукавов собирали на сборки и манжету. Стоячий воротник и *манишку* по груди могли расшивать вышивкой, обычно представлявшей собой растительный орнамент, выполненный красными, черными или другого цвета нитками в технике «крест» (рис. 251). Надетую навыпуск рубашу подпоясывали поясом. Пояс (*шарф*) считался традиционным подарком жениху со стороны невесты. Рабочие мужские штаны шили из пестрядинной льняной ткани в клетку и в полоску. В Сибири не отмечены широкие мешковатые шаровары, которые, по мнению исследователей, были распространены в шляхетской среде и не являлись традиционными для белорусского

Рис. 251. Мужчина в холщовой рубаше с декорированием по отложному воротнику, застежке и низу рукавов, 1910–1920-е гг. Петропавловский краеведческий музей Краснозерского р-на.

крестьянства [Молчанова, 1968, с. 152]. Повседневным головным убором в Сибири были не плетеные шляпы-капелюши, но популярные здесь картузы.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА И ОБУВЬ

В Сибири сохранилась верхняя одежда наиболее древнего – как для белорусов так, собственно, и для русских – прямого неотрезного покроя. Внешне она походила на балахон с широкими полами и длинными рукавами (рис. 252, 253). Сохранению такой одежды в качестве рабочей способствовало бытование ее также у сибиряков-

Рис. 252. Межсезонный костюм белорусской переселенки с шабуром и поясом. Фото А. А. Мальцева. Кыштовский краеведческий музей.
а – вид спереди; б – вид сзади.

Рис. 253. Межсезонный костюм белорусского переселенца начала XX в., Кыштовская вол. Каинского уезда.

старожилов, от которых была заимствована терминология. Приведем высказывания на этот счет: «Мужчины носили шабуры поверх рубахи на работу. Ткали и шили шабуры женщины. В будни и праздники носили холщовую одежду» (А. Н. Поляков, д. Чемское Тогучинского р-на Новосибирской обл.). «Носили шабуры, полушубки научились выделывать овчинные, а то всё шабуры, зипуны» (Д. Е. Юдина, д. Никоново Маслянинского р-на Новосибирской обл.). Название верхней одежды – *армяк*, которое было известно и в Белоруссии (оно и обозначало разновидность древней суконной одежды), бытовало и на исследованных сибирских территориях. «Тятя армяк одевал с высоким воротником, так что одно лицо видно. Немного расширен

внизу. Воротник простегивали, чтобы стоял. Армяк запахивался налево и застегивался на пуговицу у ворота. Армяк одинарный, не стежёный, рукава широкие, длинные. Ткань соткут, еще и перед шитьем подкатают. Он плотный делается, что войлок. В нем только ездили, работать в нем нельзя. Армяк обязательно подпоясывали» (З. Е. Осокина, д. Лебедева Тогучинского р-на Новосибирской обл.).

Сведения о белорусских *свитках*, *катанках* встречаются очень редко, эти понятия практически вышли из употребления. Одежда одинакового покроя могла обозначаться по-разному, но все эти обозначения были известны в старожиловских говорах. «Чисто шерстяной пониток дед носил, кто-то его звал зипуном. Пониток стежили на льняной подкладке (льняной кудели). Запахивался налево, застегивался на пуговицы. Шили с невысоким воротником-стойкой» (З. Е. Осокина). Таким образом, слово *сермяга*, известное и распространенное в среде белорусского крестьянства, у которого оно обозначало разновидность рабочей одежды, видимо, было вытеснено местными сибирскими названиями одежды аналогичного назначения. Верхняя межсезонная одежда с приталенной или отрезной спинкой отсутствовала в гардеробе переселенцев, хотя в ряде районов Белоруссии она была широко распространена, например, в Полесье [Молчанова, 1968, с. 152].

В отличие от сибиряков рассматриваемого периода, белорусы не знали *куфак*, но мужчины и женщины ходили в *пинжаках*, *жакетках*. «В качестве рабочей

одежды шили пинжаки из домашней шерсти. Они застегивались на пуговицы и доходили до середины бедер. Чтобы пинжаки не промокали, их слегка подкатывали. Шили и простегивали на льняных куделях жакетки, пальто» (Е. А. Бояринова, д. Чемское Тогучинского р-на Новосибирской обл.). «Зипунов наши не носили, а носили чисто шерстяные и полушерстяные понитки и пинжаки» (Е. И. Дремезова, д. Лебедева Тогучинского р-на Новосибирской обл.). Как и в Белоруссии, переселенцы готовили к зиме *шубы* и *полушубки*. Слово *кожух* довольно быстро вышло из употребления, во всяком случае, оно не встречается в ходе опросов, но вспоминается информантами при упоминании о нем. Овчинные полушубки и шубы шили *нагольными*, т. е. не покрывали сверху тканью, как это было принято у сибиряков. «В деревне был один портной, он всем шил одинаковые шубы. Мужчины подпоясывали шубы ремнем, а женщины не подпоясывались ничем» (Е. А. Бояринова).

В Сибири стали более разнообразными и утепленными рукавицы, которые в морозы носили сдвоенными, т. е. надетыми одна поверх другой. «Мужчины надевали вязаные из шерсти и меховые рукавицы – шубёнки. Женщины прятали руки в муфты» (Е. И. Дремезова). «Отец носил вязанки с собачьими меховушками» (Е. А. Бояринова). «На руки одевали собачьи шубёнки. Сядет на лошадь так, чтобы ноги закрыты были» (З. Е. Осокина). «На руки надевали мохнашки из овчины или собачины» (А. Н. Поляков). Сохранились воспоминания о том, что в те времена люди были настолько крепкого здоровья, что в морозы (–30 °С и ниже) не надевали ни рукавиц, ни даже шапок.

Значительные изменения произошли в белорусской обуви, свидетельством чему служит смена плетеных *лаптей* на кожаные *обутки*, хотя лапти продолжали носить при выполнении сельскохозяйственных работ, в чем сказывалась привезенная из Белоруссии традиция [Мышко, 1941, с. 82]. «С России приехали в лаптях, а здесь некому было делать лапти. Стали держать скотину и делать обутки» (Е. И. Школрупина, д. Пайвино Маслянинского р-на Новосибирской обл.). «В лаптях из России пришли, потом появились обутки кожаные» (Д. Е. Юдина). «Носили лапти из конопляных веревок, а то и босиком бегали. Я сама еще носила лапти из веревок с портянками – онучками. Старики плели лапти из лыка тальника» (Е. И. Дремезова).

В местах компактного проживания белорусов лапти до недавнего времени были повседневной обувью: их умели плести как минимум три поколения прибывших в Сибирь белорусов (деды, родители и их дети). Например, в д. Тынгыза Кыштовской вол. Томского уезда с лаптями надевали шерстяные носки и повивали льняные онучи еще в 1930–1940-е гг. Такой вид обуви носили не только в прохладную погоду, но и летом, когда отправлялись бродить по болотам – например, на покос или за ягодами. Местная жительница Банета Антоновна Ермолович (1916 г. р.) вспоминала, что коров пасли, сено косили «у лаптёх». Ее муж Франц Петрович (1915 г. р.) хорошо помнил технологию прямого плетения (хотя нам встречались и косо́го плетения): «Лыза из тальника хорошая росла. Нарубишь, обрежешь ровненько, и, пока сидишь, пары две можно сплести. Закладаешь сюды, потом длинную лозину и пошел. Сюда крутынок на быках подплетешь, обору сделаешь,

а

б

Рис. 254. Плетеная обувь.

а – лапти, с. Знаменское Омской обл. Знаменский краеведческий музей Омской обл.; б – лапти из Каинского уезда. Куйбышевский краеведческий музей.

обуваешь и усё» (рис. 254). Вспоминают, что в условиях разорительных налогов 1930-х гг. («при Сталине»), когда требовалось сдавать государственной комиссии все шкуры домашних животных, стало нечего обувать, и поэтому спасались только лаптями. К зиме также готовили плетеные из грубой шерсти *лунты*, которые могли носить с лаптями (например, управляться в усадьбе, на дворе).

Буквально на второй-третий год проживания в Сибири белорусские переселенцы пополнили свой гардероб специфически сибирской зимней обувью – пимами, которые называли *валенками*. «По домам ходили пимокаты, которые в банях катали и в печах сушили валенки, а сапожники шили сапоги, ботинки» (Е. А. Бояринова). «Пимы катали, пимокаты были в каждой деревне свои. Сибиряки делали пимы с узорами, а наши – нет» (Д. Е. Юдина). «В морозы тятя ноги обматывал портянками и одевал пимы. Вышитых пимов наши не носили» (Е. А. Бояринова). «Валенки носили самокатанные, их катали по домам. Дед каждую зиму катал. Валенки были мягкие, гнулись при ходьбе. У мужчин были длинные пимы, до паха. При ходьбе их загибали, а когда ехали в лес, то отгибали, чтобы ноги не мерзли. Чёсанки – легкие аккуратные валенки – носили и мужчины, и женщины. Большим девкам катали в церковь ходить. Чёсанки катали черными и белыми. Они были покороче пимов, их носили с калошами» (З. Е. Осокина).

А. Н. Поляков сохранил в памяти процесс валяния, не единожды увиденный им в детстве: «Отец катал пимы из овечьей шерсти в бане. Застеливали в большую тряпку шерсть, свертывали трубкой и скатывали большой валенок. В бане на полке катали рубелем, перед этим рубель макали в кипяток, чтобы шерсть усаживалась. Когда сядет, натягиваешь на колодку в форме валенка. Голяшка составная из отдельных палочек. Ночь катаешь, пару сделаешь. Такие пимы были естественного цвета, в основном серые, черные. Богатые люди покупали себе в городе так называемые поярковые валенки с узорами».

Глава десятая

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ (Подольской, Полтавской, Черниговской и пр.)

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ

Основными путями проникновения украинцев в Сибирь были массовые миграционные потоки конца XIX – начала XX в., а также (в меньшей степени) эвакуация из прифронтовых районов в годы Первой мировой войны. К началу XX в. наметилось весьма заметное изменение в распределении мест исхода переселенческих потоков в южную часть Томской губ.: при значительном уменьшении переселенцев из черноземных, северо-восточных заволжских губерний стал заметен активный рост числа переселенцев из южных степных, юго-западных губерний [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 16].

К 1890-м гг. выходцы из юго-западных губерний Российской империи заняли ведущее место по количеству поселившихся в Томской губ. – 47,5 % всех переселенцев. До 1896 г. 1-е место по числу переселенцев приходилось на Полтавскую губ. [Кутилова, 1996, с. 113]. В 1885–1889 гг. выходцы из Черниговской губ. занимали по численности в общем переселенческом потоке 13-е место (0,3 %), в 1895–1899 гг. переместились на 2-е место (24 %), в 1900–1904 гг. – на 3-е место (10 %) [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 16]. Совсем отсутствовавшие в 1885–1894-е гг. Екатеринославская и Таврическая губ. в 1895–1899-е гг. заняли соответственно 25-е место и 33-е, а в 1900–1904 гг. – соответственно, 7-е и 21-е места. По данным переписи населения Российской империи 1897 г., украинцы составляли в Западной Сибири 4,65 % (рис. 255, 256).

Анкеты сельскохозяйственной переписи населения 1916–1917 гг. свидетельствуют о компактных поселениях украинцев

Рис. 255. Е. С. Томченко, исполнительница украинских народных песен. Д. Белое Карасукского р-на Новосибирской обл. ПМА 2007.

Рис. 256. Семья Свириденко – потомки переселенцев из Полтавской губ. Д. Веселовка Краснозерского р-на Новосибирской обл. ПМА 2001.

как в старожильческих селениях, так и во вновь заселенных. Так, в с. Кайлы Кайлинской вол. Томского уезда черниговские переселенцы составляли 19 %, полтавские – 13 %, харьковские – 4,4 % от общего народонаселения. Половину населения представляли выходцы из Киевской губ. – в д. Трактомировский, Сухиновский Гондательевской вол. Томского уезда, в пос. Друцкий Усть-Тартасской вол. Каинского уезда абсолютное большинство составляли выходцы из Черниговской губ. и т. д. В отличие от белорусов, украинцы заселили в массовых масштабах земли значительно южнее Московского Сибирского тракта: южную часть Барабинской низменности, Кулунду, возвышенность Сокур.

Согласно Всесоюзной переписи 1920 г., в Татарском уезде Омской губ. более всего украинцев проживало в Андреевской – 28,2 %, Баганской – 28,4 %, Вознесенской – 18,9 %, Карачинской – 14,0 %, Купинской – 15,0 %, Метелевской – 86,0 %, Ново-Теренгульской – 40,7 %, Татарской – 20,1 %, Цветнополь-

ской – 50,1 % вол. [Итоги..., 1923, с. 81–89]. Перепись 1926 г. свидетельствует, что в различных округах Сибирского края украинцы проживали: в Барабинском – 15,6 %, в Барнаульском – 5,7 %, в Бийском – 2,3 %, в Каменском – 16,4 %, в Новосибирском – 8 %, в Омском – 21,4 %, в Тарском – 2,6 % [Всесоюзная перепись, 1930, с. 5–14]. По районам значилось: в Каргатском районе – 11,5 %, в Коченевском – 6,7 %, в Маслянинском – 4,6 % и т. д. (ОАСТА Каргатского р-на Новосибирской обл. Ф. 1, Оп. 1, Д. 1–4. ОАСТА Коченевского р-на Новосибирской обл. Ф. 1, Оп. 1. Д. 30, 60, 78).

Компактные поселения украинцев (или селений с их численным преимуществом) были во множестве расположены в Гутовском, Черепановском р-нах Новосибирского округа, Купинском, Спасском, Татарском, Убинском, Чановском, Юдинском р-нах Барабинского округа, Карасукском, Ключевском, Черно-Курьинском р-нах Славгородского округа, Панкрушихинском р-не Каменского округа и др. В 1939 г. по Западной Сибири лица украинской национальности составляли в среднем 6,2 % [Население... 1997, с. 150, 155].

Полевые наблюдения показывают, что в среде сибирских украинцев принято составлять истории сел, «летописи» их основания и заселения; благодаря этим сведениям стало известно, что многие были выходцами из Полтавской и Черниговской губ. [Фурсова, 2003, с. 81]. Заметим, что данные народных «летописей» сел во многом подтверждаются исследованиями современников столыпинских реформ, в частности, материалами С. П. Швецова, указывавшего на большое количество полтавских, харьковских, черниговских переселенцев в Карасукской, Нижне-Кулундинской, Лянинской вол. Барнаульского уезда [Швецов, 1899, с. 18, 20, 21 и пр.].

Украинцы, заселяя села на вновь осваиваемых территориях, называли их привычными для их родины названиями или старались указывать этническую принадлежность: например, в Новосибирской области имеются деревни: Украинка Северного р-на, Миргород Карасукского р-на, Новокиевка Куйбышевского р-на; д. Черниговка, Хохлуша – в Алтайском крае и пр. Довольно распространенным обычаем было присваивать названия в соответствии с престольными праздниками, так как абсолютное большинство сибирских украинцев – православного вероисповедания.

В селах, где украинские переселенцы подселились к чалдонам или старообрядцам-кержакам, в настоящее время, как правило, большинство составляют украинцы. Считавшееся оскорбительным на Украине прозвище «хохол» в конце XIX – начале XX в. стало для сибирских украинцев самоназванием (в варианте произношения «хахол»). Слово «хахол», согласно объяснению пожилых людей, означает «переродок», «обрусевший украинец – но еще не русский».

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ, МАТЕРИАЛАХ

Одежда переселенцев из юго-западных губерний России (Подольской, Полтавской, Черниговской и пр.) отличалась множеством локальных вариантов. Часть привезенных в Сибирь выходцами с этих территорий комплексов народной одежды получила распространение, часть оказалась утраченной по разным причинам.

В первой трети XX в., как и на прежнем месте жительства, переселенцы изготавливали одежду из льняных, конопляных и шерстяных тканей домашнего производства. Как известно, лен выращивали преимущественно в украинском Полесье и в западных областях современной Украины, коноплю – на Полтавщине и в Черниговщине [Украинцы, 2001, с. 124]; именно поэтому одежда из конопляного волокна бытовала преимущественно у выходцев из этих районов. Например, А. О. Лях* из д. Кайлы Мошковского р-на Новосибирской обл. вспоминала, что при единоличном хозяйствовании в 1920-х гг. в их семье продолжали традиционно сеять коноплю, необходимую для изготовления одежды. Процесс обработки конопли включал вымачивание в реке, сушку, мятые на мялках, трепание трепалами, прядение.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

На фоне старожилок и российских переселенок **полтавские** женщины выделялись тем, что шили рубахи из конопляного полотна (рис. 257, 258). Сорочки по покрою относились к общеславянским поликовым конструкциям с *установками* на плечах, пришитым по утку полотен стана. Этим расположением они отличались от традиций Полтавщины, но оказывались ближе конструктивным приемам Черниговщины, северной Киевщины, а также соответствуют местным сибирским традициям [Николаева, 1988, с. 34, 35, 84]. Сорочки имели длинные широкие рукава и шились с цельным станом, т. е. *суцельными*. На изготовление этой одежды требовалось три полотна. *Установки* на плечах вышивали, используя разную технику: «по выдергу» белыми нитками по разряженному полотну («по-белому»), «заполочью» (заполоч – хлопчатобумажные нитки красного, черного и других цветов) (рис. 259, 260).

Если сорочки делали составными, то верхнюю часть называли *стан*, нижнюю – *пидточка*. В собрании Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук хранится несколько женских рубах переселенок из Полтавской губ., которые по времени изготовления относятся к концу XIX – первой трети XX в. (см. рис. 257–258). Во всех рубахах стан традиционно выкро-

*Лях (по мужу Стасенко) Анна Осиповна (1917 г. р.), д. Кайлы Кайлинской вол. Томского уезда и губ. Родители приехали «с Полтавы».

Рис. 257. Девушка в сорочке, типичной для полтавских переселенцев, с вышивкой в виде растительных узоров в технике «крест» красными и черными нитками. Д. Покровка Доволенского р-на Новосибирской области. Сборы И. И. Кванской. Музей ИАЭТ СО РАН.

а – общий вид: поликовый покрой, цельный стан (суцельная); б – вид сбоку; в – вид сзади.

Рис. 258. Девушки в сорочках, типичных для полтавских переселенцев.

а – поликовый покрой, цельный стан (сущельная); б – вышивка растительных узоров в технике крест черными нитками. Д. Комарье Доволенского р-на Новосибирской обл. Сборы И. И. Кванской. Музей ИАЭТ СО РАН; в – девушка в полтавском костюме Николаевской вол. Барнаульского уезда. ПМА 1989.

Рис. 259. Рукава украинских сорочек.
 а – вышивка геометрических орнаментов в технике мережка, гладь; б – рукав сорочки, вышивка растительных орнаментов в технике «крест» красными и черными нитками; в – полик и рукав сорочки, вышивка растительных орнаментов в технике «крест». Краснозерский художественно-краеведческий музей; г – рукав и полик сорочки. Тальменский краеведческий музей Алтайского края.

Рис. 260. Женщина в сучельной сорочке полтавских переселенцев. Д. Суздалка Доволенского р-на Новосибирской обл. Поликовый покрой, цельный стан. Вышивка растительных орнаментов в технике «крест» красными и черными нитками. Сборы И. И. Кванской. Музей ИАЭТ СО РАН.

а – общий вид; б – вид сзади.

ен из трех конопляных или льняных холстов шириной 47–48 см. Перед и спинка включают одно цельное полотно и половину второго, которое охватывает фигуру сбоку. Чтобы вшить рукава, с правого бока оставляли незашитым боковой шов, а с левого делали надрез на глубину 23 см, т. е. половину ширины рукава. Для поздней по времени изготовления сорочки, сшитой в 1960-х гг. из белого штапеля шириной 77 см, оказалось достаточно двух полотен (см. рис. 260). В некоторых старых экземплярах рубах полотна стана соединяются через вязаное

Рис. 261. Подол украинской сорочки.

иглой кружево, что увеличивает ширину шага при движении (рис. 261). В сорочках подол оформлен узорным ткачеством, но чаще расшит узкой полоской мережки (рис. 262). В просмотренных рубашках не столь широкие, как на образцах из мест прежнего проживания, рукава – в одно полотно шириной. Для начала XX века в Сибири практически не встречалось широких, «в полторы полки» (полотна) рукавов. Традиция делать внизу рукава сборки, а в местах соединения с уставками – *пухлики* (или *пухли*) была перенесена на сибирские земли, где бытовала до 1930-х гг.

Массовое переселение украинских выходцев в Сибирь пришлось на конец XIX – начала XX в., когда узорное ткачество для орнаментации сорочек уже вышло из употребления, поэтому сорочки украшались вышивкой крестом, мережкой (назывались «рубашки/сорочки вышиванные»). Вышивку располагали на уставках, воротниках-обшивках, рукавах, манжетах, по низу подола. Украинских рубаш с архаичными для восточных славян геометрическими узорами или геометризированным изображением антропоморфных фигур, растений в Западной Сибири почти не встречается (исключение – переселенцы из Западной Украины

Рис. 262. Мужская и женская сорочки. Краснозерский художественно-краеведческий музей.
а – общий вид; б – орнаментация подола.

1940–1960-х гг.). Для наиболее ранних по времени изготовления сорочек характерно поперечное расположение орнамента на плечах с сочетанием вышивки и тканья по низу подола (см. рис. 262). Здесь вышивка крестом расположена вверх и вниз рукавов, а тканые геометрические узоры – по полям-установкам. В некоторых традициях орнаментации можно видеть влияние проживавших по соседству белорусских крестьян. Тем не менее, в изучаемое время в орнаментации украинских сорочек преобладали растительные мотивы: цветы, бутоны, листья, ягоды, выполненные в основном в красно-черной гамме цветов. Встречается и характерная для Среднего Поднепровья вышивка окрашенной в светлые тона льняной пряжей (см. рис. 259 а). В единичных случаях сохранились сорочки, орнаментированные черными льняными нитками (см. рис. 258 а, б).

Рис. 263. Украинский костюм с распашной по-нёвой. НГКМ.

Рис. 264. Свадебный костюм украинской переселенки из Карасукской вол.: сорочка, юбка, фартук, венок с лентами. Историко-краеведческий музей с. Белое Карасукского р-на Новосибирской обл. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

Рис. 265. Костюм украинской переселенки. Петропавловский краеведческий музей Краснозерского района. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

а – сорочка, юбка, безрукавка-кэрсетка, платок и шаль; б – вид сзади.

Поверх сорочки надевали сборчатую юбку, которую полтавчанки называли *спидницею*. Юбка собиралась складками у талии, украшалась по низу узкими шелковыми лентами в количестве от одной до трех. Поверх надевались более широкие юбки, на которые готовились от трех плотен (*трипилок*) до шести. Шили их из сатина, шерсти как ярких расцветок (зеленые, фиолетовые, красные, синие), так и темных (коричневые, черные). Информанты, родившиеся в начале XX в., с трудом вспоминают о старинной поясной одежде типа *запаски*, *дерги*, *плахты* (рис. 263). В праздничные дни в церковь надевали коленкоровые юбку, кофту, фартук (рис. 264). Девушки и молодые женщины носили одежду ярких и светлых тонов, в отличие от женщин пожилого возраста (рис. 265).

Рис. 266. Костюм черниговской переселенки Дарьи Ефимовны Лакизо (1913 г. р.), Д. Пеньково Николаевской вол. Барнаульского уезда.

Шила и носила мать Валентина Поликарповна Тимошенко. ПМА 1989 г.

Сохранение архаических элементов отличало костюмы **черниговских** переселенцев. Из северных районов Полесья, Черниговщины они привезли в Сибирь традицию пришивать в сорочках полики по утку, которая впоследствии стала преобладающей в местной украинской одежде. Типичная для Черниговщины вышивка белыми нитками постепенно вышла из употребления и стала встречаться в единичных экземплярах. К началу XX в. повсеместно распространилась вышивка красными и черными нитями.

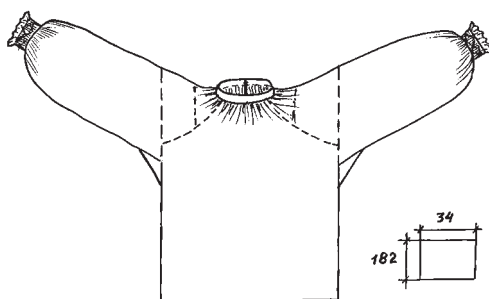
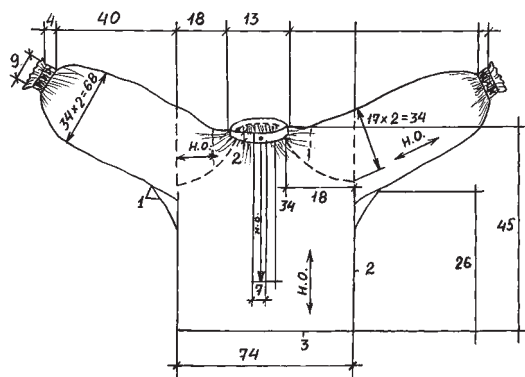
А. Д. Ранжакова (1913 г. р.), родители которой переселились из Черниговской губ. в 1910 г., до недавнего времени хранила несколько сучельных сорочек из холста. В таких сорочках, сшитых из трех цель-

ных полотен, по словам А. Д. Ранжаковой, работали в поле, на покосе. Верхняя часть сорочки называлась *приполлок*. Поверх первой надевали еще одну сорочку такого же покроя с сучельными рукавами, т. е. со слитными поликами. В сорочке Д. Е. Лакизо* из д. Пеньково Маслянинского р-на Новосибирской обл. вышивки по уставкам выполнены крашенными льняными нитками красного и черного цвета, по низу подола проложены вышивки «по выдергу». Узоры представляют собой геометризованный растительный орнамент. Еще одна сорочка Лакизо с сучельными рукавами имеет скромную вышивку льняными нитками красного и черного цвета (рис. 266). Важно отметить, что эти изделия ткала, шила и вышивала в юности мать Д. Е. Лакизо.

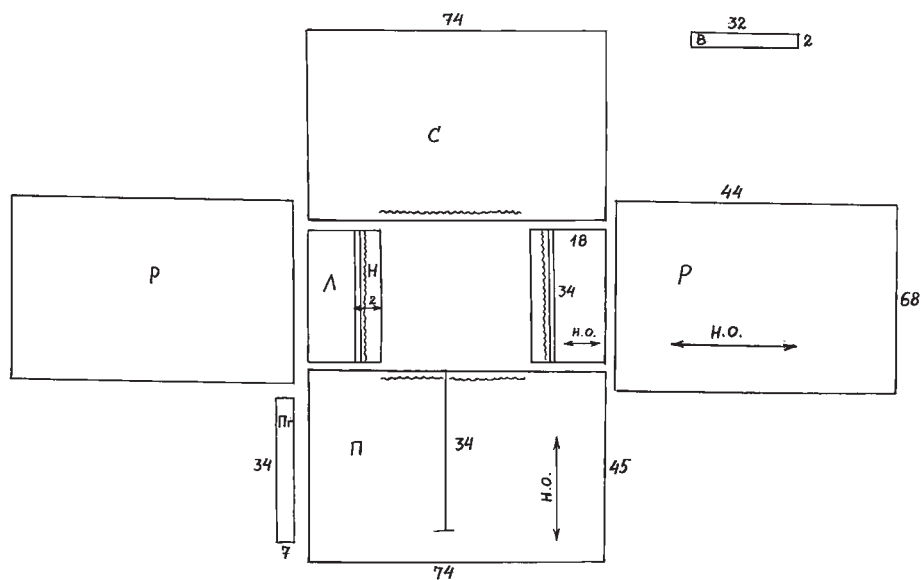
Сорочка из Черепановского р-на, принадлежавшая А. Д. Пархоменко (рис. 267) изготовлена из льняного (возможно, фабричного) полотна необычно

*Лакизо Дарья Ефимовна (1913 г. р.), д. Пеньково Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ. Родилась в д. Прямское этой же вол. Родители из Черниговской губ.

большой ширины – 74 см. Уставки пришиты по полесской традиции по утку, т. е. поперек стана. Из-за того, что полотно шире домотканого почти в два раза, полики пришлось надставить полосками ткани. Сборки ворота собраны на одну нитку и обшиты воротником-стойкой, который застегивается на две костяные пуговицы. Сборки прошиты стежками «вперед иголку», которые образуют рисунки в виде концентрических ромбов и крестов. Поскольку на рукава пошло по целому полотну, они получились очень широкими, и их пришлось густо собрать на запястье в манжеты. Вышивка крестом выполнена по воротнику, поликам, рукавам, манишке вдоль разреза ворота. Растительные узо-

а

б

Рис. 267. Конструкция сорочки, принадлежавшей переселенке из Черниговской губ., Черепановский р-н Новосибирской обл. Изготовлена в 1928 г. А. Д. Пархоменко. ПМА 1991.
а – общий вид; б – раскладка кроя.

ры вышиты красными (цветы и бутоны) и черными (листья и стебли) нитками. Мелкие цветы проложены по воротнику, крупные – по манишке, поликам и рукавам. Все сорочки изготавливались вручную.

В среде **переселенцев из Винницкой, Киевской губерний** все еще хранятся рубахи, представляющие собой обновленный вариант сорочек со слитными поликами. Характерной чертой этой одежды является многоцветная красочная вышивка в виде растительных узоров, которые составляют ансамбль с передником (рис. 268). В винницком костюме рукава и передник расшиты гладью – также, как и сорочка со слитными поликами из Ордынского краеведческого музея (рис. 269).

В одних нижних сорочках могли находиться дома и на поле. Таким образом, допускалось использовать нательную одежду в качестве горничной в семейном кругу. Однако в присутствии посторонних на сорочку, приоткрывая ее нижнюю часть, надевалась поясная одежда. Украинская поясная одежда (домотканые *запаски*, *плахты*, *дерги*), видимо, была привезена в Сибирь, о чем свидетельствуют сохранившиеся куски ткани. Распространения же здесь она не получила. Укра-

инки не решились носить старинные формы распашной одежды, вызывающие ироничное отношение со стороны сибиряков-старожилов. В Куйбышевском р-не сохранился экземпляр передника-запаски со скромной вышивкой по подолу, завязкам. Он надевался таким образом, чтобы оставался виден вышитый низ подола сорочки. Запаски носили в ком-

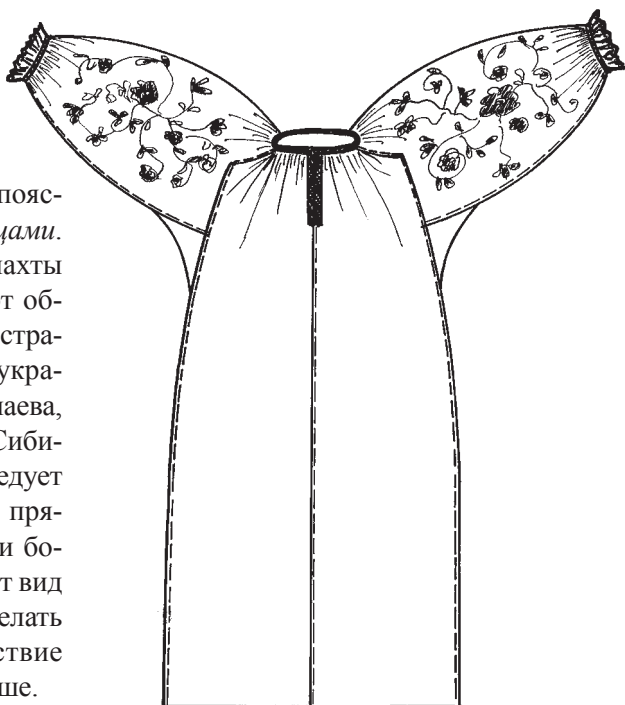

б

Рис. 268. Костюм украинской переселенки из Винницкой губ. Изготовлен в 1930-е гг. ПМА 2006.

а – общий вид; б – вышивка передника.

Рис. 269. Сорочка женская, вышитая гладью. Изготовлена А. О. Заяц (1855 г. р.), с. Ордынское Новосибирской обл. ПМА 1976.

плексе с сшитыми формами поясной одежды – юбками-спидницами. Если одежду типа запаски-плахты в научной литературе считают общеславянской, то юбка распространилась в народном костюме украинцев в конце XVIII в. [Николаева, 1988, с. 44]. Из бытовавших в Сибири юбок наиболее старыми следует считать бористые, сшитые из прямых полотен (четыре, шесть и более) (рис. 270). В 1930-х гг. этот вид одежды стали раскашивать (делать расширенным книзу), вследствие чего боров у пояса стало меньше.

Традиционно не предусматривалась нижняя поясная одежда (штаны), но, в отличие от сибирских женщин, в гардеробе украинских переселенок имелись *лифчики*, или *чебрики*. Нагрудная одежда в украинском костюме прикрывала верхнюю часть фигуры и формировала силуэт ее носительниц (см. рис. 265, 271–273). Поверх сорочки полтавские и черниговские женщины носили безрукавки-*кэрсеты*. *Кэрсеты* расширялись книзу с помощью клиньев – *вусей*, спереди застегивались на крючки. У черниговской переселенки П. Я. Ирхо

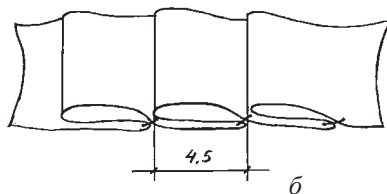
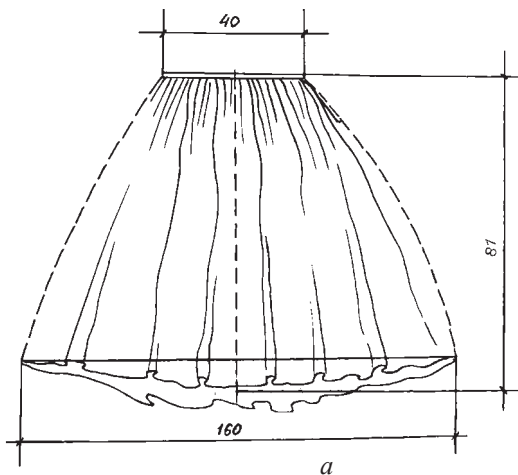
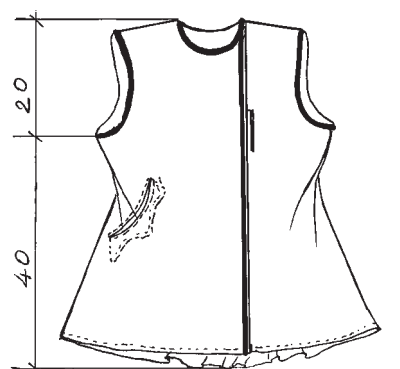

Рис. 270. Конструкция юбки из малинового кашемира. Д. Чумаково Куйбышевского р-на Новосибирской обл. Изготовлена в первой четверти XX в. ПМА 1986.
а – общий вид; б – складки у пояса.

в

Рис. 271. Костюм переселенки П. Я. Ирхо (1898 г. р.), родители которой приехали из Черниговской губ. в д. Пеньково Николаевской вол. Барнаульского уезда. ПМА 1988–1989.
а – вид спереди; б – вид сбоку; в – конструкция гарсэтика.

Рис. 272. Костюм украинской переселенки (часть реконструкции), г. Новосибирск. ПМА 2003.

Рис. 273. Костюм черниговской переселенки. С. Маслянино Николаевской вол. Барнаульского уезда. ПМА 1989.

из д. Пеньково Маслянинского р-на *кэрсетка* (*гэрсетик*) была изготовлена в 1920-х гг. на швейной машинке (см. рис. 271). Так как этот вид одежды предназначался для праздников, то был использован коричневый хлопчатобумажный материал мелкоузорчатого переплетения, на подкладку пошла льняная отбеленная домотканина. О вышитых безрукавках информантка, чьи предки были украинскими переселенцами, рассказывала нам в с. Знаменское Омской обл.: «А эти безрукавки – мы их называем так – и здесь где-то у них завязочки были, они были вышитые, может, крюпочки были. Гладью вот это место вышито было (показывает на живот и грудь. – Е. Ф.)» (ПМА 2007).

Кэрсетка представляла собой довольно сложный в конструктивном отношении вид одежды. Перед состоял из трех полотен и застегивался на три крючка. Спинка облежала фигуру сзади за счет рельефных швов, которые заканчива-

лись на талии и оформлялись в этом месте костяными пуговицами. Расширение на уровне бедер образовывалось за счет восьми кошенных полотен (клиньев), уложенных бантовыми складками. Кошенные полотна вшивали внизу, между деталями спинки, в центральный шов также вставляли два кошенных полотна (вставки в виде трапеции). Ворот, проймы, разрез-застежка оторочены полосками черного бархата. Этот вариант безрукавной укороченной одежды является типичным для северной Черниговщины [Николаева, 1988, с. 50].

Кофты с рукавами, называвшиеся на родине *юпками*, мало были известны в Сибири – видимо, практически сразу вышли здесь из употребления. Хотя черниговские переселенки первое время носили стеганные на вате *юпки* в качестве верхней зимней одежды (рис. 274).

В церковь полагалось надевать поверх сорочки коленкоровую юбку и кофту. Многие переселенки привезли шали с мест исхода, так как эта покупная вещь

Рис. 274. Костюм черниговской переселенки из Николаевской вол. Барнаульского уезда. ПМА 1989.
а – сорочка, юбка, наплечная одежда – юпка, шаль; б – вид спереди.

Рис. 275. Костюм переселенки из д. Перелюб Корюковского р-на Черниговской губ. Историко-краеведческий музей с. Шайдурово Сузунского р-на Новосибирской обл. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

Состоит из сорочки, сарафана, фартука, пояса, головного убора. Сорочка сшита П. А. Борисенко к свадьбе в 1927 г., сарафан восстановлен по свадебному образцу в 1940-е гг.

а – вид спереди; б – вид сзади; в – вид сбоку.

считалась семейной реликвией и бережно хранилась. В качестве погребальной одежды у наших информантов хранились венчальные *парочки*, большей частью сшитые уже в Сибири.

Костюм черниговской переселенки А. Ф. Кондратенко* включал бористую сорочку с вышивками, но, в отличие от прочих черниговцев, она надевала поверх кошенный сарафан с поясом. Такие сарафанные комплексы сохранились в музейных собраниях и в некоторых местах компактного проживания украинцев (рис. 275). Сарафан с лифом, известный как андарак, саян, по мнению ис-

*Кондратенко Аграфена Федоровна (1903 г. р.), д. Петропавловка Николаевской вол. Барнаульского уезда Томской губ. Отец по происхождению зырянин, мать – украинка.

следователей, восходил к белорусско-литовским видам традиционной одежды [Маслова, 1956, с. 643].

Украинские пояса делали как ткаными, так и вышитыми. Их ткали из разноцветной шерсти на кроснах (по-украински «верстак») или плели на дощечках. Изготавливали и вышитые пояски, выполняя вышивку по покупной тесемке.

Переселенки из западно-украинских земель привезли в Сибирь сорочки с богато расшитой верхней частью в технике «тамбур» («набирування») черными, синими и красными нитками с вкраплениями желтого, зеленого и других цветов. Преобладал геометрический (либо геометризированный) растительный орнамент. Для этих сорочек характерны вертикально вышитые полосы, идущие от ворота вниз – *смужки*. Выходцы с Подкарпатской Руси сохраняли традицию плотной полихромной вышивки вплоть до 1930–1940-х гг.; такая вышивка впоследствии вошла в городской обиход, став элементом модной одежды. Описываемые сорочки сохранились в семьях у людей, чья молодость пришлась на 1950-е гг., и поэтому невозможно выяснить, носили ли их с юбками-*горбатками*, как это было принято, например, в Подолии. Поверх сорочек надевали юбку-*сподницю*, под которую еще «пододевали» белую, с кружевом по низу – *сподник*. Верхние юбки шили из тканого сукна, в котором основа была конопляная, а уток – шерстяным. Ф. Ф. Гладченко* рассказывала, что вышитый *карсэтик* (или *карсетку*) надевали только по праздникам в церковь.

Девушке полагалось носить одну косу (у черниговцев и полтавцев); две косы (как девичья прическа) бытовали у подольнянцев, и этим они отличались от старожилов, в среде которых предписывалось до замужества носить одну косу. Напомним, что в русских семьях ношение девушками двух кос считалось позором. Платки, шали девушки завязывали узлом под подбородком, оттягивая надо лбом угол, что называлось «ставить дзюком». Платки встречались, судя

Рис. 276. Свадебный венок украинской невесты. Первая треть XX в. Знаменский краеведческий музей Омской обл.

*Гладченко Фекла Федоровна (1918 г. р.), д. Нижний Сузун Сузунского р-на Новосибирской обл. Родители приехали с Украины.

Рис. 277. Свадебный костюм украинской переселенки в головном уборе с лентами. Историко-краеведческий музей с. Белое Карасукского р-на Новосибирской обл. Фото А. А. Мальцева, Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии.

Рис. 278. Украшение к свадебному головному убору невесты. С. Сорокинское Карасукского р-на Новосибирской обл. Краеведческий музей.

Рис. 279. Свадебный венок украинской невесты из Карасукской вол. Первая треть XX в. Историко-краеведческий музей с. Белое Карасукского р-на Новосибирской обл.

по описанию местных жителей, «обрезанные с набратыми цветами». Когда украинская девушка выходила замуж, то ей завязывали много лент, «бусы цепляли», а также декоративные цветы (рис. 276–279). «Невестам надевали на головы венки с лентами, какая бы там ни была беднота», – вспоминали местные жители. Свадебный обряд «окручения» заключался в том, что волосы закручивали «шишкой» или, как русские сибирячки, укладывали две косы вокруг головы. Замужние носили вышитые шапочки – *очипки* (полтавчанки) или общеславянского вида *чепчики*, *чепцы* (у черниговцев) [Зеленин, 1991, с. 264], повязывались платком – *хусткой*, *хусточкой*. Жительница Г. М. Гут из Одес-

ского р-на Омской обл. рассказывала, как повязывались женщины: «Платочек повязывали под подбородком, а шаль так повязывали, под подбородком, и через плечо... Так у мамы было, в нахлест. С одной стороны и с другой не завязывали. Платки так повязывали (завязывали сзади. – Е. Ф.). Еще я в детстве помню, нас в шаль так наряжали, сзади повязывали. Сестра мне говорила: «Туже, туже» (ПМА 2007).

Наблюдались изменения в способах подвязывания платков: вышел из употребления платок с узлом на макушке, но распространилось и закрепилось повязывание концов платка на затылке с последующим расположением их на груди. В начале XX в. особенно модны были кашемировые платки с вышитыми гладью растительными узорами; такие платки принято было носить так, чтобы узоры были видны на затылке.

Женские головные уборы сейчас у населения практически не сохранились. В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся такие жен-

Рис. 280. Головной убор замужней женщины из красной атласной ткани с подкладкой льняного полотна (повойник, очипок). Изготовлен в 1920-х гг. в г. Колывань. НГКМ, № 2367.

Рис. 281. Костюм молодой украинской женщины. Чистоозерный историко-краеведческий музей Новосибирской обл. ПМА 2005.

Рис. 282. Фольклорная группа в украинских костюмах. Фестиваль народного костюма «Славенка».

ские уборы. Один из повойников (очипков) сшит вручную из красной шелковой ткани с подкладкой из серого льняного полотна и окантовкой по очелью черным сатином (рис. 280). Убор представляет собой плоскую мягкую шапочку, виртуозно собранную из мелких деталей шириной 0,5 см. Все сшитые части наклеены на бумажную основу. Другой очипок изготовлен из черного сатина с подкладкой из серого хлопчатобумажного материала. Прокладка для придания формы состоит из кусков ситца и пучка пеньки, завязки выполнены из оранжевого шнура. По внешнему виду и конструкции убор аналогичен описанному выше.

Уборы выглядели нарядно благодаря отделке низками разноцветных бусинок. Чепчики повседневного назначения шили из более простых, дешевых тканей.

Украинские женщины очень любили съемные украшения в виде бус, серег, колец, перстней. Любовью к украшениям украинские селянки выделяются и сегодня: например, в бусы могут добавлять новогодние гирлянды и носить это повседневно (рис. 281, 282).

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

У мужчин, как и у женщин, нижние рубахи назывались *сорочками*. У сибирских украинцев не сохранились мужские сорочки туникообразного (подольского типа) или поликового покроев. В этом смысле большую редкость представляет льняная сорочка из Куйбышевского р-на с *поляками*, пришитыми по утку (рис. 283). Такой вид одежды обычно встречался в варианте хронологически позднего покроя с плечевыми швами и скругленной проймой рукавов. Хорошо сохранилась традиция вышивки сорочек по застежке, расположенной по центру, низу рукавов, подолу. Вышивки на груди назывались либо по-русски – *столби-*

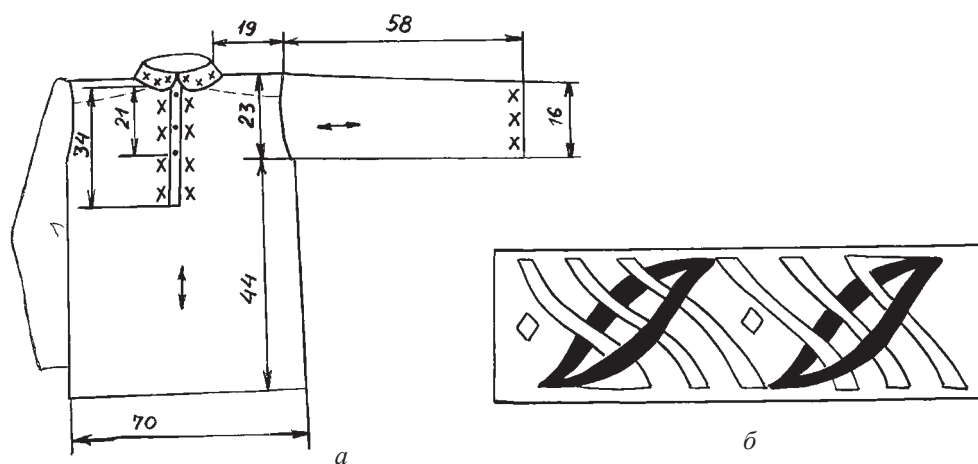

Рис. 283. Конструкция мужской сорочки с поликами. Куйбышевский р-он Новосибирской обл. ПМА 1986.
 а – общий вид; б – деталь вышивки.

Рис. 284. Мужские рубахи украинских переселенцев.
 а – Знаменский краеведческий музей Омской обл.; б – Краснозерский художественно-краеведческий музей Новосибирской обл.

ками, либо по-украински – *мэрэжечками*, отличались от старожильческих характером орнаментации (рис. 284). Вышивки выполнялись в технике «крест» красными и черными нитками, довольно редко встречалась в изучаемый период вышивка гладью. Мужской костюм дополняли штаны из холста или конопли. По мнению информантов, в Сибири полтавчане и некоторые другие переселенцы поменяли традицию заправлять рубаху в штаны и стали носить по-русски, навывпуск. Полтавские и некоторые другие переселенцы привезли широкий вид штанов – *шаровары*, которые считались модными в 1920–1930-х гг. и среди русской молодежи.

В отличие от старожилов, украинские переселенцы подпоясывали рубахи покупными широкими поясами (до 20–30 см). У мужчин, как и у женщин, встречаются пояса из шелковых, хлопчатобумажных и льняных нитей. Украинские пояса из кожи не сохранились (возможно, они были привезены в очень незначительном количестве).

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА И ОБУВЬ

Верхняя одежда украинских переселенцев резко отличалась от местной старожильской иными конструктивными приемами и орнаментацией. Мужской межсезонной одеждой, которую привезли в Сибирь и некоторое время здесь носили, были *кобэньки* (*кобыняки*) из овечьей шерсти домашнего производства. Кобыняки шили широкими, как плащи, длиной до пят, с капюшоном (в Поднепровье плащ с капюшоном назывался *кобка*) [Николаева, 1988, с. 211]. Их надевали в зимнюю дорогу поверх кожухов. В послевоенные годы эта традиция и само слово *кобэньки* были забыты, украинские переселенцы перешли на сибирский вариант меховой одежды – *тулуп*, у которой, как известно, капюшона не было, но зато имелся высокий воротник.

Женщины в качестве межсезонной одежды использовали *пиджаки* из домашней шерсти. На праздники и в церковь надевали *саки*, *полусаки* из «покупного товара», до середины бедер. Приведем описание женской *свитки* из коричневого домотканого сукна. Верхняя часть ее полуприлегающая, нижняя расширяется за счет трех клиньев («свита до трех вусив») или кошенок полотен. Рельефные швы на спине переходят в три бантовые складки, которые создают объем сзади. Рукава из двух выкроенных, слегка скругленных, частей. В верхней части расширены, у плеча имеют объемные головки. По бокам пришиты клапаны прорезных внутренних карманов. Вдоль воротника сзади и внизу рукавов проложен декоративный шнур, представляющий собой плетенку из окрашенных льняных нитей. Длина свитки – до середины бедер. Технология изготовления отличается высоким мастерством, все внутренние швы окантованы с изнанки серым и черным сатином. Отложной воротник простеган на нескольких слоях холста и в готовом виде топорщится. Этот вид одежды, суженный в талии, аналогичен русской одеж-

де с *перехватом*, с *пережимом*, но принципиально отличен от распространенных в Сибири халатообразных *понитков*, *шабуров* и пр. [Фурсова, 1997, с. 103].

Зимой переселенцы, как и старожилы, носили сибирский вариант шубы или полушубка, который назывался *кожух*. Кожух представлял собой меховую одежду, сшитую мехом внутрь, окрашенную дубовой корой (получался рыжий цвет) или черными покупными красками. В последнем случае он именовался *черненым кожухом*. По длине кожухи варьировали – от середины бедра до колен. По воспоминаниям Ф. Ф. Гладченко женщины зимой носили *кожушки* из овчины мехом внутрь с небольшим воротником и оторочкой по низу рукавов.

Преобладающим видом повседневной обуви были сапоги-*чоботы*. В качестве летней обуви еще в 1930-е гг. носили кожаные *постолы*, *черевики*, которые в настоящее время сохранились только в музейных коллекциях. Черевиками шили в виде мягких туфель из двух кусков кожи, при этом подошва выкраивалась отдельно. Для украшения выбивались дырочки в виде повторяющегося мотива. Обеспеченные люди заказывали мастерам изготовление *ботинок* с небольшими каблуками. К традициям, приобретенным в Сибири, следует отнести ношение валяной обуви – *валенков*, которыми переселенцы обычно обзаводились на второй-третий год по прибытии в Сибирь.

Одежда мальчиков и девочек в возрасте четырех-пяти лет состояла в основном из сорочки. Мальчики начинали носить штаны с шести-семи лет, до этого времени бегали в одних рубашках. Девочкам готовили приданое с самого раннего возраста. В скрыню (сундук) складывали одежду, рушники за много лет до будущей свадьбы. В приданое обязательно входили *полотина* (полотно), *рядно* (толстая льняная ткань).

Заключение

Особое значение традиционной одежды, которая может служить этнографическим источником, не раз подчеркивалось многими учеными. Различные виды одежды, конструкции, технологии шитья, связанная с темой одежды лексика – все это дает возможность не только получить ценную информацию относительно этнической истории, но и выявить этнографические (этнокультурные, конфессиональные, локальные) группы. Сравнительное исследование сибирских материалов, подразумевающее их сопоставление с образцами одежды мест исхода старожилов и переселенцев Сибири, дает возможность решить многие проблемы этнографии, связанные с процессами взаимовлияния различных групп мигрировавшего населения, т. е. осветить сибирский этап развития культуры русского и других восточнославянских народов. Собранный этнографический материал по традиционной одежде дает представление о различных формах, характерных для конкретных этнокультурных групп восточнославянских народов Западной Сибири – выходцев из губерний Российской империи. Продолжительность проживания данных этнографических групп на юге Западной Сибири также весьма различна: если некоторые из них появились еще в XVIII в. (чалдоны, коренные сибиряки, «поляки», отчасти кержаки), то другие переселились в Сибирь во второй половине и в конце XIX в. (некоторые кержаки, двоеданы, группы северно- и южнорусских переселенцев), ну а третьи – лишь к началу XX в. (курганы, белорусские «москалы», локальные группы северно- и южнорусских переселенцев, белорусы, украинцы).

В конце XIX – начале XX в. женщины-чалдонки в большинстве случаев не знали традиционные русские комплексы одежды

с сарафаном или с поневой. В качестве традиционного костюма здесь закрепился комплекс с кофтой и юбкой (или двумя юбками), хорошо известный как на севере, так и юге Европейской России, где он отмечен исследователями в качестве позднего костюма. Распространение юбок-сукманок в Европейской России исследователи связывают с военнослуживым сословием, а на Русском Севере объясняют влиянием белорусских и смоленских традиций [Лебедева, Маслова, 1967, с. 201]. На Дону, от которого ведут свое происхождение чалдоны, в XVIII–XIX вв. бытовали кофты и юбки, которые носили, как и в Сибири, поверх рубаш [Крестьянская одежда, 1971, с. 241]. У чалдонок Верхнего Приобья, Прииртышья комплекс кофты с юбкой не являлся поздним явлением, в отличие от других групп населения. До распространения праздничного костюма в виде кофты с юбкой местному населению были известны эти виды одежды (из холста или шерсти) как рабочие, что свидетельствует о более раннем их происхождении. Если посмотреть хронологически более отдаленный материал, то выявляются интересные подробности бытования такой одежды. Так, в реестрах утраченного имущества начала XX в. отмечается частое упоминание юбок – в три раза чаще, чем сарафанов [Мамсик, 1998, с. 45]. Приблизительно к первой половине XVIII в. историки относят появление в Чаусской вол. Томского уезда *юпки* [Шелегина, 1992, с. 157]. Однако и это оказалось не самым нижним пределом, так как, по материалам XVII в., комплекс с юбкой уже бытовал в качестве «нового» типа комнатной и уличной одежды [Вилков, 1967, с. 85, 102–105]. Логично предположить, что по причине своей универсальности сочетание наплечной одежды (кофты) и поясной (юбки) могло и в XVII в. быть не новацией, но традицией, или, как говорили поздние переселенцы, «модой по-сибирски». Городской вид одежды старожилов, особенно чалдонов, в начале XX в. был в значительной степени обусловлен отказом от домотканых тканей и переходом на материалы российского и импортного производства, забвением традиций орнаментации (ткачества, вышивки).

Традиционным старожильческим платьям на кокетке с воротником-стойкой, видимо, предшествовали более ранние виды – рубашкообразные платья (типа халадая). Общее в видах, украшениях праздничных народных платьев обнаруживается с комплексами из Архангельской и Вологодской губерний, а также одеждой старообрядцев Вятки [Ефименко, 1877, с. 149; Липинская, 1996, с. 198]. Традиция праздничного платья была известна казачеству, но у них предпочтение отдавалось костюмам прилегающего силуэта, а такой покрой не был характерен для сибирских видов одежды [Крестьянская одежда, 1971, с. 246]. С донскими традициями можно также связать бытование в Сибири «бумажных колпаков» [Мамсик, 1998, с. 46].

Украинизмы в мужской одежде, как и у казаков Дона, выражались в бытовании (хотя и локальном) рубаш с прямым разрезом-застежкой, ношением в праздничные дни шаровар с прямыми штанинами. Форменной одежды чалдоны не знали, но в их среде фиксируются термины для обозначения отдельных компонентов из донских комплексов: шаровары, бешметы, башлыки, куртки-тужурки. Спец-

ифика верхней одежды заключалась в том, что в Сибири ее конструкции были неотрезными по талии, т. е. в виде халата (халатообразные). С Севером России старожилов объединяло отсутствие плетеной обуви из растительных материалов; преобладали различные виды обуви из сыромятных кож с выворотным швом. В ряде локальных групп старожилов кожаную обувь называли *обутками*, в ряде других – *черками/чирками* (ср. донские *чирики*) [Крестьянская одежда, 1971, с. 238].

В одежде **сибиряков**, не считавших себя чалдонами, наблюдалось близкое сходство с традиционной одеждой русских крестьян Севера и Среднего Урала, Прикамья, где бытовали косоклинные сарафаны-*дубасы*; части нательных рубаш носили аналогичные сибирским названия: *рукава* и *стан*, пояса разных техник исполнения – *покромки*, *опояски* [Чагин, 1991, с. 70].

«Мода по-сибирски» выглядела престижной в глазах переселенцев, рассматривалась последними как символ зажиточности, «благородного» статуса. Документальным подтверждением того, что именно сибиряки стремились следовать моде «благородных сословий» (в XIX веке) и городских слоев населения (в начале XX в.), являются сделанные в те годы фотографии. Сибирско-чалдонские семьи резко выделялись на фоне переселенцев, хотя, возможно, порой за этим стояло стремление выглядеть в глазах других более зажиточными в материальном плане, чем это было в реальности.

Данные этнографических исследований ряда последних лет показали, что в иерархии этнографических общностей этноконфессиональные группы старообрядчества занимали особое место, поскольку религиозные установки сыграли важную роль в формировании и сохранении их традиционной культуры. Если представители этих групп обобщенно обозначали себя как «христиане» («мы – христиане»), «старообрядцы» («мы – старообрядцы»), «русские» (однако встречаются и смешанные, например с мордвой), то на этнографическом уровне они были известны под рядом локальных самоназваний («кержаки», «двоеданы», «курганы», «поляки» и пр.). Вместе с тем, не следует переоценивать значимость религиозных установок в жизни этих групп сибирского населения. Полевые исследования наглядно доказали тот факт, что конфессиональные группы были достаточно «этнизированы», т. е. отличались не только «дониконовским» христианским самоосознанием и имели самоназвание, но и обладали рядом культурно-бытовых особенностей, в большей или меньшей степени имеющих отношение к местам исхода. Старообрядческие группы юга Западной Сибири являлись, как правило, потомками северо-восточных (вятско-пермских), поволжских, приуральских переселенцев из Европейской России, а также Белоруссии (в том числе с территорий, входивших в состав Речи Посполитой).

Традиционная одежда сибирских **кержачек** была близка севернорусским и, особенно, северо-восточным формам. Наименование поволжских скитников «кержаки» произошло, как принято считать, от названия р. Керженец Семеновского уезда Нижегородской губ., и свидетельствовало о влиянии этого известно-

го и уважаемого центра старообрядчества. На примере одежды коренных старообрядческих групп, живших в местности вдоль течения р. Керженец, а также мигрировавших в Западную Сибирь старообрядцев можно сделать вывод о распространённости этого сибирского конфессионима для обобщенного названия сибирских старообрядцев в целом.

На юге Западной Сибири в XIX – начале XX в. оформился тип костюма кержачек, во многих деталях отличающийся от изначальных мест исхода, т. е. нижегородских форм одежды старообрядок Семеновского уезда. Так, во второй половине XIX в. в Северном Алтае у кержачек бытовали две (надетые одна на другую) рубахи-туники с высоким стоячим воротником, верхняя из которых могла носить различные названия. «Глухая» конструкция и терминология, возможно, указывает на раннее, «досарафанное» происхождение последней (*поморник, саван* и пр.). В изучаемое время платье-рубашку использовали в качестве моленной, погребальной одежды (пожилые – как повседневную одежду). На юге Западной Сибири повсеместно бытовали аналогичного назначения *сарафаны* – в виде туникообразного платья – или, значительно чаще, платья на кокетке и без рукавов (*перемитник, горбач, горбун*). Здесь наблюдалось сохранение сдержанных по цветовой гамме «дедовских» форм с преобладанием «закрытых», просторных видов одежды с удлиненной спинкой. Очевидно влияние северо-восточных и уральских традиций старообрядцев-поморцев, преобладавших в количественном отношении и пользовавшихся авторитетом среди прочих сторонников «старой веры». Этим видом сарафанов сибирские кержачки поморского согласия отличались от вятских единоверок, приезжавших в Сибирь в сарафанах на узких лямках. Впоследствии сибирские образцы моленной одежды кержачек возобладали практически во всех группах старообрядцев поморского согласия.

Распашной сарафан с застежкой был типичен для областей преобладания владими́ро-суздальской и московской колонизаций, а туникообразные типы сарафанов – для севернорусских земель, входивших в сферу влияния Великого Новгорода [Лебедева, Маслова, 1967, с. 206, 207]. Московскими этнографами, однако, высказывалось предположение о более раннем бытовании глухих сарафанов без передних швов под идентичным названием – *горбачей, горбунов* и в центральной части Европейской России. В собраниях Государственного исторического музея сохранились сарафаны в виде распашного или глухого платья без рукавов (на коротких широких лямках) XVIII – начала XIX в. из севернорусских и южнорусских губерний [Русский народный костюм, 1989, с. 22, 57, 192, 249]. В 1990-х гг. в среде нижегородских старообрядок не сохранилось воспоминаний ни о глухих сарафанах, ни об их названиях, то есть о тех видах одежды, которые в Западной Сибири стали обязательным внешним атрибутом кержачки.

Во многих местах России, в Поволжье женские рубахи не имели вышитых украшений (как и в одежде сибирских кержачек), что, судя по свидетельствам старообрядцев, объяснялось «боязнью греха». Существенным отличием сибирских *рукавов* от российских и, в частности, поволжских являлся их глухой ворот со

стоячим, довольно высоким, воротником-ошейником. Вместе с тем, если судить по капитальному труду «Описание рукописей Ученого архива» [Зеленин, 1915, с. 816], еще в середине XIX в. пожилые женщины и в Нижегородской губ. носили рубахи с высокими воротниками. В европейской части страны *рукава* были представлены обычно поликовыми конструкциями, а в Сибири все же чаще туникообразными и их относительно поздним вариантом – *на пералинке* (кокетке).

С северо-востоком России, Северным Уралом объединяли кержачек головные уборы *шашмуры* (*сашмуры*), *цапцы* (*сапцы*) (*шашмура* – кичка). Мягкий чепец с обручем носили с двумя (или одним) платками, верхний из которых прикрывал часть женской фигуры, завязывался *на угол* или *на распустинку* – почти как у известных нижегородских матрешек.

Аналогии с нижегородским материалом в большей степени заметны в культуре кержаков Сузунского Приобья, где нами зафиксированы косоклинные сарафаны на узких лямках с небольшим разрезом-застежкой спереди. Здесь также бытовали платья-халадаи, название которых напоминает нижегородские и средневожские летние кафтаны-холодники.

Мужской костюм кержаков изучаемого периода во многих своих чертах был в значительной степени унифицированным – каким он и сохранился в общинах и в отдельных семьях до настоящего времени. Отличительной (но вместе с тем, и объединяющей) чертой сибирских кержаков и поволжских старообрядцев было ношение рубах с разрезом-застежкой не только слева, но и справа – для русских это довольно редкое явление [Крестьянская одежда, 1971, с. 198]. Некоторые традиции в Сибири сохранились лучше, чем в местах исхода: например, кержаки помнили традиционные названия отдельных частей одежды, в отличие от их единоверцев в Европейской России. Но ни в одной локальной группе сибирских кержаков не помнят такой столь популярной в чернораменных лесах обуви, как лапти. Объединяющим для всех старообрядцев элементом костюма были такие дополнения, как пояс и лестовка.

Если обратиться к сохранявшимся в XIX – первой трети XX века традиционным костюмам старообрядцев-**двоеданов** – выходцев из Южного Приуралья, то моленная одежда женщин этой группы отличалась от одежды соседствующих кержачек. Двоеданки долго сохраняли такие компоненты костюма мест исхода, как сарафан-*дубас* на узких лямках, *цепец* или *шашмура*, тканый пояс, т. е. одежду и терминологию, характерную для старообрядческого населения Вятской, Пермской губ. и Приуралья. Моленный комплекс крутихинской группы старообрядцев (с. Крутиха Бурлинской вол.) включал сарафан и сопутствующие ему дополнения (рубаха-рукава, шашмура и пр.), а праздничный костюм двоеданок, наоборот, обнаруживал общность нарядов этих зажиточных крестьянок с чалдонскими платьями (халадаи), парочками в виде кофты и юбки, дополнениями в виде перчаток и пр. Проживая в одних селах по соседству с сибирскими старожилами (в том числе с чалдонами), двоеданская молодежь участвовала в совместных гуляниях, обрядах. После проведения раскулачивания и гонений на христиан-

ские общины произошел отток старообрядчества из Бурлинской вол. – как удалось выяснить, в соседние северные земли, к сохранявшимся духовным центрам по течению р. Алеус. Впоследствии, к середине XX в., двоеданки этих районов ходили на моления в глухих горбачах и цветастых шальях, как это практиковалось в старообрядческих общинах кержаков.

К 1920-м годам вышли из употребления те виды одежды, которые были отмечены в крестьянской среде в середине XIX в. как новационные (во времена наблюдений П. Школдина) и не имели глубоких традиционных корней – как, например, *сюртуки, пальто, галанки*. Эти вещи принадлежали социально и имущественно благополучным слоям населения, которые впоследствии в наибольшей степени пострадали от раскулачивания.

Особенности культуры этноконфессиональной группы **курганов** Присалаирья позволяют говорить о том, что наряду со «старой верой» им удалось сохранить культурно-бытовую специфику Средне-Поволжского региона в течение жизни двух поколений мигрантов. Поволжские традиции особенно показательны в бытовании различных видов простеганной на вате верхней одежды, в том числе поясной (юбки). Следует также отметить, что наряду с культурными особенностями, группа обладала сознанием своей исключительности и общности, а старшее поколение сохраняло русскую и мордовскую этническую идентичность единоверцев. Однако в 2000-е гг., вследствие ухода из жизни многих стариков, отъезда молодежи в города, численность и культурная обособленность группы в значительной степени уменьшилась, что подтверждает общую закономерность процессов аккультурации в Сибирском регионе.

На фоне одежды старожилов юга Западной Сибири резко выделялись соответствующими традициями вольные переселенцы из Виленской, Витебской губерний Российской империи начала XX в.: старообрядцы Васюганья (**белорусские «москальи»**) и продвинувшиеся далее на восток родственные им старообрядцы Присалаирья. Сегодня представителей этих групп местное население называет обобщенным термином «кержаки» (сами васюганцы отрицают такое родство из-за принадлежности к федосеевскому согласию). Конструктивно сарафаны-шубейки с грудиной (*огудьями*) старообрядок Васюганья и Присалаирья близки новгородским и псковским сарафанам с *грудинкой* (вариант: с *передницей*), *шубкам* Каргопольского уезда Олонецкой губ., соответствующей одежде однодворцев Курской губ. [Крестьянская одежда, 1971, с. 59, 93, 141, 182]. В отличие от вышеназванной русской одежды, специфика старообрядческих *шубек* в Сибири заключалась в отсутствии какой-либо орнаментации, декоративных элементов. Входящая в комплекс с сарафаном-шубейкой рубаха с прямыми поликами по утку обнаруживает близкие аналогии с одеждой новгородской группы славян [Лебедева, Маслова, 1967, с. 220]. По покрою и терминологии (вставки-*прорамки* на плечах) она близка соответствующей одежде старообрядок Латгалии [Заварина, 1986, с. 198]. Вместе с тем, отложной воротник в этих рубашках более характерен для белорусской традиции. В группе западных старообрядцев

менее, чем у кержаков северо-восточного или поволжского происхождения, существовали ограничения в отношении навесных украшений (молодежь дополняла праздничный костюм бусами-*патерками*, серьгами).

В культуре старообрядок из западных губерний России, проживающих в Присалаирье в местности вдоль по течению р. Икса, фиксируется рубаха с прямыми поликами по основе стана (*подстава*, *оплечье*). Поэтому можно предположить присутствие в этой группе настоящих «москалей» – выходцев из Московской губернии [Крестьянская одежда, 1971, с. 22]. Проведенный анализ натальной и горничной одежды позволяет сделать вывод о севернорусском и, отчасти, центрально-русском (московском) происхождении представителей этой группы, что подтверждают данные архивных документов [Заварина, 1986, с. 21]. Это не случайно, ведь федосеевское беспоповское согласие сложилось в Новгородско-Псковском крае и лишь затем постепенно распространилось в Петербургской, Ярославской, Московской и других губерниях.

Данные традиционной одежды позволяют считать родственными васюганскую и салаирскую группы старообрядцев как выходцев примерно из одних и тех же мест Европейской России (Новгородская, Псковская, Олонецкая губ.), а также Латгалии. Следует отметить незначительное присутствие белорусских влияний в типах, покроях, украшениях горничной и праздничной одежды, но более заметное польско-белорусское влияние – в верхней (*ангерка*, *сачик*). В Сибири часть привезенных традиций отсеклась благодаря новым условиям жизни – как, например, плетеная обувь *лапти*, которая сохранилась лишь в качестве покосной, рыболовной. От сибиряков-старожилов были заимствованы рабочие штаны-*чембары*, валенки-*тимы*, меховые рукавицы-*лохматки*. Традиционная одежда западных переселенцев с сибирскими элементами стала образцом приспособления русских старообрядцев к местным условиям (см. изобретение *снегоходов*, *снегоступов*).

На фоне как старожилов, так и других старообрядческих групп Сибири выделялась традиционной одеждой и связанной с ней терминологией хорошо известная этнографам группа старообрядцев-«**поляков**» Алтая. В конструкции сарафанов обнаруживаются как севернорусские (туникообразные, с одним цельным передним полотном сарафаны на узких лямках), так и центрально-южнорусские (косоклинные сарафаны со швом спереди, многоцветные украшения по груди, лямкам, подолу) черты [Крестьянская одежда, 1971, с. 27, 57, 182]. «Полякам» не были известны распространенные в местной кержацкой среде глухие сарафаны-горбачи в виде платья без рукавов.

Праздничные рубахи «поляков» со специфической кулеобразной конструкцией рукавов, по имеющимся этнографическим материалам, не обнаруживают убедительного сходства с какой-либо конкретной традицией. Так, они оказались близки рубахам крестьянок Русского Севера, но можно отметить некоторые южнорусские и украинские элементы (расположение поликов по основе стана, обильные украшения вышивками, кружевом, бисером, а также специфическая лексика, например, слово «чехлик» и т. п.) [Лебедева, Маслова, 1967, с. 218,

257]. Поликовые рубахи с кошеными (расклеванными) рукавами были широко распространены и в родственной «полякам» группе семейских Забайкалья, что позволяет рассматривать этот вид одежды в качестве исходного для этих старообрядцев. Бытование в погребальных костюмах бесполиковых и кроеных по типу *в замок* рубах дает основание предположить в одежде «полячек» севернорусские, северо-западные, поволжские и приуральские традиции [Маслова, 1956, с. 607, 609; Лебедева, Маслова, 1967, с. 219]. Многие элементы поляцких *нарукавников* сближают их с южнорусскими *запонами*. Очевидна близость покроя и стилового оформления нарукавной одежды «полячек» с холщовыми мужскими рубахами, что свидетельствует об устоявшейся традиции в этой этнографической группе.

Ближих аналогий виду и покрою поляцких женских головных уборов не обнаружено. Кичкообразные уборы «полячек» Алтая по форме и названиям составляющих их частей (кички, кокошники, позатыльники) были подобны уборам южных и среднерусских областей России (Брянской, Воронежской, Курской, Псковской, Рязанской). В средней полосе России кичкообразный убор с мягким кокошником был старым явлением, предшествовавшим собственно кокошнику [Лебедева, Маслова, 1967, с. 229]. В украшениях уборов присутствовали такие южнорусские элементы, как бисерные позатыльники, бисерные привески, *пушки* в серьгах. По способам повязывания отреза полотна или шали (в виде чалмы) заметно сходство с уборами крестьянок западных и юго-западных губерний Российской империи (Воронежской, Гомельской, Калужской, Могилёвской, Орловской, Черниговской) [Раманюк, 1981, рис. 237, 243, 353 и др.]. Погребальные головные уборы – *сороки* из одного или двух кусков холста, как древнейшие и наиболее простые виды сороки, сходны с рязанскими, а способом повязывания под подбородком погребальных и моленных платков – с севернорусскими, нижегородскими уборами [Лебедева, Маслова, 1967, с. 230].

Особенность старообрядческой культуры заключалась в ее внутренней амбивалентности: с одной стороны, бытовали народные традиции, с другой – давил груз запретов, которые люди узнавали из духовной литературы, постановлений соборов, поучений наставников. В группе «поляков», очевидно, наблюдалось преобладание народных традиций, так как здесь не было таких жестких запретов в отношении одежды (например, на ношение навесных украшений), как это имело место в других старообрядческих группах Западной Сибири.

Если мужские рубахи локальных групп кержаков, двоеданов и курганов выглядели достаточно единообразными, то у «поляков» они были до такой степени самобытны, что найти им близкие аналогии не представляется возможным. Туникообразного покроя, с изящной черно-графичной нагрудной вышивкой, двумя вертикальными полосками кумача «поляцкие» рубахи имеют явную перекличку с одеждой, выполненной в рамках византийской традиции середины I тыс. н. э. [Комиссаржевский, 1998, с. 110, 461]. Внешний вид этой одежды напоминает изображения священнослужителей в древнерусских летописях XV в., а также тра-

диционную одежду середины XIX в. Рязанщины, Тамбовщины [Рыбаков, 1976, с. 95–97; Русский народный костюм, 1984, рис. 11, 15]. Поясная одежда включала как традиционные русские *порты*, так и нетипичные для русских конструкции поясной одежды (с продольными косинами или полотном-вставкой по шагу), которые имели аналогии с таковыми у семейских Забайкалья.

Детали кроя, отделки, украшений верхней одежды позволяют сблизить эту группу старообрядцев с населением севернорусских и белорусских (*балахоны, куртки*), поволжских (халатообразные *зипуны*), северо-восточных (*однорядки*), юго-восточных и приуральских (*чапаны, халаты*) губерний Российской империи конца XIX – начала XX в. Поляцкие *шабуры*, в отличие от аналогичной одежды с перехватом у русских северо-востока и Поволжья, были известны в виде халатов, что соответствовало сибирской традиции. Значительное количество видов верхней одежды обнаруживает сходство с одеждой семейских Забайкалья (халатообразные зипуны без плечевых швов, куртки, халаты). Общность прослеживается и в таких деталях, как длинные (ниже запястья) рукава, а также характер орнамента. Сходные традиции и общая лексика, имеющая отношение к теме одежды, наблюдается у русских Приангарья, где бытовали аналогичного вида халатообразные шабуры, зипуны, куртки, однорядки [Сабурова, 1972, с. 122–124].

Данные по одежде «поляков» южного Алтая свидетельствуют об их сложном этнографическом составе. Это опровергает выводы некоторых диалектологов и антропологов об исключительно северном (или только южном) происхождении представителей этой группы. При севернорусской основе здесь довольно отчетливо прослеживаются связи с родственной группой семейских Забайкалья, а также с населением бывших мест проживания, входящих в настоящий момент в состав России, Белоруссии и Украины. Оставили свой след и контакты с сибиряками и старообрядцами-кержаками, что способствовало выработке ряда общих форм (верхняя одежда, обувь).

Старообрядцы всех групп сохранили в своих костюмах много старых традиций, что особенно характерно для обрядовой одежды. Одной из таких традиций являлся запрет на ношение женщинами поясной одежды (штанов, фартука) в моленных костюмах, что уходит своими корнями вглубь веков к православным традициям византийцев VII–XII вв. [Культура Византии, 1989, с. 583–588]. Старообрядцы – одни из немногих, кто сохранил до наших дней особую моленную и погребальную одежду; в основе традиции ее применения можно обнаружить представления о нормах праведного жизненного пути. Безусловно, аскетизм и ограничения в одежде были более актуальны для пожилых людей, нежели их молодых единоверцев.

Архангелогородские, вологодские, костромские, тверские **севернорусские** переселенки первого поколения в Сибири донашивали привезенную с малой родины одежду, обычно в виде комплекса с сарафаном или кофты с юбкой, предпочитая холщовую домотканую одежду. В этой среде не упоминались распространенные в Сибири названия сарафанов – *дубасы, горбачи, горбунцы* и пр.,

т. е. северянки придерживались усвоенной с детства терминологии. Второе-третье поколения рожденных в Сибири крестьянок с Русского Севера в массовом порядке отказывались от ношения сарафанов, подражая в одежде местным сибирячкам, в том числе чалдонкам. Вятские и пермские переселенки (в частности, старообрядки) куда меньше поддавались сибирскому влиянию – очевидно, потому, что приехали в Сибирь в аналогичной одежде (горбачи, халадаи) и использовали сходную терминологию.

Мужская одежда пополнилась в Сибири теплыми *чембарами*, которые сменили *штаны* аналогичного назначения у архангельских и вологодских крестьян. Северяне не стали носить праздничные штаны из плиса, известные в Сибири как *шаровары*, чем отличались от чалдонов. Верхняя одежда архангелогородцев, вологжан первое время проживания в Сибири отличалась от местной сибирской и вятско-пермской традиции более сложными конструкциями и разнообразием видов, обозначаемых специальной лексикой. Перейдя в целом на кожаную обувь, северяне не отказались от плетеной обуви (лаптей), которая перешла в разряд промысловой (рыбалка, охота), покосной.

Выходцы из **южнорусских губерний** изначально, на момент переселения, не представляли собой единой группы населения, но сохраняли культурные и языковые особенности мест исхода. Это было связано с тем, что население южнорусских земель сложилось в результате сложных миграционных потоков из разных мест Европейской России. Практически полное забвение распашной поясной одежды (*понёва*), путаница в терминах свидетельствуют о том, что к моменту переселения южанок в Сибирь такой вид одежды активно ими уже не использовался. В сравнении со старожильческими южнорусские костюмы сразу выделялись наличием вышивок и других способов орнаментаций, широкими прямыми рукавами рубаш и, конечно, терминологией (юбки называли *понёвами*). В первые годы жизни в Сибири некоторые южанки донашивали безрукавную одежду (*безрукавки*), от которой впоследствии, как и украинки, отказались – видимо, из-за отсутствия соответствующей местной традиции. Отличительной чертой верхней одежды переселенцев была приталенность силуэта, которая достигалась за счет отрезной талии. Южнорусские переселенцы, как и их севернорусские соседи, довольно быстро переняли элементы культуры городского сословия, бытовавшие в качестве традиционной одежды у старожилов – сибиряков и чалдонов.

Материалы по **белорусской** традиционной одежде свидетельствуют, что в Сибирь были привезены с мест исхода многие древние славянские элементы, которые сохранялись в местах компактных поселений вплоть до массовой коллективизации и раскулачивания в 1930-е гг., а кое-где и до Великой Отечественной войны. На фоне межкультурного взаимодействия и эволюционного развития в Сибири внутри женского и мужского комплексов происходили изменения. Вышли из употребления бытовавшие у белорусов виды короткой безрукавной одежды, поскольку они не пользовались популярностью у местных ста-

рожилов. Имел место перенос названий отдельных видов одежды и ее частей (например, *ковнерец* стал обозначать не воротник, а манжету, название безрукавной одежды *кабат* идентифицировалось с горничным платьем типа сарафана). Абсолютному большинству сибирских белорусов – выходцев из восточной Белоруссии (территория Поднепровья и северо-восточных районов) были известны близкие к русским рубахи, сарафаны и юбки, что служит косвенным подтверждением региональной самоидентификации переселенцев. Кроме того, Поднепровье и северо-восточные районы Белоруссии тяготели к районам русской Смоленщины и украинской Черниговщины, что подтверждается этнографическими материалами по культуре сибирских переселенцев. Потомки белорусских переселенцев уже во втором-третьем поколениях не имели представления о *свитах* или *кожухах* – сибирская меховая одежда сменила старинную белорусскую.

До 1930-х гг. нательная **украинская** нагрудная женская одежда в значительной степени сохраняла традиционный вид и отражала локальные варианты мест исхода, особенно в районах компактного проживания. Конструктивные и технологические приемы изготовления вышитых украинских сорочек были настолько важны для этнической идентификации, что отступать от них переселенки не решались, даже сменив место проживания. В отличие от сибирячек, «полячек», у которых в конце XIX – начале XX в. традиционные способы орнаментации костюма сплошь и рядом были заменены на нашитые полоски ситца, лент, кружев, позумента, украинские женщины продолжали расшивать новомодные блузки, кофты, располагая узоры на уязвимых, с точки зрения традиционных воззрений, местах – по груди, оплечью и рукавам.

Во втором поколении были забыты привезенные в Сибирь такие архаичные виды распашной поясной одежды, как *запаски*, *плахты*, но сохранились сшитые, например, домотканые юбки, *андараки*. В ряде случаев комплекс одежды украинских (как, впрочем, и белорусских) переселенков включал кошенный сарафан, т. е. вид традиционной русской одежды.

Как свидетельствуют полевые этнографические материалы, процессы аккультурации интенсивно протекали в местностях, где белорусские или украинские крестьяне проживали бок о бок с сибиряками-старожилами, заимствуя от последних не только виды межсезонной и зимней одежды, обуви, но и связанную с ними специальную лексику. Более стойкими оказывались исходные традиции в семьях, в которых оба родителя являлись выходцами из одних и тех же земель и, особенно, в компактных поселениях, расположенных вдали от промышленных и торговых центров.

В течение изучаемого периода традиционная линия в одежде устойчиво сохранялась в старообрядческой среде, а носителями новационного направления были обеспеченные, «примодненные» сибиряки-старожила и некоторые, наиболее обеспеченные, представители российских переселенцев. Наиболее консервативной оказалась обрядовая одежда (у старообрядцев) и те элементы сибирского гардероба всех групп населения, которые в большей степени соответствовали

погодно-климатическим условиям и которым не нашлось замены на протяжении многих веков – меховые тулупы, шубы, рукавицы и пр.

Период насильственной коллективизации и колхозного строительства сопровождался уничтожением этнокультурных различий в одежде, обеднением гардероба, особенно у репрессированной части населения. В это время с помощью средств массовой информации в качестве образцов активно распространялись городские формы культуры и быта. Постепенно мужчины дополнили костюмы пиджаками и брюками, женщины стали шить по городским фасонам кофты и юбки. Сорочки перешли в разряд нижнего белья, при этом изменив покрой (на лямках, без рукавов). В 1930-х гг. межсезонная одежда представителей всех этнокультурных групп включала уже не только традиционные виды верхней одежды, но и модные жакетки, маринаки, саки, полусаки, пальто.

Собранный этнографический материал по традиционной одежде восточнославянских народов юга Западной Сибири показал различные ее виды, конструкции, приемы орнаментации, характерные для конкретных этнографических групп. В одних случаях отличия незначительны и представлены вариантами внутри одного типа, хотя конфессиональная принадлежность различна: старообрядчество и официальная православная церковь (например, северо-восточные традиции у двоеданов и курганов, некоторых сибиряков). В других случаях отличия прослеживались по многим параметрам, несмотря на то, что их представители относились к одной конфессии (старообрядчеству), но при этом были выходцами из разных мест Европейской России (западнорусские переселенцы – «поляки» и белорусские «москали», и т. д.). Культурно-бытовые различия сглаживались и заменялись старожильческими традициями (сибиряков, чалдонов), которые были достаточно единообразны на обширной территории, привлекательны как символ достатка и состоятельности, а также представляли собой престижный образец городской субкультуры.

SUMMARY

Significance of traditional clothes as an ethnological source has been argued by many scholars. Types of clothes, design, techniques of form-making, sewing technologies and folk clothes terminology provide the evidence not only on the ethnic history of a particular nation, but also distinguish between smaller ethnic, cultural and religious groups. Comparative analysis of the Siberian materials with the clothes types at the origin places, from where the people migrated, indicated many features related to mutual influences, composition of migrating population and development of the Russian and other Slavic cultures in Siberia. The collected ethnological data on the traditional attire indicated the types of clothes characteristic of particular ethnic groups of the East Slavic populations in Western Siberia. These ethnic groups include immigrants who escaped various provinces of the Russian Empire in the 18th – early 20th century. The Slavic ethnic groups populated southern regions of Western Siberia over various periods. The ethnic groups of Chaldons, old Siberian residents, Polish people and some Kerzhak groups began to be formed as early as in the 18th century. Other Kerzhak groups, Dvoedany and groups of immigrants from the northern and southern Russian provinces emerged during the second half and the end of the 19th century, while the groups of Kurgans, Byelorussian Moskals, local groups of immigrants from the northern and southern Russian provinces, Byelorussians and Ukrainians were formed by the beginning of the 20th century.

In the late 19th – early 20th centuries, Chaldon women mostly did not use traditional Russian clothes sets with the sleeveless long dress *sarafan* and non-stitched skirt *poneva*. The set of a short jacket and skirt (or two skirts) was established as the traditional clothes set. This set was widely spread in the northern and southern regions of the European Russia and was regarded as late traditional clothes by researchers. Spread of the *sukmanka* skirts over the European Russia is related to the military and service classes, while in the Russian Northern provinces, this type of clothes was related to the influence of the Byelorussian and Smolensk traditions (Lebedeva, Maslova, 1967: 201). In the 18th – 19th century, the sets of jackets and skirts were in use in the Don region, which was considered as the Chaldons origin place. The jackets and skirts were worn over the long shirts in the same way as in Siberia (Krestianskaya odezhda, 1971: 241). The set of a jacket and skirt cannot be regarded as a late clothes style among the Chaldon women in the Upper Ob and Irtysh, unlike other population groups. Local people used to wear jackets and skirts made of linen and wool as working attire prior to the spread of these clothes as a festive dress, which fact indicates the early origin of this type of clothes. The chronologically earlier data have shown some noticeable details: the number of lost skirts the list of lost property of the early 19th century was three times as great as that of the lost *sarafans* (Mamsik, 1998: 45). Scholars estimated the period of emergence of skirts in the Chaus District of the Tomsk County as the first half of the 18th century (Shelegina, 1992: 157). However, this is not the earliest reference, because the clothes set with a skirt was mentioned as a “new” type of home wear and casual clothes in the written records of the 17th century

(Vilkov, 1965: 85; 1967: 102 – 105). It is logical to assume that the set of the shoulder (jacket) and waist (skirt) clothes could have been traditional, or “Siberian fashion” as late immigrants put it, rather than a new style due to its universal character. The urban style of clothes of the old residents, especially Chaldons, in the early 20th century was mostly related to the preferable use of Russian and imported fabric rather than home-woven textile and neglect of weaving, embroidering and other ornamentation traditions.

The shirt-like long dresses of the *khaladay* type likely predated the traditional woman dresses with breast yoke and stand-up collar. The types and decoration patterns of Siberian festive dresses show certain common features with the attire from the Arkhangelsk and Vologda Provinces and with clothes of the Old-Believers from Viatka (Efimenko, 1877: 49; Lipinskaya, 1997: 198). The Cossack traditional festive dress was close-fitting unlike the Siberian style (Krestianskaya odezhda, 1971: 246). Usage of cotton knitted caps (*kolpaks*) in Siberia can also be connected with the Don traditions (Mamsik, 1998: 46).

Ukrainian features in man’s attire represented by usage, though not common, of the shirts with the straight cut line with buttons and festive wide trousers with straight legs. Chaldons did not wear uniforms though they used the terms of particular pieces of the Don garment sets, like the *sharovar* wide trousers, *besmet* coats, *bashlyk* hoods and *tuzhurka* double-breasted jacket. The Siberian overcoats were robe-like unlike the close-fitting style with the cutoff at the waist that was typical of the Don wear. The Siberian old residents mostly wore shoes with the turned out seams made of rawhide and did not wore woven shoes made of vegetable fiber in accordance with the tradition of the southern and northern regions of Russia. The terms of *obutki* and *che/irki* (*chiriki* in the Don dialect) were used in some local groups of old residents in Siberia (Krestianskaya odezhda, 1971: 238).

The Siberian residents that did not regard themselves as Chaldons wore the garments closely similar to the traditional attire of the Russian peasants from the North and Middle Urals and Kama region where sleeveless dresses *sarafan – dubas* made of wedge-shaped pieces of fabric were in use and where pieces and parts of attire were designated in the similar ways: the upper shirt part was designated as “sleeves”, while the lower part was named “statue”, belts of various manufacturing techniques were named as “*pokromki*” and “*opoiaski*” (Chagin, 1991: 70).

Siberian fashion seems prestigious to migrants, who regarded the clothes as symbols of prosperity and “nobility” status. Photos taken in the past periods provided the evidence that Siberian residents followed the fashions of “noble classes” in the 19th century and urban population in the early 20th century. Siberian Chaldon families were dressed in a different way compared to the migrant population. The possible reason for being well-dressed was their intention to look more prosperous than it was in reality.

Recent ethnological studies provide the data on the special place of the Old Believer ethnic-religious groups in the hierarchy of ethnic communities. The religious values were important for the formation and survival of the traditional culture. The common consciousness stratum implied the concepts of “Christians” (we are Christians), “Old Believers” (we are Old Believers) and “Russians” (yet some people admitted their mixed ancestry, for instance, with the Mordva people). The lower taxonomic strata indicated certain local self-denominations, like “Kerzhak”, “Dvoedan”, “Kurgan”, “Polish” and others. However, significance of the religious ideas in the life of these groups of Siberian population should not be overestimated. The available ethnological data have shown that religious groups were formed on the solid ethnic bases, which means that they followed the pre-Nikon Orthodox Christian ideas, had

their own self-denomination and demonstrated certain cultural-economic specific features that more or less corresponded to the traditions at the place of origin. The Old Believer groups in the southern regions of Western Siberia mostly descended from the migrants from the northeastern Vyatka – Perm, Volga and Cis-Ural regions as well as from Byelorussia including the regions that were annexed by Poland.

The traditional attire of Kerzhak women was similar to the Northern Russian and especially Northeastern Russian styles. The name Kerzhak represents a derivative from the self-name of the large Old Believer communities from the Kerzhenets River in Semenovskiy County, Nizhny Novgorod Province. Analyses of the clothes of the Old Believer residents of the Kerzhenets and apparel of the Old Believer migrants in Western Siberia show the broad dispersal of this name as the general term for Old Believer population groups in Siberia.

In southern Western Siberia, a new style of clothes of Kerzhak women was formed. The new style was distinct from the clothes worn by Old Believer women in Semenovskiy County. For instance, in the second half of the 19th century, Kerzhak women in the Northern Altai used to wear two tunics with high stand-up collar one over another. The upper shirt had various names. The “closed” style and the names of this piece of attire (shroud, *pomornik*) possibly pointed to the early “pre-*sarafan*” emergence of this type of clothes. The shirt-like attire was used as a prayer dress and burial robe; senior people wore the shirt-like dresses as an everyday dress. *Sarafans*, i.e. tunic-shaped or wider sleeveless dress with a yoke, were widely used for similar purposes in southern Western Siberia under the names of *peremitsnik*, *gorbach*, *gorbun* and others. This type of wear was characterized by the dull colors and “old” fashion with the predominantly “closed” wide dress with train. Certain significant features were borrowed from the traditions of the Pomorie Old Believers from the northeast part of Russia and the Urals. The Pomorie Old Believers represent the most numerous population group and enjoyed authority over other religious groups of Old Believers. The *sarafan* dresses of the Pomorie Old Believers differed from dresses of the migrants from Vyatka, who wore *sarafans* on narrow straps. Gradually, the Siberian prayer garments of the Kerzhak women became most typical for practically all the groups of the Pomorie Old Believers.

Loose *sarafan* dress fastened in front was typical for the regions populated by migrants from Vladimir-Suzdal and Moscow. The tunic-shaped *sarafan* dresses were characteristic of the garments of the northern Russian regions subordinate to Veliky Novgorod (Lebedeva, Maslova, 1967: 206, 207). Ethnologists from Moscow argued that close *sarafan* without front seam designated as *gorbach* and *gorbun* were used comparatively early in the center of European Russia. The collection of the State History Museum contains *sarafans* with and without fasteners, without sleeves, with broad and short straps from the Northern and Southern Russian provinces that are dated to the 18th – early 19th centuries (Russki narodny kostium, 1989: 22, 57, 192, 249). In the 1990s, Old Believer women in Nizhny Novgorod did not remember either closed *sarafan*, or its names, that means that women nowadays know nothing about the dress types that have become the symbol of Kerzhak woman in Western Siberia.

Women shirts in the Volga region and other places in Russia, same as the Kerzhak shirts in Siberia were not embroidered in order to “avoid sin” as the Old Believers explained. The main difference between the Siberian shirts and the Russian wear and Volga clothes in particular is the closed, considerably high stand-up collar. However, the substantial volume of archival records “Opisanie rukopisei Uchenogo archiva” (Zelenin, 1915: 816) holds that as early as in the mid-19th century senior women in Nizhny Novgorod Province used to wear shirts with high stand-up collars. The shirts in European part of Russia were mostly sewn of rectangular

parts, while in Siberia the shirts were mostly tunic-shaped and shirts with yoke *na perelinke* during later periods.

Women in the northeastern part of Russia, Northern Urals and Siberia wore similar head gear named as *s/shashmura*, *s/tsapets*, *sashmura-kichka*. This soft cap with a crescent-shaped hard element in front was covered by two (one) shawls, the upper shawl covered the top of female figure as on *Matreshka* dolls and was tied up under the chin. The shawls were worn either folded corner to corner *na ugol* or loosened over the head and shoulders *na raspustinku*.

The greatest similarity with the Nizhny Novgorod clothes has been noted in the Kerzhak culture in the Suzun region of the Ob where the present author noted *sarafans* fashioned with wedge-shaped pieces of fabric with narrow straps and short cut-fastener in front. Robes of the “*khaladai*” type were also noted. The name of this type of dress is reminiscent of the word “*kholodniki*” for the summer caftan outer wear from Nizhny Novgorod and Middle Volga.

Kerzhak man's wear was uniformed in the past period and remains uniformed in Kerzhak communities and separate families nowadays. The distinct feature of the Siberian Kerzhak and Volga Old Believer man's shirts is that the shirts have the cut-fastener either on the left, or on the right side, which feature is rare in the Russian attire (Krestianskaya odezhda, 1971: 198). Some traditions have survived in Siberia better than elsewhere. For instance, Kerzhaks remembered the terms for particular pieces of clothes better than their coreligionists in the European part of Russia. However, nobody in the Siberian Kerzhak local group remembered the *lapti* woven shoes that were most popular in the Chernoramensky Forest in Nizhny Novgorod. The girdle and *lestovka* prayer beads were the costume features common for all the Old Believer populations.

The prayer clothes of the Old Believer women of the Dvoedan grouping differed from those of the neighboring Kerzhak women in the 19th – first third of the 20th century. The Dvoedan groups migrated from the southeastern Urals. *Sarafan-dubas* on narrow straps, *tsepets* or *shashmura* cap, woven girdle representing pieces of clothes and the relevant terms typical for the Vyatka and Perm Provinces and southeastern Urals were long used by the Dvoedan women. The prayer costume of the Krutikha grouping of Old Believers from the Burlin District, Barnaul County, included *sarafan* together with shirt-“sleeves”, *shashmura* and other items, while the Dvoedan festive attire was similar to the Chaldon *khaladai* robes and twin sets of a jacket and skirt with gloves and other things as the accessories. The Dvoedan young people lived in the vicinity to Siberian old residents including Chaldons and participated in joint rituals, parties and merrymakings. Upon the politics of dispossession of the kulaks and suppression of religious groups, the Old Believers moved from the Burlin District to the contiguous northern regions and mostly to the religious centers along the Aleus River. By the mid-20th century, the Dvoedan women wore closed *gorbach sarafans* and variegated shawls same as the Kerzhak women.

Those types of clothes that were recognized as new and innovational (according to P. Shkoldin), like frock-coat, coat and cloak-shaped *galanka* went out of use by the 1920. These outwear types indicated population classes of the comparatively high social and property status. Mostly these classes were the victims of the politics of dispossession of the kulaks.

Analysis of the culture of the ethnic-religious group of Kurgans in the Cis- Salair Region have shown that these people preserved the Old Orthodox Religion and specific features of their material culture typical for the migrants from the Middle Volga for the lifespan of two generations. The Volga traditions are most vividly reflected in the usage of various wadded outwear including wadded skirts. The Kurgan people, despite certain cultural peculiarities,

identified themselves as a group with particular ethnic and religious background, senior citizens recognized the Russian and Mordva ethnic backgrounds of their predecessors. However, in the 2000s, when many senior members of the group passed away and many young people moved to cities, the population size and cultural isolation of Kurgans decreased representing the general tendency to acculturation in Siberia.

Free migrants from Vilnius and Vitebsk Provinces of the Russian Empire of the early 20th century brought their distinct traditions in outward. These migrants formed the Old Believer groups in the Vasiugan Plain (Byelorussian Moskali) and in the Salair foothills. Presently, local citizens designate the members of these groups as Kerzhaks, while Vasiugan Old Believers deny this affinity because they belong to Theodosius grouping. The construction of the Vasiugan and Salair Old Believer's *sarafans* – coats with broad yoke “s grudinoi, s ogudiami” is similar to the Novgorod and Pskov *sarafans* with yoke “s grudinkoi, s perednitsei”, *sarafan-shubka* and “coats” of Kargopol County, Olonets Province and the clothes used by the servicemen *odnodvortsy* in Kursk Province (Krestianskaya odezhda, 1971: 59, 93, 141, 182). Old Believer *sarafan-shubka* in Siberia were not ornamented in contrast to the relevant clothes in the European part of Russia. The shirt fashioned with the rectangular shoulder elements cut along the weft represented a part of the set with *sarafan* and shows common features with the clothes of the Novgorod Slavs (Lebedeva, Maslova, 1967: 220). The cut and the terminology of this shirt (shoulder parts “*proramki*”) are close to the relevant pieces of attire of the Old Believer women from Latgalia Province in Eastern Latvia (Zavarina, 1986: 198). The Latvian shirts have turn-down collar, which feature is closer to the Byelorussian tradition. The Western Old Believer groups required smaller restrictions concerning hanging adornments compared to other Siberian groups. Young people used to decorate their festive dresses with strings of beads *paterki* and ear-rings.

The traditional wear of women from the Old Believer groups who migrated from the western Russian provinces to the Iksa River in the Salair piedmonts included shirts with rectangular shoulder elements *podstava* and *oplechie* sewn to the front and back of the shirt along the warp. This feature suggests that this group includes real *Moskalis* – former citizens from Moscow Province (Krestianskaya odezhda, 1971: 22). Analysis of the under- and outerwear indicates the Northern Russian and possibly Central Russian (Moscow region) origin of the representatives of this group. This attribution is supported by the available archival records (Zavarina, 1986: 21). The Theodosius grouping denying priests was formed in the Novgorod –Pskov region and gradually dispersed over Petersburg, Yaroslavl, Moscow and other provinces.

The noted similar features in the traditional outward make it possible to regard the Vasiugan and Salair Old Believer groups as closely related groups because they migrated from approximately same area in European Russia (Novgorod, Pskov and Olonets Provinces and Latgalia). Certain Byelorussian features were noted in the types, cuts and ornaments of the home and festive wear. Significant Polish-Byelorussian traits were noted in the outward (*angerka*, *sachik*). Some old traditions were abandoned in Siberia because of new living conditions, for instance the woven shoes *lapti* were used only as mowing and fishing shoes. Some pieces of attire, like working trousers *chembary*, winter felt boots *pimy* and fur mittens *lokhmatki*, were borrowed from Siberian old residents. The traditional clothes of western migrants with the borrowed Siberian features represent the adaptation strategy of the Russian Old Believers to the local environment, like invention of special winter foot wear with the lower part resembling short and wide skis *snegokhod* and *snegostop*.

The traditional clothes and relevant terminology of the Polish Old Believers in the Altai demonstrated specific features compared to the clothes of the Siberian old residents and other Old Believers groups. The *sarafan* construction shows both northern Russian (tunic-shaped *sarafan* with narrow straps and a single front cloth) and central and southern Russian (*sarafans* made of wedge-shaped cloths with the seam in front and multicolored decoration motifs over the chest, straps and hem) features (Krestianskaya odezhda, 1971: 27, 57, 182). The “Polish” people did not wear closed *sarafan-gorbach* resembling a sleeveless robe that was typical for the Kerzhak women.

The “Polish” festive shirts with the specific sack-like construction of the sleeves did not indicate any particular resemblance with other traditions. The “Polish” shirts share certain features with peasant women’s dress form the Russian North, however, some southern Russian and Ukrainian elements (terminology, like *chekhlik*, position of rectangular shoulder units along the warp of the main cloth, abundant decoration with embroidery, lace, small beads and others) can also be noted (Lebedeva, Maslova, 1967: 218, 257). Shirts with rectangular shoulder elements and sleeves with wedge-shaped insets were broadly used by the Semeiskie groups from Trans Baikal related to “Polish” people. These shirts can be regarded as a basic type of attire for these population groups. Burial shirts with the *v zamok* specific cut when the *polik* shoulder element was cut as a single piece with the sleeve suggest northern and northwestern Russian, Volga and Cis-Ural traditions in the “Polish” women attire (Maslova, 1956: 607, 609; Maslova, 1967: 219). Many traits of the “Polish” *narukavniki* shoulder piece of clothes put on over the *sarafan* resemble the South Russian *zapon*. The “Polish” women *narukavniki* piece shares features of the cut and style with the linen men’s shirts indicating the stable tradition in this ethnic group.

The outlook and cut of the “Polish” women’s head gear did not have any close analogues. *Kichka*-like caps with two “horns” of the “Polish” women in the Altai are reminiscent of the head gear of women from the southern and middle Russian regions (Briansk, Voronezh, Kursk, Pskov and Ryazan Provinces) in shape and the terms of components: *kichka*, *kokoshnik*, *pozatylnik*. The *kichka* with the soft frontal part *kokoshnik* represent an older phenomenon preceding proper *kokoshnik* (Maslova, 1967: 229). The head gear was decorated with *pozatylniki* back parts embroidered with small beads, pendants woven with small beads and ear-rings with goose down balls, which were the elements typical for the southern Russian provinces. The ways of tying a piece of cloths or shawl on the head reminiscent of a turban suggest certain parallels with the head gear of peasant women from the western and southwestern provinces of the Russian Empire (Voronezh, Gomel, Kaluga, Mogilev, Orel and Chernigov Provinces) (Romaniuk, 1981, fig. 237, 243, 353 and others). The burial head gear *soroka* of one or two pieces of linen represents the earliest and simplest types and are reminiscent of the *soroka* caps of Ryazan. The way of tying the burial or praying shawls under the chin is similar to the northern Russian mode of Nizhny Novgorod (Maslova, 1967: 230).

Contradictions between the folk traditions on the one hand and prohibitions and regulations from religious literature, resolutions of religious councils and various sermons represent a characteristic feature of the Old Believer culture. The “Polish” ethnic group mostly followed traditions, while the prohibitions and regulations on clothes including hanging ornaments were not as strict as in the other Old Believer groups in Western Siberia.

Men’s shirts of the Kerzhak, Dvoedan and Kurgan local groups were basically uniform, while the “Polish” men’s shirts were original without any close analogues. The shirts were tunic-shaped decorated with the black-and-white embroidery on the chest and two vertical

red bands. The “Polish” shirts were made according to the Byzantium tradition of the mid-1st millennium AD (Komissarzhevsky, 1998: 110. 461). The look of this attire is reminiscent of the priest clothes as they were shown in the Russian Chronicles of the 15th century as well as the traditional attire of Ryazan and Tambov Provinces in the 19th century (Rybakov, 1976: 95 – 97; Russky narodny kostium, 1984, fig. 11, 15). Clothes for the lower part of the body included both traditional Russian trousers and other types of waist dress as the trousers with the wedge-shaped or rectangular insets at the crotch that were also common for the Semeiskie groups in Trans-Baikal.

The features of the cut, trimming and ornamentation of the outwear show common features with the garments of the Old Believer groups in the Northern Russian and Byelorussian Regions (loose overall, jackets), Volga region (loose homespun coats *zipun*), Southeastern and Cis Uralian Provinces (loose robes including the *chapan* type) of the Russian Empire of the late 19th – early 20th centuries. The “Polish” shabury loose robes made of wool mixture fabric resemble the *khalat* garments of the Siberian tradition, unlike the analogous attire with the cutoff at the waist that was typical for the population of northeastern Russia and Volga region. Many Polish outwear types are similar to the garments of Semeiskie in Trans-Baikal. It concerns the robe-like coats *zipun* without seams on the shoulders, jackets and gowns. Their common features are the long sleeves covering hands and ornamentation patterns. Common features in the traditions and terminology have been noted with the clothes of the Russian population of the Angara region where similar loose coats *shabury*, *zipuns*, as well as jackets and single-breasted coats were in use (Saburova, 1972: 122-124).

The data on the garments of the “Polish” people in the southern Altai indicate the complex ethnic composition of this group. They contradict certain experts in dialectology and anthropology on the exclusively northern or southern origin of the representatives of this group. Given the basically Northern Russian origin, the data clearly indicate blood-relationships with the Semeiskie group in Trans-Baikal and populations migrating from the lands that currently belong to Russia, Byelorussia and Ukraine. Contacts with the Siberian old residents and Kerzhak Old Believers resulted in developing certain common types of outwear and shoes.

Old Believers of all the groups preserved many old traditions in their attire, especially in the ritual dress. One of these old traditions is prohibition of waist clothes (trousers and aprons) in the praying ware, which feature is rooted in the Orthodox tradition of Byzantium Greeks of the 7th – 12th centuries (Kultura Vizantii, 1989: 583 – 588). Old Believers unlike many other people have still use special praying and burial garments, which traditions are based on the ideas of the sinless and pious life. Apparently, asceticism and restrictions concerning outwear were more actual for senior people than for the younger coreligionists.

The first generation of women-migrants from Arkhangelsk, Vologda, Kostroma and Tver Provinces in the north of Russia used to wear the set of *sarafan* or skirt with jacket and preferred the home-woven linen clothes in Siberia. This group did not use the terms of “*dubasy*”, “*gorbachi*”, “*gorbuntsy*” and others to designate *sarafans*, but used their traditional terms. The second and third generations of women born in Siberia abandoned *sarafans* and followed the styles typical for the local Siberian women including the Chaldon women. Women-migrants from Vyatka and Perm were less submitted to the Siberian style influence, because they used basically the same type of clothes (*gorbachi* and *khaladai*) under the similar terminology.

A new Siberian type of men’s wear, like the warm *chembary* trousers, replaced the trousers that were in use among the peasants from Arkhangelsk and Vologda. The Northern Russian migrants did not wear festive velveteen trousers that were termed as “*sharovars*” and used

by the Chaldon men. During the initial settlement in Siberia, the outwear of Arkhangelsk and Vologda migrants differed from the Siberian and Vyatka-Perm styles in the more complicated constructions and greater variety of types and terms. Along with the common use of leather shoes, the northern migrants did not abandon woven *lapti* shoes that were used as special purpose shoes for fishing, hunting and mowing.

Migrants from the southern Russian provinces did not represent a single population group, but preserved cultural and linguistic features typical for their places of origin. The population of the southern Russian regions was formed in the course of complicated migration processes from various places in European Russia. The practically complete abandonment of the non-stitched waist garment (*poneva*) and mixing the terms of clothes types indicate that by the time of migration, this type of clothes was rarely used. The garments of the South Russian migrants differed from the Old Believer attire in embroidery and other ornamentation patterns, wide and straight shirt sleeves and terms (the skirts were designated as *poneva*). During the first years in Siberia, some southern women wore the sleeveless clothes. Later this type of attire was abandoned same as by the Ukrainian women likely because this style was not popular in Siberia. The attire close fitting in the waist due to the cutoff was the typical Southern Russian feature. The South Russian migrants borrowed elements of the urban culture represented in the attire of the old Siberian residents and Chaldons same as the migrants from the northern Russian provinces.

Observations on the Byelorussian traditional outwear suggest that Byelorussians continued to use many Old Slavic elements in attire till the period of collectivization in the 1930s in areas of compact residence and even during the Great Patriotic War at some places. Both men's and women's outwear sets underwent certain changes under the influence of intercultural communication and evolutionary development in Siberia. The Byelorussian types of short sleeveless attire were abandoned without support of the old Siberian residents. The terms designating certain types or parts of attire acquired other meaning. For instance, *kovnerets* formerly meaning the collar was used to designate the cuff, while *kabat*, the term of the sleeveless attire, was used as the term of the dress of the *sarafan* type. The absolute majority of migrants from the Dnieper basin and the northeastern regions in Eastern Byelorussia used shirts, *sarafans* and skirts similar to the traditional Russian wear, which fact provides an indirect support of the regional self-identification of the migrants. The populations of the Dnieper basin and northeastern Byelorussia define themselves as similar to the Russian people of Smolensk Province and Ukrainian people of Chernigov Province. The data on the material culture of migrants to Siberia supports this assumption. The second – third generation of descendants of the Byelorussian migrants did not know the terms of “*svit*” and “*kozhukh*”, because the Siberian fur coats replaced the old Byelorussian style.

The Ukrainian shirts survived in their traditional style and reflected local trends of their origin places until the 1930s especially in the areas of close-together residence. The construction and technological features of making embroidered shirts were considered as an essential feature of ethnic identification. Ukrainian women continued this tradition even upon migration to a new place of residence. Unlike the Siberian and Polish women, who changed the traditional ways of decoration into sewing-on cotton stripes, ribbons, laces and galloons, the Ukrainian women continued embroidering the sacral areas over the chest, shoulders and sleeves of the new styles of shirts and jackets.

The second generation of migrants did not use such archaic types of loose waist garments as “*zapaski*” and “*plakhty*”, but still wore stitched home-woven skirts “*andaraki*”.

In some cases, the set of clothes of the Ukrainian and Byelorussian women-migrants included a traditional Russian *sarafan* made of wedge-shaped sheets.

The data of the field ethnological studies suggest that acculturation processes were more rapid in the areas where Byelorussian and Ukrainian peasant lived in the settlements of old Siberian residents. The new-comers borrowed the styles of low season and winter wear and the relevant terminology. The traditions were more stable in the families where both parents were expatriates of the same place and especially in the places located far from industrial and trade centers and populated by compatriots.

Traditional style was maintained by the Old Believers throughout the whole period under study. In contrast, well-to-do and “stylish” Old Siberian residents and some well-to-do Russian migrants easily adopted new trends. The most conservative styles include the Old Believer ritual attire and pieces of the traditional Siberian wear that fitted the local climatic conditions and did not undergo significant changes over several centuries, i.e. fur coats of various types, mittens and others.

The period of forced collectivization and collective farm formation was accompanied by fading ethnic-cultural distinctions in clothes and depletion of clothes types especially among the victims of political repressions. At that time, mass media promoted the urban forms of culture and everyday life. Gradually, men began wearing civic coats and trousers; women wore jackets and skirts of the urban style. Traditional shirts changed the style (on straps, without sleeves) and became an underwear item. In the 1930s, the low season clothes of all the ethnic-cultural groups included not only the traditional over wear, but also jackets and coat of the *marinaki*, *saki*, *polusaki* types and overcoats that were in fashion at that time.

The collected ethnological data on the traditional clothes of the East Slavic population of the southern part of Western Siberia indicated various styles, constructions, decoration patterns specific for certain ethnic groups. In some cases, distinctions were minor representing variations within a single type despite belonging to different population groups of Old Believers and classic Russian Orthodox Church (for instance, northeastern traditions of Dvoedans and Kurgans, some groups of Old Siberian residents). In other cases, clothes of the coreligionist groups (Old Believers) representing migrants from various regions of European Russia (Polish migrants from western Russia and Byelorussian Moskali) show differences in many parameters. Cultural and everyday distinctions were smoothed away and were replaced by the Old Siberian resident traditions (Siberians, Chaldons) that were uniform over vast territories, attractive as a symbol of well-being and competence and represented a prestigious model of the urban subculture in the rural interpretation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Нижний Сузун Малышевской волости Барнаульского уезда // ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 326. Св. 28. Л. 1–255.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Панкрушихинскому Александровской волости Барнаульского уезда, 1917 г. // ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 75. Св. 8. 537 л.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Скалинское Чаусской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 131. Св. 38. Л. 1–124.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Чингисы Верх-Чингисской волости Барнаульского уезда // ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 326. Св. 28. Л. 1–304.
- Дело* Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского, Пустоваловского Кыштовской волости Каинского уезда, получивших ссуды // ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22.
- Анкеты* Всерос. с.-х переписи по с. Кайлинское Кайлинской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 129. № 26. Л. 1–248.
- Анкеты* Всерос. с.-х переписи по д. Карасево Гондатыевской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 117. Св. 15. № 24, без нумерации 100 д/х.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Киряково Гондатыевской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 117, № 25, без нумерации 73 д/х.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по пос. Рыбкинский Гондатыевской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 117. № 46, без нумерации.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по пос. Собиновский Гондатыевской волости Томского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 117. № 50, без нумерации.
- Анкеты* Всерос. с.-х. переписи по с. Чулымское Иткульской волости Каинского уезда // ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 172, № 11, без нумерации 145 д/х.
- Протоколы райкомиссии на лишенных и восстановленных, 1929–1931 гг. // ОАСТА Каргатского р-на Новосиб. обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–4.
- Родословие* // Собр. рукопис. книг Ин-та истории Сиб. отд-ния РАН. № Д9/71 г. Л. 101.
- Собор* и соборное деяние в Нижнем Новгороде, бывший в 1891 году августа 9 дня. Нижний Новгород, 1891, рукоп. ПМА 1999.
- Список* лиц, самовольно прибывших на территорию Подволошенского, Федосихинского, Ермиловского и пр. сельсоветов, 1929 г. // ОАСТА Коченевского р-на Новосиб. обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30, 60, 78.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // Ваш выбор. – 1993. – № 1. – С. 45–48.

- Александров В. А.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М.: Наука, 1974. – С. 7–21.
- Алексеев Н. В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVII–XIX вв. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1965. – С. 143–153.
- Бардина П. Е.* Быт русских сибиряков Томского края. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 223 с.
- Бардина П. Е.* Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. – Томск : Контекст, 2009. – 431 с.
- Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII–XVIII столетия). – Томск : Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. – 138 с.
- Белявский Ф. Н.* Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия: полное географическое описание нашего отечества (настолярная и дорожная книга для русских людей). – СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1907. – Т. XVI. – С. 214–280.
- Бережнова М. Л.* Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск : ОмГУ, 2007. – 266 с.
- Блинова О. И.* О термине «старожильский говор Сибири» // Учен. зап. Том. гос. ун-та. – 1971. – № 74. – Вып. 2. – С. 3–8.
- Болонев Ф. Ф.* Семейские: Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. – 142 с.
- Большая Советская Энциклопедия* : в 30 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – Т. 14. – 623 с.
- Бояришинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. – 1950. – Т. 112.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 411 с.
- Брушлинская О. С.* Новым годом, дорогие читатели! // Наука и религия. – 2013. – № 1. – С. 2.
- Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 143 с.
- Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // Советская этнография. – 1958. – № 5. – С. 110–112.
- Бусыгин Е. П.* Среднее Поволжье и Приуралье // Крестьянская одежда населения Европейской России : определитель. – М. : Наука, 1971. – С. 194–230.
- Ваганов Н. А.* Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. – СПб. : Б.и., 1882. – 486 с.
- Васеха М. В.* Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 4 (80). – Т. 2. – С. 43–46.
- Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. – М. : Наука, 1967. – 324 с.
- Власова И. В.* Поселения Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири : в 2 ч. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – Ч. 2. Забайкалье. – С. 21–22.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Сибирский край. Отдел II. Занятия. – М. : Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1930. – 362 с.
- Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. – 1933. – № 5–6. – С. 76–88.
- Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н.* Материальная культура русского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. LVII. – С. 5–71. – (Сер. тр. Ин-та этнографии).

- Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Парникова А. С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей XIX – начала XX в. // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. LVII. – С. 172–257. – (Сер. тр. Ин-та этнографии).
- Головачев П. М.* Заметки о русской колонизации Сибири // Землеведение. – 1894. – Т. 1. – Ч. IV. – С. 31–59.
- Голомянов А. И.* Современная моленная одежда сибирских старообрядцев-поморцев Приобья // Мельниковские чтения. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки, 2013. – С. 24–26.
- Голубев П. А.* Очерки сибирской жизни и положение переселенцев на Алтае // Юрид. вестник. – 1892. – Т. XI. – Кн. 1–2. – С. 126–166.
- Гринкова Н. П.* Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. – 1926. – № 1. – 2. – С. 83–96.
- Гринкова Н. П.* Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии (из материалов Юго-Восточной экспедиции Гос. архива Ин-та матер. культуры) // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та. – 1928. – Вып. 1. – С. 148–174.
- Гринкова Н. П.* Бломквист Е. В. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. – Л. : Б.и., 1930. – С. 331–380.
- Громов Г. Г.* Одежда // Очерки русской культуры XVII века. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – Ч. 1. – С. 202–218.
- Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII – первая половина XIX в.). – Новосибирск : Наука, 1975. – 351 с.
- Гуляев С. И.* Алтайские каменщики // С.-Петерб. губерн. ведомости. – 1845. – № 30.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1989. – Т. 2. – 779 с.
- Деяния Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев, принимающих брак.* – М. : Б.и., 1909. – 151 с.
- Донские казаки в прошлом и настоящем.* – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1998. – 502 с.
- Древности Белозерья : альбом.* – Вологда : Древности Севера, 2010. – 96 с.
- Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск : Изд-во ТГУ, 1981. – 243 с.
- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Тр. этногр. отд. Императ. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. гос. ун-те. – М., 1877. – Т. 30. – Кн. 5. – Вып. 1. – С. 133–158.
- Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф.* Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 3. – С. 101–102.
- Жигунова М. А.* Об этнических группах русского этноса в Сибири // Народная культура Сибири. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1999. – С. 198–202.
- Жигунова М. А.* Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX в. – Омск : Наука, 2004. – 228 с.
- Заварина А. А.* Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. – Рига : Зинатне, 1986. – 247 с.
- Захарова Л. А.* Данные современного диалекта как источник реконструкции говоров XVII в. // Русские говоры в Сибири. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 19–23.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива. – Пг. : Б.и., 1915. – Вып. 2. – 988 с.
- Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Изв. АН СССР. – Пг., 1917. – Сер. 6. – Т. 2. – № 7. – С. 399–416.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. – М. : Наука, 1991. – 511 с.

- Зобнин Н. Ф., Патканов С. К. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах // Живая старина. – 1891. – Год 9. – № 4. – С. 457–518.
- Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск, 2002. – 233 с.
- Итоги демогр. переписи 1920 г. по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и возрасту. – Омск : Губ. стат. бюро, 1923. – 99 с.
- История Сибири : в 5 т. – Л. : Наука, 1968. – Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – 358 с.
- История Челябинска – от крепости до железнодорожной станции [Электрон. ресурс] // URL : www.chelindustry.ru (дата обращения: 22.11.2014).
- Кагаров Е. Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов // Изв. АН. – 1917. – № 9. – С. 645–652.
- Карский Е. Ф. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности // Виленский временник : изд. Вилен. генерал-губернат. упр. – Вильна, 1904. – Кн. 1. – С. 175–466.
- Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага : Артис, 1986. – 608 с.
- Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – 249 с.
- Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половине XX в. – М. : Большая российская энциклопедия, 1995. – 383 с.
- Кобко В. В. Традиционная одежда старообрядцев Приморья // Русская народная одежда (историко-этнографические очерки). – М. : Индрик, 2011. – С. 605–648.
- Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. – Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. – Минск : Литература, 1998. – 495 с.
- Корреспонденция СВ // Сибирский вестник. – 1895. – № 2. – С. 4.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1859. – 164 с.
- Крашенинников С. П. Неопубликованные материалы. Дневник путешествия в 1734–1736 гг. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 241 с.
- Крестьянская одежда населения Европейской России XIX – начала XX в. : определитель. – М. : Советская Россия, 1971. – 365 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск : Наука, 1982. – 504 с.
- Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. – М. : Наука, 1989. – 680 с.
- Кутилова Л. А. Украинские переселенцы в Томской губернии // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). – Томск : Том. гос. ун-т, 1996. – С. 110–117.
- Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. – М. : Наука, 1969. – С. 104–188.
- Лебедева А. А. Одежда одной из локальных групп русского населения Забайкалья // Сб. Музея антропологии и этнографии. – 1973. – Вып. XXVIII. – С. 140–157.
- Лебедева Н. И. Науч. тр. – Рязань, 1996. – Т. 1. – 191 с. – (Рязан. этногр. вестн.).
- Лебедева А. А., Липинская В. А., Сабурова Л. М. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII–XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М. : Наука, 1974. – С. 22–109.
- Лебедева А. А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М. : Наука, 1974. – С. 202–222.

- Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские : историко-этногр. атлас. – М. : Наука, 1967. – С. 193–265.
- Лилеев М. И.* Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. – Киев, 1893. – 278 с.
- Липинская В. А.* Молельная одежда старообрядцев [Электрон. ресурс] // Липоване: история и культура русских старообрядцев : [сайт]. М., 2005. URL : www.portal-credo.ru/site/print.php&act=lib&id=3072 (дата обращения : 23.11.2013).
- Липинская В. А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII – начало XX в.) – М. : Наука, 1996. – 269 с.
- Липинская В. А.* Северо-западная часть. XIX – начало XX вв. // Русская народная одежда : историко-этнографические очерки. – М. : Индрик, 2011. – С. 272–294.
- Любимова Г. В.* Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 239 с.
- Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири : Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1992. – 195 с.
- Мамсик Т. С.* Хозяйственное освоение южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 238 с.
- Мамсик Т. С.* К характеристике быта крестьянской буржуазии Сибири первой трети XIX в. (по материалам рукописей утраченного имущества ГАКК) // Русские Сибири : культура, обычаи, обряды. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 38–52.
- Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославян. этногр. сб. : очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. – М., 1956. – С. 541–757.
- Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX – начало XX в.) // Тр. Ин-та этнографии. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. LVII. – С. 72–171.
- Маслова Г. С.* Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX – начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. – Л. : Наука, 1973. – С. 70–88.
- Маслова Г. С.* Русская народная одежда Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири : в 2 ч. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – Ч. 2. Забайкалье. – С. 48–78.
- Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М. : Наука, 1984. – 270 с.
- Маслова Г. С.* Одежда // Этнография восточных славян : очерк традиционной культуры. – М., 1987. – С. 259–291.
- Миненко Н. А.* По старому Московскому тракту : о первых населенных пунктах на территории Новосибирской области. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1990. – 183 с.
- Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов. – Минск : Наука, 1968. – 231 с.
- Молчанова Л. А.* Производственная деятельность и материальная культура белорусского крестьянства XIX – начала XX в. : автореф. дис... д-ра ист. наук. – Минск, 1969. – 51 с.
- Молчанова Л. А.* Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. – Минск : Наука и техника, 1981. – 112 с.
- Мышко А. П.* Этнография деревни Ревков Скидельской волости Гродненской губернии 1914 года // Советская этнография. – 1941. – № V. – С. 81–88.
- Население Западной Сибири.* – Новосибирск : Изд-во РАН, Сиб. отд-ние, 1997. – 171 с.
- Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. – Прага, 1924. – с.

- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 254 с.
- Николаева Т. А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. – Киев : Наукова думка, 1988. – 247 с.
- Новосёлов А. Е. Беловодье : повести, рассказы, очерки. – Иркутск : Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. – 445 с.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 811 с.
- Палагина В. В. Диалектный состав первых жителей Томска // Вопр. языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1971. – № 74. – Вып. 2. – С. 100–105.
- Переселение в Сибирь : Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. – СПб. : Изд. переселен. упр., 1906. – Вып. XVIII. – 81 с.
- Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири периода феодализма. – М. : Наука, 1973. – С. 381–406.
- Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. Миддендорфа, Г. Радле и др. – СПб., 1865. – 274 с.
- Радищев А. Н. Письмо о китайском торге // Собр. соч. : в 2 т. – М., 1907. – Т. 2. – С. 90–99.
- Русский народный костюм: Из собрания государственного музея этнографии народов СССР / сост. Л. Н. Молотова, Н. Н. Соснина. – Л. : Художник РСФСР, 1984. – 222 с.
- Русский народный костюм / сост. Л. В. Ефимова ; Гос. ист. музей. – М. : Советская Россия, 1989. – 311 с.
- Рыбаков Б. А. Борьба за суздальское наследство в 1174–1176 гг. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. – М. : Наука, 1976. – С. 95–97.
- С Барнаульского тракта // Сибирская газета. – 1881. – № 21, 23.
- Сабурова Л. М. Одежда русского населения Сибири // Сб. тр. Музея антропологии и этнографии. Из культурного наследия народов России. – Л. : Наука, 1972. – Т. XXVIII. – С. 99–139.
- Сабурова М. А. Женский головной убор у славян по материалам Вологодской экспедиции // Советская археология. – 1974. – № 2. – С. 85–97.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М. : Наука, 1982. – 327 с.
- Список населенных мест по сведениям 1864 г. Пензенская губерния. – СПб., 1869. – 119 с.
- Соболев М. Н. Русский Алтай. Из путешествия на Алтай в 1895 г. // Землеведение. – 1896. – Т. III. – Кн. III–IV. – С. 55–70.
- Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. – СПб., 1860. – Т. 1. – 792 с.
- Соколова З. П. На просторах Сибири. – М. : Русский язык, 1986. – 239 с.
- Старообрядчество : лица, события, предметы, символы : опыт энцикл. слов. – М. : Церковь, 1996. – 317 с.
- Тазихина Л. В. Русский сарафан // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – 1955. – Вып. XXII. – С. 21–35.
- Тарусская М. Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири : в 2 ч. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – Ч. 2. Забайкалье. – С. 70–87.
- Толкачёва С. П. Особенности традиционного костюма локальной этнической группы цуканов Воронежской губернии (середина XIX – начало XX века) // Этнография Центрального черноземья России. – Воронеж, 2003. – Вып. 2. – С. 21–31.
- Толкачёва С. Народный костюм Воронежской губернии. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2012. – 216 с.
- Томские губернские ведомости. – 1874. – № 40. – С. 5–7.

- Украинцы* / ред.-сост. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев ; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М. : Наука, 2001. – 535 с.
- Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев северо-западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. – СПб., 1892. – 212 с.
- Фурсова Е. Ф.* Женская погребальная одежда русского населения Алтая // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск : Ин-т истории, филологии и философии АН СССР, 1983. – С. 73–87.
- Фурсова Е. Ф.* Поликовые рубахи крестьянок Южного Алтая второй половины XIX – начала XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 181–187.
- Фурсова Е. Ф.* Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. – Новосибирск : Ассоц. сиб. и дальневост. городов, 1992. – С. 102–119.
- Фурсова Е. Ф.* Историческая память и национальный менталитет старожилов и переселенцев Приобья // Русский вопрос и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Наука, 1994. – С. 18–21.
- Фурсова Е. Ф.* Уникальные образцы рубах алтайских старообрядцев как источник изучения русской одежды // Гуманитар. науки в Сибири. – 1995. – Вып. 3. – С. 75–81.
- Фурсова Е. Ф.* Проявление христианского и дохристианского мировоззрения в культуре старообрядцев юга Западной Сибири // Историческое краеведение: теория и практика. – Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 1996. – С. 27–31.
- Фурсова Е. Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 151 с.
- Фурсова Е. Ф.* Одежда жизненного пути (по материалам старообрядцев-федосеевцев Васюганья) // Гуманитар. науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1998. – № 3. – С. 86–92.
- Фурсова Е. Ф.* Этнокультурный облик первопоселенцев Верхнего Приобья (сравнительно-этнографическое исследование по материалам традиционной одежды) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. IV. – С. 465–470.
- Фурсова Е. Ф.* История жизни духовного наставника Р. И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник. 2001. – М. : Наука, 2002. – С. 90–118.
- Фурсова Е. Ф.* Особенности культурно-адаптивных процессов переселенцев из Пермской губернии в Западной Сибири // Грибушинские чтения–2004. Современный музей в контексте культурно-экологического пространства региона : опыт, проблемы, возможности. – Кунгур, 2004. – С. 95–97.
- Фурсова Е. Ф.* Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии : в 2 кн. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 427–441.
- Фурсова Е. Ф.* Белорусские переселенцы по данным переписи 1917 г. и хозяйственных книг 1920-х гг. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 24–33.
- Фурсова Е. Ф., Афанасьева Ю. Ю.* Пояса русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX в.: типология и этнокультурная характеристика // Гуманитар. науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 31–35.
- Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В.* Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. – Новосибирск : АГРО-СИБИРЬ, 2003. – 276 с.

- Худошин Т. А., Яксанов В. З. Учебное руководство по Закону Божьему для детей старообрядцев-беспоповцев. – Саратов, 1915. – 70 с.
- Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века (этнические традиции материальной культуры). – Пермь : Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 112 с.
- Чижикова Л. Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области // Полевые исследования Института этнографии. 1977. – М. : Наука, 1979. – С. 9–21.
- Чижикова Л. Н. Традиционная женская одежда русских (по материалам Нижнедевицкого района Воронежской области) // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1980–1981. – М. : Наука, 1984. – С. 11–20.
- Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. – Барнаул, 1898. – 76 с.
- Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе (Результаты стат. исслед. в 1894 г.). – Барнаул, 1899. – Вып. II. Описание переселенческих поселков. – 556 с.
- Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. Зап.-Сиб. отд. императ. Рус. геогр. об-ва. – 1899. – Кн. XXVI. – С. 1–88.
- Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 251 с.
- Школкин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журн. заседаний Моск. о-ва сельского хоз-ва. – 1863. – Кн. 1. – С. 35–50.
- Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX в.). – Новосибирск : Наука, 1985. – 286 с.
- Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Зап.-Сиб. отд. императ. Рус. геогр. об-ва. – Кн. II. – 1880. – 144 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Білецька В. Українські сорочки, їх типи, еволюція й орнаментация // Матеріали до етнології й антропології Етнографічна комісія наукового т-ва ім. Шевченка у Львові. – Львів, 1929. – Т. XXI–XXII. Ч. 1. – С. 53–57.
- Віннікава М. М., Богдан П. А. Скарбы з вясковых куфраў // Сокровища из деревенских сундуков. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2009. – 182 с.
- Drygas I. Wspomnienia chłopa-powstancza z 1863 r. – Krakow, 1913. S. 68–69.
- Felinska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie. – Wilno, 1852. – Т. 1. – S. 30–35.
- Молчанова Л. А. Пояс у беларускай народнай вопратцы // Беларусь. – 1959. – № 7. – С. 25.
- Раманюк М. Беларускае народнае адзенне. – Мінск : Беларусь, 1981. – 473 рис.
- Thiel E. Geschichte des Kostüms. – Berlin, 1985. – 463 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ	– Алтайский краеведческий музей (г. Барнаул)
ВКОМ	– Восточно-Казахстанский областной музей изобразительных искусств (г. Усть-Каменогорск, филиал в деревне Быструха Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан)
ВСП	– Всероссийская сельскохозяйственная перепись
ГААК	– Государственный архив Алтайского края (г. Барнаул)
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области (г. Новосибирск)
ГАТО	– Государственный архив Томской области (г. Томск)
ГМЭ	– Государственный музей этнографии (г. Санкт-Петербург), ныне Российский этнографический музей
ГОИЛМ	– см. ОГИКМ
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург)
НГКМ	– Новосибирский государственный краеведческий музей
ОАСТА	– Отдел архивной службы территориальной администрации
ОГИКМ	– Омский государственный историко-краеведческий музей (г. Омск)
ПМА XXXX № XX	– Полевые материалы автора (XXXX – годы экспедиций, XX – номер дневника)
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РЭМ	– Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)
ЦХАФ АК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края (г. Барнаул), ныне Государственный архив Алтайского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава первая.</i> Русские старожилы юга Западной Сибири (сибиряки, чалдоны)	11
<i>Глава вторая.</i> Старообрядцы-кержаки	51
<i>Глава третья.</i> Старообрядцы-двоеданы Верхнего Приобья	85
<i>Глава четвертая.</i> Старообрядцы-курганы Присалаирья	101
<i>Глава пятая.</i> Старообрядцы Васюганья – белорусские «москали» («кержаки»)	107
<i>Глава шестая.</i> Старообрядцы-«поляки» Алтая	129
<i>Глава седьмая.</i> Переселенцы из севернорусских губерний (Архангельской, Тверской, Вологодской, Пермской, Вятской и пр.)	185
<i>Глава восьмая.</i> Переселенцы из южнорусских губерний (Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской и пр.)	199
<i>Глава девятая.</i> Переселенцы из западных губерний (Витебской, Гродненской, Минской, Могилёвской и пр.)	223
<i>Глава десятая.</i> Переселенцы из юго-западных губерний (Подольской, Полтавской, Черниговской и пр.)	239
<i>Заключение</i>	265
<i>Summary</i>	277
<i>Список литературы и источников</i>	286
<i>Список сокращений</i>	294

Научное издание

Фурсова Елена Федоровна

**ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА РУССКОГО
И ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(конец XIX – первая треть XX века)**

Редактор *А.Г. Махова*
Корректор *А.В. Коненко*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *М.О. Миллер*

Подписано в печать 03.11.2015. Формат 70×100/16.
Усл.-печ. л. 24,05; уч.-изд. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ № 374.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17